

ТРУДЫ КОЛОМЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

Выпуск 4

Москва
2009

Т 78 ТРУДЫ КОЛОМЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ. Выпуск 4. – М.:
Русский раритет, 2009. – 160 с.

ISBN 978-5-7034-0250-4

Очередной, четвертый сборник включает некоторые из научных трудов преподавателей Коломенской Духовной семинарии, часть из них была представлена в ходе ежегодных семинарских конференций. Протоиерей Игорь Гагарин, разрабатывающий проблемы православной педагогики, рассматривает вопросы воспитания в творчестве Ф.М.Достоевского. Протоиерей Игорь Бычков обращает внимание на религиозное содержание берестяных грамот. Протоиерей Петр Иванов дает очерк истории и учения движения последователей «Анастасии». Известный многочисленными работами по церковной истории Подмосковья, протоиерей Михаил Щепетков на этот раз пишет об истории Московской епархии в годы Крымской войны. Статья священника Александра Ионова повествует о деятельности церковных архивистов в первые послереволюционные годы, а протоиерей Николай Крячко исследовал особенности церковного управления на юго-востоке России в 1919 г. А.С.Мельков пространно анализирует труды А.В.Горского и К.И.Невоструева по описанию древних рукописей московской Синодальной библиотеки.

Настоящее издание ориентировано на круг читателей, интересующихся проблемами церковной истории и сектоведения.

ISBN 978-5-7034-0250-4

© Коломенская Духовная семинария, 2009

Протоиерей Игорь Гагарин

ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ в творчестве Ф.М. Достоевского

Ф.М. Достоевский не был педагогом, но вопросы воспитания по-настоящему волновали его. А ведь подлинное искусство в том и заключается, что если художника что-то волнует, то он заставит волноваться об этом если не всех, то очень многих, кто соприкоснется с его произведениями. Одним из этих «многих» является и автор данной работы.

Мне думается, если из всех произведений писателя, начиная от самых ранних и кончая публицистическими, выбрать все то, что говорится о воспитании детей, расположить систематически и должным образом прокомментировать, может получиться если не учебник, то, во всяком случае, очень интересная и оригинальная книга, которая поможет многим занимающимся с детьми и юношеством. Такая работа еще ждет своего исследователя. Я же ставлю перед собой гораздо более скромную задачу: обратить внимание на некоторые мысли и наблюдения гениального писателя, которые мне представляются особенно важными и которые реально помогли мне в моей педагогической работе, заставили что-то переосмыслить, что-то поправить, а от чего-то отказаться.

Самые задушевные мысли о воспитании Ф.М. Достоевский вложил в уста любимых своих героев: старца Зосимы, Алеши Карамазова, князя Мышкина и др. Есть, однако, у писателя произведения, которые, казалось бы, совсем не имеют отношения к педагогике, где говорится вроде бы совершенно о других вещах, но и там, вглядевшись внимательно, мы можем увидеть много очень ценного для воспитателя.

Уж кажется так далека от нашей темы книга «Записки из Мертвого дома». Речь в ней, как известно, идет о каторге, на которой писатель провел несколько лет. Что может быть общего между каторгой и школой, учениками и заключенными? Впрочем, кто знает современную школу, с ее колоссальной перегрузкой учащихся и многими уродливыми явлениями, кое-что общее без сомнения обнаружит. Ведь если по-настоящему добросовестно готовиться ко всем урокам, все учить и выполнять, особенно в старших классах, можно попросту серьезно подорвать здоровье. Поэтому современный школьник готовится к урокам чаще всего избирательно, исходя из вероятности «спросят — не спросят», что-то игнорирует, что-то списывает и тем сохраняет себе здоровье. Я убежден, что нет на земле более тяжелого и невыносимого труда, чем тот, который ложится на плечи по-настоящему добросовестного школьника, и жизнь его мало чем отличается от каторги. Впрочем, таких не много.

Как бы, однако, ни было, учеба — это труд, труд достаточно тяжелый, и далеко не каждый ребенок может заставить себя этим трудом заниматься. И здесь

наблюдения Достоевского над тем, как относятся к труду каторжане, что в их трудовой повинности наиболее тяжело и что, напротив, помогает смягчить эту тяжесть, могут оказаться полезными для учителя или воспитателя. Ведь в экстремальных условиях часто гораздо более очевидно обнаруживается то, что в обычной жизни присутствует менее очевидно, но не менее реально.

2

В чем особенно выражается невыносимость каторжного труда? Оказывается, замечает Ф.М.Достоевский, вовсе не в объеме, не в тяжести. На каторге часто человек бывает загружен работой не больше, чем на воле. Каторжную работу делает мучительной ее *подневольный характер*. «Самая работа, например, показалась мне вовсе не так тяжелою, каторжною, и только долгое время спустя я догадался, что тягость и каторжность этой работы не столько в трудности и непрерывности ее, сколько в том, что она — *принужденная*, обязательная, из-под палки. Мужик на воле работает, пожалуй, и несравненно больше, иногда даже и по ночам, особенно летом; но он работает на себя, работает с разумной целью, и ему несравненно легче, чем каторжному на его вынужденной и совершенно для него бесполезной работе»¹.

Самое трудное дело делается с радостью, когда мы желаем им заниматься. И самое простое непосильно, если к нему принуждают. Не в таком ли положении оказываются многие наши дети, садясь за выполнение домашних заданий или идя в школу? И особенно страшно, когда таким становится участие в богослужении. Не потому ли именно духовное сословие дало в XIX и в начале XX вв. такое множество нигилистов и революционеров? Конечно, совсем без принуждения в работе с детьми обойтись едва ли удастся, но чем меньше этот принудительный момент будет ощущаться учеником, чем больше удастся нам так организовать работу, чтобы ребенку *самому хотелось* ею заниматься, тем большего достигнем. А иначе можем привить такое отвращение ко многим ценностям, в том числе и духовным, что уже никогда не смогут они его преодолеть, даже повзрослев.

Как организовать взаимную работу учителя и ученика таким образом, чтобы она не ощущалась последним как подневольный, а потому ненавистный труд, чтобы он влек к себе и доставлял ребенку радость? По мнению Достоевского, это должно быть важнейшей практической задачей, над которой необходимо думать каждому педагогу, готовясь ко встрече с детьми. Один из блестящих примеров такого отношения к делу воспитания и обучения находим мы в неоконченной ранней повести Ф.М.Достоевского «Неточка Незванова». Неточка, девочка-сирота, оказывается в доме прекрасной, доброй женщины, Александры Михайловны, которая становится ей и матерью и учительницей. Вот как от лица девочки описывается автором «педагогический процесс»:

«С каким жаром она принялась за мое воспитание!.. Новая воспитательница моя наотрез объявила себя против всякой системы, утверждая, что мы с нею ощупью найдем настоящую дорогу, что нечего мне набивать голову сухими по-

знаниями и что весь успех зависит от *уразумения моих инстинктов и от умения возбудить во мне добрую волю* (курсив мой. — И.Г.) — и она была права, потому что вполне одерживала победу. Во-первых, с самого начала совершенно исчезли роли ученицы и наставницы. Мы учились, как две подруги, и иногда делалось так, что как будто я учила Александру Михайловну, не замечая хитрости. Так, между нами часто рождались споры, и я из всех сил горячилась, чтобы доказать дело, как я его понимаю, и незаметно Александра Михайловна выводила меня на настоящий путь. Но кончалось тем, что, когда мы доберемся до истины, я тотчас догадывалась, изобличала уловку Александры Михайловны, и, взвесив все ее старания со мной, нередко целые часы, пожертвованные таким образом для моей пользы, я бросалась к ней на шею и крепко обнимала ее после каждого урока»².

3

Другим моментом, «утяжеляющим» любой труд, является его бессмысленность. Писатель очень метко замечает: «Если теперешняя каторжная работа и безынтересна и скучна для каторжного, то сама в себе, как работа, она разумна... Но если заставить его, например, переливать воду из одного ушата в другой, а из другого в первый, толочь песок, перетаскивать кучу земли с одного места на другое и обратно, — я думаю, арестант удавился бы через несколько дней или наделал бы тысячу преступлений, чтоб хоть умереть, да выйти из такого унижения, стыда и муки. Разумеется, такое наказание обратилось бы в пытку, в мщение, и было бы бессмысленно, потому что не достигало бы никакой разумной цели»³.

Все, что делает в этой жизни человек, должно иметь какой-то смысл, какую-то цель, гораздо большую, чем просто завершение работы и возможность отдохнуть. У взрослых такой смысл обычно в их труде присутствует. Иногда это бывает совершенно очевидная польза того, что мы делаем. Иногда — вознаграждение. Лучше, если есть и то и другое. А вот как раз у ребенка ни того ни другого в его работе часто нет. Единственным стимулом делать порученное является порой угроза наказания в случае невыполнения. Понятно, радости и вдохновения здесь ждать не приходится.

Беда в том, что родители и учителя, требуя от ребенка выполнения того или иного задания, порой не умеют или не хотят объяснить смысл требуемого. На самом деле это действительно нелегко. Но над этим стоит потрудиться. Когда это удастся, совершенно меняется отношение ребенка к тому, что он выполняет. Мотивация деятельности, осознанная учеником, является, таким образом, непременным условием того, чтобы эта деятельность не опротивела ему, став бессмысленной и невыносимой повинностью. Готовясь идти к детям, обдумывая, что и как мы им будем рассказывать, не будем забывать подумать хорошенько о том, как убедить наших учеников в том, что изучаемое нами действительно очень нужно и важно для них. Вопросам «КАК?» и «ЧТО?» непременно должен сопутствовать, а точнее, предшествовать вопрос «ЗАЧЕМ?».

Хочу остановиться еще на одном наблюдении автора «Записок из Мертвого дома». Достоевский рассказывает, что каторжане очень болезненно переживали, когда, ставя перед ними задачу, начальники не оговаривали объем, норму той работы, которую необходимо было выполнить. Такую норму на каторге называют «урок». Писатель показывает, как однажды заключенных приводят разломать старую барку. Получив задание, они, однако, не спешат начинать. Подходит «унтер-офицер с палочкой.

— Эй, вы, что расселись! Начинать!

— Да что, Иван Матвеевич, дайте урок, — проговорил один из «начальствующих», медленно поднимаясь с места.

— ...Барку растащи, вот те и урок»⁴.

Такой подход совершенно не вдохновляет каторжан. На протяжении часа работа никак не идет. Через час они все-таки получают конкретное задание, достаточно объемное. Читаем дальше: «Урок был большой, но, батюшки, как принялись! Куда делась лень, куда делось недоумение! Застучали топоры, начали вывертывать деревянные гвозди... Дело кипело. Все вдруг как-то замечательно поумнели. Ни лишних слов, ни ругани, всяк знал, что сказать, что сделать, куда стать, что посоветовать. Ровно за полчаса до барабана заданный урок был окончен, и арестанты пошли домой, усталые, но совершенно довольные...»⁵

Все это характерно для любой деятельности. Мы всегда веселее и воодушевленнее делаем то дело, объем которого нам ясен с самого начала. И наоборот, неопределенность нормы расхолаживает и угащает рвение. И когда на детские вопросы типа «А сколько мне выполнить упражнений?» или «прочитать» или «написать»... и т. д. мы отвечаем: «Сколько сможешь» или что-то в этом роде, мы делаем ошибку. Зная тот конкретный предел, достигнув которого, ученик может считать задание выполненным, он испытывает радость, возрастающую по мере приближения к конечной цели, помогающую преодолевать усталость.

Ну а теперь коснемся некоторых мест в творчестве Ф.М.Достоевского, где уже не косвенно, а напрямую поднимаются вопросы педагогики. Самые важные, самые дорогие своему сердцу мысли вложил Ф.М.Достоевский в уста тех героев, которых любил сам. Писатель как никто другой обладал умением пробудить в читателе любовь к тем героям, которых сам любил, и поэтому их мысли и высказывания особенно близко принимаются нами к сердцу.

Достоевский сделал в своем творчестве дерзновенную попытку изобразить абсолютно прекрасного человека. Таким он попытался показать героя романа «Идиот» князя Мышкина. Насколько удалась или не удалась эта попытка — не тема нашей работы, но в любом случае кн. Мышкин — человек, вызывающий глубокую симпатию читателя. И не случайно в самом начале романа, когда мы только встречаемся с героем, автор знакомит нас с удивительным эпизодом

из жизни князя, в котором он раскрывается как тонкий и чуткий воспитатель детей.

Князь рассказывает, как в Швейцарии, где он лечился, жила несчастная девушка, обманутая и обещенная неким проезжим коммерсантом. От девушки отвернулись все жители деревушки, от родной матери до пастора местной церкви. «Все кругом смотрели на нее как на гадину; старики осуждали и бранили, молодые даже смеялись, женщины бранили ее, осуждали, смотрели с презрением таким, как на паука какого. Мать все это позволяла... кивала головой, одобряла»⁶. И особенно беспощадны были здесь дети. Они буквально проходу не давали бедной Марии, «всею ватагой, — их было человек сорок с лишним школьников, — стали дразнить ее и даже грязью в нее кидали»⁷. Единственным человеком, не осуждавшим несчастную, а сочувствующим ей был князь Мышкин. Он пытался помогать ей, и однажды дети подглядели, как он общается с ней. «Я потом узнал, — рассказывает князь, — что они давно за мной подсматривали. Они начали свистать, хлопать в ладошки и смеяться, а Мари бросилась бежать. Я хотел было говорить, но они в меня стали камнями кидать. В тот же день все узнали, вся деревня; все обрушилось опять на Мари: ее еще пуще стали не любить. Я слышал даже, что ее хотели присудить к наказанию, но, слава Богу, прошло так; зато уж дети ей проходу не стали давать, дразнили пуще прежнего, грязью кидались; гонят ее, она бежит от них с своею слабою грудью, задохнется, они за ней, кричат, бранятся. Один раз я даже бросился с ними драться. Потом я стал им говорить, говорил каждый день, когда только мог. Они иногда останавливались и слушали, хотя все еще бранились...»

И вот снова и снова герой пытается объяснить детям, «какая Мари несчастная». И «скоро они перестали браниться и стали отходить молча. Мало-помалу мы стали разговаривать, я от них ничего не таил; я им все рассказывал. Они очень любопытно слушали и скоро стали жалеть Мари. Иные, встречаясь с нею, стали ласково с нею здороваться...» Трудно без волнения читать, как менялось отношение детей к бедной девушке, какою любовью и заботой в конце концов окружили они ее. Как помогали ей в ее болезни, ухаживали за ней в последние дни ее жизни, как хоронили ее и как затем дружно с любовью украшали ее могилу. Все это вызывало протест и возмущение родителей, школьного учителя, пастора местной церкви. Впрочем, зараженные милосердием детей, и они в конце несколько смягчили свое отношение к несчастной.

Семена добра и зла живут в каждом человеке, говорит Достоевский. Дети — не исключение. Мы, взрослые, — дипломаты. Мы умеем не обнаруживать многих своих душевных движений. У детей все куда более открыто. В выражении своих чувств они идут до конца. Там где взрослые обнаруживают холодное презрение к Мари, дети бросают камни и комья грязи.

Детская жестокость отвратительна. Но когда ребенок захвачен стихией добра и милосердия, то действительно «таковых есть Царство Небесное». Объединить детей в добром деле, дать им **опытно ощутить** радость любви, увидеть красоту милосердия — вот важнейшая задача педагога. Воспитанием этих детей занимались родители, учитель, пастор. Вероятно, они старались делать это

серьезно и ответственно, говорили им правильные вещи, внушали верные понятия. А когда с детьми начал общаться князь Мышкин — все ополчились на него, уверенные, что он портит, развращает детей. Да, добродетель заслуживает похвалы, а порок, напротив, — порицания. Но какие отталкивающие формы приобретает такая «справедливость» там, где нет милосердия! «Милость превозносится над судом», — говорит нам Евангелие, но как часто в человеческих отношениях справедливость суждений не желает знать никакого снисхождения к чужой немощи. Объединить детей в любви, причем любви **деятельной** — вот задача подлинного воспитателя. Пережив в детстве опыт такой любви, ощутив радость, всегда сопровождающую всякое доброе дело, дети уже никогда не забудут этот опыт.

Именно **НЕ ЗАБУДУТ**. Правильное наполнение детской памяти — важнейшее дело воспитателя. Это любимая педагогическая идея Ф.М.Достоевского. Память ведь не просто пассивная кладовая информации. Она, напротив, очень активно воздействует на сознание и поведение человека в мире. То, какие мы «сегодня» во многом зависит от того, что мы помним из нашего «вчера» и что нами забыто. И особое значение имеет здесь, по мнению писателя, совместное чтение. Сейчас такой вид семейного общения почти совсем ушел из нашей жизни. Родители еще читают детям книжки, пока они сами читать не научились. А вот чтобы в более старшем возрасте вместе почитать и поговорить о прочитанном, — этого почти не встретишь. Впрочем, кто мешает заниматься этим в воскресной школе, в походе, в детском лагере? И здесь прекрасным напутствием воспитателю будут слова старца Зосимы из «Братьев Карамазовых» о чтении с детьми Священного Писания: «Собери... у себя хоть раз в неделю, в вечерний час, сначала лишь только хоть деток... Разверни-ка... им эту книгу и начни читать без премудрых слов и без чванства, без возношения над ними, а умиленно и кротко, сам радуясь тому, что читаешь им и что они тебя слушают и понимают тебя, сам любя словеса сии, изредка лишь остановись и растолкуй иное непонятное... слово, не беспокойся, поймут все...»⁸ ...«Нужно лишь малое семя, крохотное: брось... его в душу, и не умрет оно, будет жить в душе его во всю жизнь, таиться в нем среди мрака, среди смрада грехов его, как светлая точка, как великое напоминание».

В заключение же я хочу еще раз повторить достаточно простую, но важнейшую мысль, которая уже прозвучала в этой работе выше. В самом конце романа «Братья Карамазовы», обращаясь к детям, только что похоронившим своего товарища, Алексей Карамазов произносит слова, которые мне представляются одними из самых глубоких и красивых из всего когда-либо сказанного о воспитании: «Знайте же, что ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то

может послужить когда-нибудь нам во спасение. Может быть, мы станем даже злыми потом, даже пред дурным поступком устоять будем не в силах, над слезами человеческими будем смеяться, и над теми людьми, которые говорят, вот как давеча Коля воскликнул: «Хочу пострадать за всех людей», — и над этими людьми, может быть, злобно издеваться будем. А все-таки, как ни будем мы злы, чего не дай Бог, но как вспомним про то, как мы хоронили Илюшу, как мы любили его в последние дни, и как вот сейчас говорили так дружно и так вместе у этого камня, то самый жестокий из нас человек и самый насмешливый, если мы такими сделаемся, все-таки не посмеет внутри себя посмеяться над тем, как он был добр и хорош в эту теперешнюю минуту! Мало того, может быть, именно это воспоминание одно его от великого зла удержит, и он одумается и скажет: «Да, я был тогда добр, смел и честен». Пусть и усмехнется про себя, это ничего, человек часто смеется над добрым и хорошим; это лишь от легкомыслия; но уверяю вас, господа, что как усмехнется, так тотчас же в сердце скажет: «Нет, это я дурно сделал, что усмехнулся, потому что над этим нельзя смеяться!»⁹

¹ Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома. Петрозаводск: Карелия, 1979. С. 22.

² Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. В 15 тт. Л.: Наука, 1988. Т. 2. С. 211, 212.

³ Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома. Петрозаводск: Карелия, 1979. С. 22.

⁴ Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома. Петрозаводск: Карелия, 1979. С. 89, 90.

⁵ Там же. С. 91.

⁶ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. В 15 тт. Л.: Наука, 1988. Т. 6. С. 72.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Т. 9. С. 329.

⁹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Л.: Художественная литература, 1970. Т. 2. С. 521, 522.

ЛИТЕРАТУРА:

Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома. Петрозаводск: Карелия, 1979.

Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. В 15 тт. Л.: Наука, 1988.

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, Л.: Художественная литература, 1970.

Протоиерей Игорь Бычков

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ об истории Русской Церкви

ВСТУПЛЕНИЕ

Особым источником по истории древней и средневековой Руси стали в XX в. берестяные грамоты. Находить их археологи начали сравнительно недавно — первая грамота была обнаружена в 1951 г. Всего на сегодняшний день обретоно более тысячи берестяных грамот. Более всего в Новгороде — 969 (по состоянию на 2007 г.). Кроме того, в Старой Руссе — 41, в Торжке — 19, в Смоленске — 15, Пскове — 8, Твери — 5, в Москве и Звенигороде Галицком — по 3, в Нижнем Новгороде, Витебске, Мстиславле, Старой Рязани — по одной.

Берестяные грамоты активно исследуются светскими учеными историками и лингвистами, уточняются их переводы, появляются все новые комментарии. Но они, можно сказать, пока совсем не попадают в поле зрения церковных специалистов. Исключение составляет архимандрит Макарий (Веретенников), впервые обративший внимание церковной науки на этот источник. Но с момента публикации его работы прошло более 26 лет. Число обнаруженных берестяных грамот за это время удвоилось. Это побудило автора этих строк вновь обратиться к этим уникальным памятникам.

В своем небольшом исследовании мы использовали работы главных специалистов по берестяным грамотам академиков Валентина Лаврентьевича Янина и Андрея Анатольевича Зализняка. Неоценимую помощь в работе оказал размещенный в глобальной сети сайт gramoty.ru. Он содержит информацию почти о каждой грамоте, ее цветной снимок и прорись, а также книгу А.А.Зализняка «Древненовгородский диалект».

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Подавляющее число грамот (около 970) явил нам «Господин Великий Новгород». Почва там была очень влажной. Эта влага, отсекая кислород, столетия хранила органику культурного слоя, в том числе драгоценную бересту.

Новгородские грамоты хорошо датируются, иногда с точностью до 10–20 лет, поскольку деревянные мостовые в древнем Новгороде не ремонтировали. Через каждые 20–25 лет их просто стелили заново. И вся эта гигантская «поленница» из настилов хорошо изучена археологами.

Берестяные письма сохранились на века и хорошо читаются, потому что процарапаны этакой «средневековой авторучкой» — острым писалом — на предварительно обработанной коре березы.

Все грамоты укладываются в следующий временной интервал: с XI по XV вв. Почему не раньше? Видимо в X в. новгородцев-христиан было не так много. Почему не позже? Появились бумага и чернила. К тому же в XVII–XVIII вв. почву в Новгороде осушили, и вся органика до слоев XV в. исчезла.

Берестяные письма — не официальные документы, а записи, не предназначенные для публичного чтения. Поэтому их рвали, бросали на землю, их топтали. Потому много утрат. Большинство грамот — не целые тексты, а их фрагменты. Но зато эти памятники письменности открывают нам картину реального бытия наших предков. Авторы грамот предстают перед нами живыми людьми с их проблемами, интересами, переживаемыми событиями. Благодаря грамотам мы сквозь столетия, разделяющие нас, слышим их живую речь. Здесь и хозяйственные хлопоты, и учебные упражнения, и военные донесения, и личные письма, и судебные записи, и последние слова завещания на смертном одре.

Мы постарались просмотреть все опубликованные грамоты. 140 из них представляют, как нам кажется, интерес для церковной истории. Это более 15% от того, что можно прочесть. Не так уж и мало!

ОБРАЗОВАНИЕ

Современные неоязычники тщетно пытаются обнаружить древние дохристианские письма — до сих пор не найдено ни одного такого памятника. Мифическая «Велесова книга» была разоблачена учеными еще в 70-е гг. XX в. Просвещение и образование принесла на древнюю Русь именно Церковь Христова. Древнерусские берестяные грамоты подтверждают это. Все они были написаны в христианское время. Более того, эти памятники письменности свидетельствуют: проповедь Евангелия дала на Руси быстрые и обильные всходы.

Особенно поражает уровень образования новгородцев. Такое впечатление, что там была всеобщая грамотность. По берестяным грамотам видно, что к XII–XIII вв. в Новгороде свободно писали и читали не только священнослужители, монашествующие и бояре, но и простые горожане: мужчины, женщины, даже 7–8-летние дети.

Бесценный подарок — целый свиток берестяных грамот (№№199–210) — нам оставил мальчик Онфим — современник благоверного князя Александра Невского. В его замечательных рисунках со всадниками, батальными сценами и автопортретом (грамота №206) отразился боевой дух Невской битвы и Ледового побоища. И в то же время видно, что это обычный ребенок. Своему товарищу Даниле он посвятил грамоту (№199) с изображением необычного животного, вроде жирафа, и подписал рядом: «Я — зверь».

В его нехитрых ученических упражнениях на бересте ясно прослеживается цель: от азбуки к слогам, а затем к словам, да каким словам — молитвам! Соглашусь с архимандритом Макарием, что его надпись: «Господи, помози рабу своему, Онфиму» — не просто стандартная для того времени подпись, как считают светские ученые, но именно молитва. Почему? Потому это видно из того, что

он не только написал молитву (грамота №203). Он ее тут же рядом попытался изобразить!

В грамоте Онфима №207 находим уже богослужебный текст из Великого повечерия, правда, с ошибками, потому что записывался, видимо, по памяти: «Яко с нами Бог услышите до послу яко ко же моли...»

Из истории Руси мы знаем, что во времена князя Владимира наши предки подчас воспринимали учение как какое-то мытарство. Матери плакали по чадам, забираемым в обучение, как по умершим. Совсем другую картину видим в Новгороде в середине XIV в. благодаря грамоте №687. Ее автор наказывает жене наряду с некоторыми покупками отдать ребенка в обучение грамоте. Видно, что для них это дело обычное.

Об уровне образования говорит даже классическая школьная шутка, записанная оригинальным способом (грамота №46). В XIV в. она звучала так: «Невежа писа (т. е. писал), недума казал (т. е. сказал), а хто ето... (т. е. кто это прочитал...)» Далее, возможно, следовало какое-нибудь обидное слово, которое адресат оторвал и выбросил.

О том, что новгородцы интересовались библейской историей и читали в XIV в. апокрифы, вроде «Беседы трех святителей», помещаемой обычно в Толковой Палее, свидетельствует берестяная чашечка-солонка (грамота №10). Вернее, процарапанная на ее ободке библейская загадка: «Есть град между небом и землей. К нему едет посол без пути, сам немой, везет грамоту неписанную».

И в завершение этой главы нельзя не упомянуть грамоту №271 (1360–1380 гг.): «Поклон от Якова куму и другу Максиму купи ми кланяюся овса у Ондreja яже прода возми у него грамоту да пришли мне чтения доброго да вести ми прикажи...» Казалось бы, куда яснее. Яков просит Максима прислать ему хорошего чтения. Однако некоторые исследователи, в частности Л.В.Черепнин, считают, что выделенные слова означают: «Пришли мне грамоту удобочитаемую». При этом ссылаются на найденную позже грамоту №775, где описана, по их мнению, аналогичная ситуация.

Нам показалась эта версия неубедительной. Во-первых, там совсем другая ситуация, нет слов «пришли мне чтения доброго», вообще речь о грамоте не идет. Во-вторых, писал грамоту №775 совершенно другой человек и в другое время — на столетие позже.

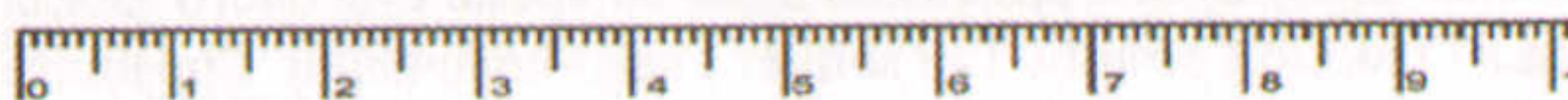
Гораздо легче согласиться с первоначальной версией зачинателя дела обретения берестяных грамот А.В.Арциховского: автор грамоты №271, как и многие новгородцы, действительно любил читать и просил прислать ему хорошие книги, которые в XIV в. было непросто достать.

ЦЕРКОВЬ И СУД

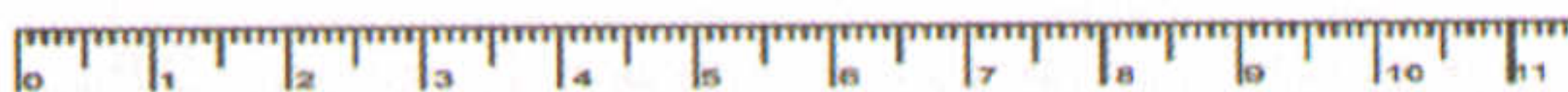
Из истории известно, что Русская Церковь принимала активное участие в судопроизводстве, причем не только над церковными людьми. Берестяные грамоты подтверждают это.

Грамота №203

Грамота №419

Грамота №538

Из отмеченных нами семи грамот, только одна касается возможного судебного разбирательства, связанного непосредственно с клириком. Неизвестный священник в грамоте №489 (1320–1340 гг.) просит некоего Моисея: «Вступишь за меня, ради Бога. Если даже тебе доведется понести убытки, то это будет за мной». Исследователи предполагают, что Моисей — будущий новгородский святитель, бывший в то время архимандритом или игуменом.

Конечно, главным представителем Церкви в суде был архиерей. В грамоте №725 (1180–1200 гг.) некто по имени Ремша кланяется Климяте и Павлу: «Ради Бога, пусть кто-нибудь из вас доберется до владыки; скажите владыке о моей обиде и о том, как я был бит и закован в кандалы. А я ему (обидчику) ничего не должен. Прошу же вас». Просьба «замолвить слово владыке» есть также и в грамоте №244 (1400–1410 гг.).

Судные грамоты были одним из источников доходов епархии. В грамоте №247 (1025–1050 гг.) описано такое дело. Некто был обвинен в краже со взломом. Однако сообщение о взломе оказалось ложным, и автор грамоты требует наказания для обвинителя. С ложно обвиненного должна быть взыскана определенная сумма в пользу епископа. В грамоте №155 (1160–1180 гг.) автор требует от должника возврата долга и угрожает судом князя и епископа: «Пришли же 12 гривен. Если же не пришлешь, то я встану (подразумевается: с тобой на суд) перед князем и владыкой; тогда к большому убытку готовься».

Но представляли Церковь в суде не только святители. В грамоте №302 (1420–1430 гг.), содержащей просьбу не допустить выдачу бессудной грамоты, упоминается поп Яков. По предположению В.Л.Янина, грамота №502 (1180–1200 гг.), адресованная священнику Елисею Гречину, — ничто иное, как записка, посланная члену суда и возможно даже во время судебного заседания. «От Мирослава к Олисею Гречину. Тут войдет Гавко-полочанин. Спрашивай у него, где он стоит на постое. Если он видел, как я Ивана арестовал, поставь его перед свидетелями, как он скажет».

Есть еще одна интересная береста, не связанная с участием Церкви в суде. Но мы ее приведем, потому что автор грамоты №238 (1100–1120 гг.) угрожает своему должнику вызовом на Божий суд, а именно — на испытание водой. Существовало два варианта такого испытания. В первом испытуемый должен был достать голый рукой кольцо со дна сосуда, наполненного кипящей водой. Другой вариант был более суровым. Испытуемого, связанного веревкой, бросали в воду. Он признавался невиновным, если шел ко дну, и наоборот, виноватым, если оставался на поверхности.

ДУХОВЕНСТВО

Берестяные грамоты не так часто упоминают об архиереях. О Владыках писали на более дорогом и благородном материале — пергамене. И все же кроме упомянутых ранее грамот, связанных с судебными делами, слово «епископ» есть

в списке имен грамоты №506. Кроме того, грамота №756 (1360–1380 гг.) содержит фрагмент письма владыке или черновика этого письма.

Грамота №689 (1360–1380 гг.) представляет собой отчет душеприказчика о расходах по завещанию и на поминки. По подсчетам В.Л.Янина, затраты на поминки и суммы, выплаченные духовнику Нестеру и чернецу Дмитру, весьма значительны. Ученый не исключает, что речь идет о завещании новгородского архиепископа Василия Калики, скончавшегося от чумы в 1352 г. В этом случае можно предположить, что Дмитр-чернец был келейником Владыки.

Гораздо чаще в берестяных письменах упоминается приходское духовенство. Более того, можно сказать, что священники — довольно активная категория авторов и адресатов берестяных грамот.

Благодаря грамотам, самым известным для нас новгородским священником XII в. стал Елисей Гречин. Ученые теперь утверждают, что это был коренной новгородец, а в имени, возможно, отразилось происхождение его предков. Есть даже реконструкция его усадьбы. Он писал иконы — грамоты №602 и №558, принимал участие в работе суда (грамота №502), сам как истец выигрывал в суде тяжбы (грамота №603).

Священники нередко становились душеприказчиками в завещаниях, например, грамота №519 (1400–1410 гг.), выступали свидетелями при составлении официальной грамоты (купчей, рядной и т. п.). В последнем качестве в грамоте №343 (1280–1300 гг.) выступают поп Борис и духовное лицо из клира церкви Святого Спаса.

В начале своих писем священники могли давать благословение: «Благословение и поклон от попа Перхурии ко Микифору» (грамота №619, 1360–1380 гг., или фрагмент письма — грамота №543, 1410–1420 гг.). А могли ограничиться поклоном: «От попа Дрочки поклон Демьяну, и Мине, и всем вам» — грамота №87 (1180–1200 гг.).

Среди берестяных памятников письменности есть челобитие сельского священника Тимофея (грамота №757, 1380–1400 гг.). Батюшка сообщает феодалу о том, что крестьяне не принимают назначенного барином какого-то ответственного лица. «Господину Есифу благословение и челобитие от попа Тимофея. Губляне твоего слова не слушают — Федорка не принимают».

Большинство берестяных грамот, написанных клириками или адресованных им, носят деловой и хозяйственный характер. В грамоте №610 (1360–1380 гг.) дьяк Рох из церкви Бельского погоста просит феодала выделить землю под строительство избы. В грамоте попу Максиму (№368, 1360–1380 гг.) также говорится о земле и о селе. Автор грамоты №536 (1380–1400 гг.) посылает не названному священнику деньги с просьбой купить сукно и сапожные гвозди.

Члены причта церкви святого Петра на Черменце имели неплохое материальное положение. Автор грамоты №220 (1240–1260 гг.) брал в долг у местного священника два горшка масла и четвертину гороха, а у церковного старосты — полдежи пшеницы. По мнению ученых, священник, написавший грамоту №293 (1240–1260 гг.), правильно рассчитал в ней проценты от суммы, отданной в долг некоему Завиду.

Великий Новгород, как и многие русские города, страдал в старину от пожаров. К XIV–XV вв. в городе было уже немало каменных храмов. У них появляется новая, совсем не свойственная дому Божию функция. Зажиточные новгородцы предпочитали самые ценные свои вещи, например, меха, сдавать на хранение в подклети храмов. Об этом свидетельствуют четыре берестяные грамоты.

«Челобитье от Семена попу Ивану. Пересмотрел бы ты мое добро, чтобы моль не испортила — я тебе, своему господину, бью челом о коробке (лубяном сундучке). А ключ я послал со Степаном. А помета — горностай», — читаем в грамоте №413 (1400–1410 гг.). Сидор в грамоте №275 (1360–1380 гг.) наказывает Григорию отдать оленьи шкуры сторожу в церковь. Феликс в грамоте №414 (1340–1360 гг.) советует Семену и Юрию положить в церковь прибыль — товар от завершенной торговли. По этой же причине автор грамоты №177 (1360–1380 гг.) просит попа Максима дать своему посланцу ключи от храма.

Но самая таинственная береста, связанная с духовенством, — грамота №538 (1380–1400 гг.). В подлиннике она звучит так: «Приказ (наказ) от попадьи к попу. Что у тебе было а пошло к Онании а нинеце проносится от Кюрьяка а нинеце понаболи (позаботься) о том».

Ученые комментируют эту конфиденциальную записку так. Дескать, что-то натворил батюшка, а матушка беспокоится, чтобы это не разглашалось. Не отвергая в целом этого, мне хочется выдвинуть свою версию. Грамота была написана в 1380–1400 гг. Это время самого разгара в Новгороде ереси стригольников. Стригольники были людьми книжными, образованными, вели аскетический образ жизни и имели немало сторонников в среде духовенства. И хотя главари-раскольники к тому времени уже покоились на дне Волхова, потопленные ревностными новгородцами, их идеи, а может быть, и письменные сочинения еще долго будоражили умы. Вот о записках расколоучителей или сочинении псковского монаха Акиндина, собравшего цитаты из Писания против симонии, может быть, и идет речь в этой загадочной записке.

МОНАШЕСТВО

Судя по грамотам, монашество в древнем Новгороде было очень распространено. Упоминание о монастырях, чернецах и черницах встречается в 11 берестяных памятниках.

В грамоте №354 (1340–1360 гг.) некто Онсифор просит мать поклониться деду, «чтобы ехал в Юрьев монастырь попросить пшена, т. к. здесь его достать нечего и надеяться».

Три грамоты связаны с Варвариним женским монастырем. В грамоте №717 (1160–1180 гг.) игуменья этой обители просит некую Офросению прислать ей пять повоев, т. е. платов для монашеского облачения, и сообщает о предстоящих постригах в обители. «А я сильно озабочена черницами: скоро постригать. По-

этому давай-ка разузнай, в монастыре ли Мафей (Матфей)». Может быть, этому отцу Матфею и предстояло постригать сестер обители. К этому же времени относится фрагмент переписки двух сестер обители: Харитании и Софьи — **грамота №682**. Там речь идет о тех же «повоях», а также о соленой и свежей рыбе. Некто Пелагия в **грамоте №657** пишет о деньгах, предназначенных для Варварина монастыря, а также спрашивается о здоровье коровы, принадлежащей этой обители: «А телка святой Варвары здорова ли?»

К XV в. многие монастыри владели вотчинами и селами. О возникавших в связи с этим хлопотах говорят **грамоты** этого времени **№359** и **№933**. Распоряжения о монашеском погребении содержит **грамота №681** конца XII в. В **грамоте №927** (1240–1260 гг.) говорится об уплате за сукно для монашеского облачения. **Грамота №323** (1280–1300 гг.) упоминает о Марии-чернице, а **№689** (1360–1380 гг.) — о Дмитре-чернце.

О христианском отношении друг к другу братьев-монахов свидетельствует **грамота** начала XII в. **№605**. Здесь мы видим и упрек в необоснованной обиде, и призыв к примирению. «Поклон от Ефрема брату моему Исухии. Ты разгневался, не расспросив: меня игумен не пустил. А я отпрашивался, но он послал [меня] с Асафом к посаднику за медом. А пришли мы (двое), когда [уже] звонили. Зачем же ты гневаешься? Ведь я всегда у тебя (при тебе). А ззорно мне, что ты злое мне говорил. И [все же] кланяюсь тебе, братец мой, хоть ты и такое говори. Ты мой, а я твой».

ЦЕРКОВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Всю свою жизнь древние новгородцы сверяли с церковным календарем. Нигде на бересте мы не находим записанных конкретных дат — все авторы грамот для датировки описываемых событий используют лишь церковные праздники и дни памяти святых. Чаще всего упоминается Петров день (**грамоты №№142, 163, 389, 417, 463, 558**), ведь именно к нему в старину были приурочены многие расчеты, обязательства и выплаты. Трижды упомянуто Рождество Христово (**грамоты №№144, 241, 506**). Грамоты содержат также упоминание дней памяти следующих святых: апостола Филиппа (**грамота №164**), пророка Илии (**грамота №134**), святого Прокла (**№496**), Евгения и Феодулы (**№462**). Одно из описываемых событий совершилось на Пасху — **грамота №154**. Благодаря этому узнаем, что праздник Пасхи — это Торжество из Торжеств в XV в. в народе именовали Великим днем.

Самый большой перечень церковных праздников содержится в очень древней **грамоте №913** (1050–1075 гг.). Ее автор — возможно, священник — переписал каллиграфическим почерком важнейшие праздники и дни памяти наиболее почитаемых святых, приходящиеся на осень и начало зимы. В записке перечислены последовательно Рождество Богородицы, Воздвижение Креста, Лука (евангелист), Димитрий (Солунский), Косма и Дамиан, Михаил и Гавриил, Филипп, Варвара, Рождество Христово, Обрезание и Крещение.

ИМЕНА

В берестяных грамотах поражает обилие дохристианских имен. Такого количества древнерусских имен история доселе не знала. Во всех грамотах светского или бытового характера мы видим в основном дохристианские имена.

В то же время во всех многочисленных поминальных записках и завещаниях мы читаем только христианские имена. Это подтверждает известную русскую традицию домонгольского времени оставлять после крещения в употреблении два имени: древнерусское и христианское. Но в Новгороде такая традиция оказалась очень живучей. Она сохраняется и в период монгольского ига. Так, в **грамоте №348**, содержащей долговой список крестьян одного села, из 21 указанного имени 17 — дохристианских. И это во второй половине XIII в.! Правда, к началу XV в. положение меняется. В **грамоте №161** с росписью натуральной повинности крестьян из 20 имен дохристианских — только 8. Интересно, что крестьяне в грамотах называются чаще «хрестияне», чем «крестияне».

Более того, даже некоторые священнослужители и члены их семей и причтов именуют себя в грамотах древними именами. Так, **грамоту №87** в конце XII в. писал поп Дрочка (в северных и восточных русских говорах это имя означало «Баловень»). В **грамоте №231** (также конца XII в.) упомянут сын священника по имени Нежил. Церковного старосту храма святого Петра на озере Черменце в **грамоте №220** (середина XIII в.) именуют Несдыла. А дьяка, служившего во второй половине XIV в. в церкви Бельского погоста, зовут Рох — **грамота №610**.

БЛАГОЧЕСТИЕ НАРОДА

Древнерусские берестяные грамоты дают представление и о благочестии наших предков.

Молитвенные подписи «Господи, помози рабу своему» мы встречаем не только у мальчика Онфима, но и в **грамотах №329** (1280–1300 гг.), **№887** (1140–1160 гг.). Краткие молитвенные воздыхания к Богу содержат **грамоты №305** (XIV–XV вв.): «Дай мне, Господь, свет Божий видеть», **№331** (1240–1260 гг.): «Господи, да не яростию Твоею...», **№462** (1180–1200 гг.): «Господи, услыши молитву...», **№610** (1360–1380 гг.): «Господи, помилуй дьяка Бельского», **№652** (1180–1200 гг.): «Во время живота моего не остави мене...», а также мизерные фрагменты грамот **№653** (1180–1200 гг.) и **№884** (1140–1160 гг.).

Характерно, что и во многих, казалось бы, бытовых записях новгородцы не забывают о Создателе. Вот типичные выражения. «Свидетель Бог» — **грамота №944** (1180–1200 гг.); «Мзда будет от Бога» — **грамота №901** (1100–1120 гг.); «Волен Бог и ты» — **грамота №311** (XIV–XV вв.); «Како Бог даст» — **грамоты №148** (1280–1290 гг.) и **№481** (1260–1290 гг.); «Бойтесь Бога, слово блюдите» — **грамота №622** (1360–1380 гг.); «Дай Бог вам радость» — **грамота №497** (1340–1380 гг.). Даже в любовном письме — **грамота №752** (1100–1120 гг.) — читаем: «Судит тебя Бог и моя худость».

Нередко в важном договоре между собой новгородцы употребляли крестное целование: грамоты №44 (1360–1380 гг.), №246 (1025–1050 гг.), № 445 (начало XIV в.).

Формула «А на то Бог» в грамоте №944 (1180–1200 гг.) означает, что речь идет об устном договоре, происходившем без свидетелей.

Наконец, все дошедшие до нас завещания на бересте: Фетинии — грамота №28 (1400–1410 гг.), Михалю — грамота №42 (1380–1400 гг.), Селивестра — грамота №138 (1300–1320 гг.), неизвестного — грамота №369 (1360–1380 гг.), Мосею — грамота №519 (1400–1410 гг.), Марии — грамота №692 (1400–1410 гг.) начинаются с призывания Святой Троицы. «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, се аз раб Божий (раба Божия) <...> отходя сего света пишу рукописание при своем животе...» Далее, правда, везде следуют исключительно хозяйственные распоряжения. Интересно, что по русской традиции Моисей в грамоте №519 завещает часть земель храмам святителя Николая и Пресвятой Богородицы. Священники упомянутых церквей были «послухами» при этом завещании.

В Звенигородской грамоте №2 (1120–1140 гг.) вдова некоего Говена напоминает о предсмертных распоряжениях своего мужа и замечает, что записывал это завещание священник, не названный по имени.

Не забывали наши предки и о поминовении усопших. Грамота №689 (1360–1380 гг.) говорит о поминовении в сороковой день — сорочины. Грамота №19 (1410–1420 гг.) свидетельствует о годовом поминании. Причем из первой грамоты явствует, что к сорочинам варили пиво.

Любили наши предки возжигать лампы пред иконами. В грамоте №173 (1400–1410 гг.) Панфил просит Марка и священника купить и прислать ему «маслица деревяного».

Ходили новгородцы и в паломничества ко святыням, причем уже в XII в. Неизвестный автор грамоты №296 (1180–1200 гг.) сообщает брату, что освободился из темницы и теперь «идет к святым», видимо, благодарить Бога и его угодников.

ЗАПИСКИ-ПОМИНАНИЯ

Среди обнаруженных грамот довольно внушительная категория — записки-поминания: №№504, 506, 508, 522, 541, 542, 544, 545, 551, 553, 554, 555, 557, 559, 560, 561, 595. Понятно, что до появления бумаги наши предки писали их на бересте. Большинство записок светские ученые не спешат отнести к поминаниям, предполагая, что некоторые из них могли быть заказами на иконы. При этом их смущают разные падежи церковных имен, приводимых в списках. Посмеем предположить, что все же в основном это поминания.

Большинство грамот со списками имен датируются одним временем (1160–1180 гг.) и были обретены археологами в одной усадьбе. В отмеченное время там жил священник и иконописец Елисей Гречин. Значит, он сам мог записы-

Грамота №915

вать имена людей, которые попросили его о них помолиться. В этом случае в списках имена могли быть зафиксированы в разных падежах, в зависимости от того, какое молитвенное выражение в данный момент употреблял священник. Например, если как в ектенье: «Еще молимся о здравии и спасении рабов Божи-их...», то получается родительный падеж. Если употребить: «Господи, помяни рабов Твоих...» — уже винительный падеж. А чтобы не путаться в падежах, проще записать в именительном, а затем уже на богослужении при произнесении склонять в зависимости от используемого молитвенного прошения. По той же причине в разных падежах могли писать имена своих близких и миряне. Кроме того, бесспорный заказ на иконы есть у Елисея Гречина в **грамоте №602**, и там список разительно отличается от всех указанных поминаний.

Грамота №506 особенная. В ней упомянуто Рождество и какой-то епископ. Список в **грамоте №729** содержит нехристианские имена и поэтому не может быть отнесен к поминаниям.

Есть церковные поминания и в грамотах, обнаруженных в Смоленске: **№№5, 7, 10**.

Как священник отделял «здравные» записки от «заупокойных» — остается загадкой. Ведь заголовков, подобным сегодняшним «О здравии» или «О упокоении», в обнаруженных древних поминаниях нет. Но можно предположить, что замеченное мной в оригинале **грамоты №508** выражение «милостиви на сия» относится к поминовению о здравии.

ИКОНОПИСЬ

Две грамоты, явно относящиеся к иконам, связаны с уже упомянутым священником-иконописцем Елисеем Гречиным. В **грамоте №602** виден заказ на иконы: «Димитрия Христину, а на другой Евана и Марие, а на третьей Евана, а четвртои Семеона». Поп Мина в **грамоте №558** просит Гречина прибыть к нему с готовыми иконами к Петрову дню.

Среди имущества, описанного в **грамоте №500** (1320–1340 гг.), встречаем икону с гойтаном, т. е. шнурком для ношения на груди. Видимо, это был небольшой образок.

В **грамоте №780** (1180–1200 гг.) ученые расшифровали заказ на изготовление графьи для росписи храма. Графьи — это углубленные линии, описывающие контур рисунка, процарапанные по поверхности штукатурки (или левкаса). Главная их функция — сохранить контуры рисунка после нанесения красочных слоев.

И, наконец, **грамота №915-и** являет нам саму икону. Этот небольшой образок на бересте ученые датируют первой половиной XI в. На одной его стороне — изображение Спасителя, на другой — великомученицы Варвары. Святая изображена, как и положено, в короне и с крестом в руке.

БОГОСЛУЖЕНИЕ

К богослужению можно отнести 10 из пока обнаруженных и опубликованных берестяных грамот.

До нас дошли два отпуста, записанных священниками на кусочках бересты во второй половине XI в. Понятно, что тогда не было таких миниатюрных служебников с месяцесловом, с которыми ныне священники выходят на солею на отпуст. Поэтому батюшки писали на бересте ключевые слова отпустов. Вот как они выглядят в **грамоте №906** (1075–1100 гг.): «Христа, Богородицы, Петра и Павла, Козмадемьяна, отца Василья и Бориса и Глеба и всех святых». Здесь интересно не столько слитное написание имен бессребреников, сколько упоминание первых прославленных русских святых Бориса и Глеба буквально через несколько лет после их канонизации в 1071 г. Это самый ранний из ныне известных подлинный документ с их именами. Ученые считают, что «отец Василий», упомянутый в этом отпусте, — отец братьев-страстотерпцев равноапостольный князь Владимир, в крещении получивший имя Василия.

Отпуст в **грамоте №914** (1050–1075 гг.) удивляет написанием «Волоса» вместо «Власия», а также помещенным в нем названием праздника Вознесения. Старообрядцы до сих пор включают названия праздников в формулу отпуста. Так что это древняя русская традиция.

В обоих отпустах трудно определить день, когда их произносили.

В древней и средневековой Руси остро ощущалась нехватка богослужебных книг. Неудивительно, что церковнослужители или певчие выписывали редкоупотребляемые богослужебные тексты на бересту. **Грамота №128** конца XIV в. содержит ирмос, записанный в четыре столбца. В **грамоте №916** (1260–1280 гг.) — тропарь первого часа Навечерия Рождества Христова. В этом тексте допущен ряд перестановок и пропусков. К церковным текстам может быть отнесен маленький фрагмент, уцелевший на **грамоте №518** (1140–1160 гг.).

Богослужебные тексты содержит единственная пока обнаруженная берестяная книжечка — мечта археологов — «**грамота**» **№419** (1280–1300 гг.). В ней 12 страниц размером 5 x 5 см. Пять из них пусты (четыре составляют обложку). А на семи других — воскресные стихиры на «Господи воззвах».

В **грамоте №846** (1140–1160 гг.), написанной весьма неразборчиво, угадывается просьба некоего Дмитра к попу выдать сосуд и книги к службе. **Грамоту №660** (1180–1200 гг.) специалисты условно отнесли к описи церковного имущества, потому что там упомянут горшочек ладана: «соудокъ темейна».

К церковным текстам можно отнести две бересты с иностранными надписями. В **грамоте №552** (1180–1200 гг.) по-гречески написано: «Меркурию Воину (Стратилату)». **Грамоту №488** (1380–1400 гг.) ученые отнесли к литургическим записям на латинском языке.

Очень интересно и необычно краткое пасхальное последование, записанное священником для памяти на **бересте №727** в конце XII в. Сначала вроде бы идет пасхальное начало утрени. Но потом вместо запева «Да воскреснет Бог» написан совсем другой запев: «Да исповедятся Господеви». Вместо следующего

запева пасхального начала «Яко исчезает дым» записано: «Яко сокруши Господе врата медяная». Только один запев совпадает с ныне употребляемыми: «Сей день его же сотвори Господь». Пасхальный тропарь написан почти так же, как и сейчас у старообрядцев: «... и гробенымо живото дарова». Далее написано: «тропарь, кондак, светилен «Плотию уснув»... Заканчивается запись светильном Фоминой недели.

И, наконец, берестяные грамоты донесли до нас фрагменты двух церковных проповедей. Первая, новгородская (**грамота №317**) была написана в 1340–1360 гг. В переводе звучит так: «...слезы проливаются пред Богом. За то гнев Божий на вас мечет язычники. Так что покайтесь в том беззаконии! А на то дело окаянное немногих попускает; а (вам) бы их хотя бы не стесняться (т.е. хорошо бы, чтобы вы хотя бы не боялись осуждения с их стороны)».

Вторая проповедь обнаружена в Торжке — **грамота Торж. 17**. Она составлена гораздо раньше, в 1170–1190 гг., и очень напоминает «Слово о премудрости» самого талантливого проповедника того времени — святителя Кирилла Туровского. Но священник не просто переписал текст Кирилла, а выбрал из него то, что считал необходимым для своей паствы.

ОСТАТКИ ЯЗЫЧЕСТВА

Известно, что Церковь стремилась вытеснить в сознании народа почитание языческих божеств, заменяя их образами христианских святых. Благодаря **грамоте №914** видно, что уже в XI в. Велес, или Волос, заменяется в Новгороде святым Власием, покровителем скотоводства. Правда, священник, записав на бересте отпуст, ошибся, назвав святого по старинке — Волосом.

К сожалению, некоторые наши предки не гнушались прибегать к помощи молитв-заговоров. Берестяные грамоты донесли нам три примера. **Грамота №715** (1220–1240 гг.) больше напоминает молитву — содержит обращение к Богородице, ангелам и архангелам: «Тридевять ангелов, тридевять архангелов, избавьте раба Божия Михея от лихорадки молитвами святой Богородицы».

В более ранней **грамоте №734** (1140–1160 гг.) трижды повторяется имя неизвестного христианам мифического «ангела» Сихаила, а также слово «ангел». Эта грамота содержит одно из самых ранних на Руси изображений восьмиконечного креста.

Заговор-молитву от лихорадки или т. н. «Сисиниеву легенду» содержит **грамота №930** начала XV в. Ученые установили, что к этому времени за несколько веков заговор претерпел существенные изменения. В этом варианте заговора произошло слияние двух его героев — Сихаила и Сисиния — в парный образ (видимо, по подобию христианских святых Петра и Павла, Космы и Дамиана...). В первоначальном сюжете на горе Синай сидит Сисиний и видит, как к нему слетает с неба ангел Сихаил. По **грамоте №930**, на горе сидят уже оба героя и к ним слетают... они же самые. Получился полный абсурд. Но это, видимо, несколько не смущало пользователей.

Примером магической переработки слов или даже букв псалмов служит **грамота №674** (1180–1200 гг.). Тонкая береста была скручена в тугой свиток и носилась с собой, как оберег. На грамоте процарапан фрагмент 54 псалма, но в зеркальном отражении — для увеличения магической силы амулета. Такое соединение христианского текста с приемами языческой магии — одно из проявлений двоеверия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кроме Новгорода, берестяные грамоты обнаружены в недрах еще 11 древнерусских городов. Но в этом почетном списке, к сожалению, пока нет Коломны. Хотя береста, найденная в Старой Руссе, поначалу обнадежила: «Поклон от Коленца к Самуйле. Не беспокойся: я сел в Коломне на ладью». По мнению ученых, Коломно — сельцо на берегу реки Полы, основного водного пути, соединявшего Новгород с районом Селигера.

И все же не будем терять надежды. Ведь, по мнению археологов, только в недрах Новгорода сокрыто еще до 30 тысяч берестяных грамот!

ИСТОЧНИКИ:

- Грамоты №№1–956. Новгород. XI–XV вв.
- Грамоты №№1–3. Звенигород. 1120–1140 гг.
- Грамота №1. Москва. 1450–1500 гг.
- Грамота №1. Мстиславль. 1100–1300 гг.
- Грамоты №№1–8. Псков. 1180–1300 гг.
- Грамоты №№1–15. Смоленск. 1100–1300 гг.
- Грамоты №№1–40. Старая Русса. 1075–1300 гг.
- Грамоты №№1–5. Тверь. 1200–1320 гг.
- Грамоты №№1–19. Торжок. XII в.

ЛИТЕРАТУРА:

- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Зализняк А.А., Янин В.Л. Новгородская Псалтирь начала XI века — древнейшая книга Руси. Вестник РАН. Т. 71. № 3. 2001.
- Игумен Макарий (Веретенников). Берестяные грамоты как источник русской церковной истории. Богословские труды. Сб. 24. 1983.
- Янин В.Л. Археология и исследование русского средневековья. Вестник РАН. Т. 70. №10. 2000.
- Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М., 1975.

Протоиерей Петр Иванов

О РЕЛИГИОЗНОМ ДВИЖЕНИИ последователей «Анастасии»

Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням.

(2 Тим. 4:3–4)

На протяжении последних нескольких лет на российском «рынке духовности» появилось великое множество разнообразного товара. Формула основателя сайентологии Р.Хаббарда о выгодности придумывания собственной религии продолжает подтверждаться множеством примеров. Одним из них стало движение почитателей Анастасии, возникшее после опубликования неким Владимиром Пузаковым [См.: Быков Д. Лесное чудо или чудо лесное. Михаил Щетинин — сектант-новатор? // Огонек, №8, март 2000 г.], избравшим себе псевдоним «Мегре» («анастасийцы» яростно отрицают «пузаковское» происхождение Мегре, уверяя, что Мегре — это типичная белорусская фамилия), серии книг о лесной жительнице по имени Анастасия. «Прекословия лжеименного знания» (1 Тим. 6:20) быстро распространяются и находят себе довольно многочисленных поклонников.

ОБРАЗ АНАСТАСИИ

С обложки книг Мегре на нас смотрит молодая женщина с перманентом, лицо которой покрыто толстым слоем макияжа. Это для того, чтобы книга лучше продавалась. В то же время на одной из иллюстраций внутри текста в ее портрет введен образ Мадонны. И не случайно, поскольку автор пытается убедить нас в том, что Анастасия — исключительная представительница человеческого рода, способная вступать в особые, личные отношения с Богом.

Описание ее внешности представляет набор пошлейших эпитетов, соответствующих целлулоидному мифу о лесной красавице: «золотистые волосы и великолепнейшая фигура», «холеная кожа», «одета в легкое короткое платьице, чем-то похожее на ночную рубашку» [1, с. 28]. Один из последователей Пузакова заметит: «Красавица из племени русских ариев». Изъясняется она с истинным изяществом Элочки Людоедки: «Ты читаешь мои мысли. О, как это фантастично!» [1, с. 318].

Анастасия якобы может непосредственно общаться с «высшим разумом» (понимай, с Богом), который является ей в виде светящегося шара. Она предвидит будущее, может его изменять, способна исцелять болезни, переноситься в пространстве не только мыслью, но и, телепортируясь, посещать разные части Земли и даже иные планеты.

Автор от своего имени и от имени героини книги часто обсуждает «алогичность» Анастасии. Это необходимо для того, чтобы далее заявить: все мысли, высказываемые новой пророчицей, сколь бы противоречивыми, малограмотными или даже бредовыми они ни были, являются проявлением «духовных забытых законов из глубин Вселенной» [1, с. 332]. Слушая излияния Анастасии, замирают ангелы и бесы («светлые и темные силы» [там же]). Иногда ее сравнивают с божеством, иногда с людьми до грехопадения — «все, чем она владеет, присуще человеку... в своем первозданном виде» [1, с. 338].

Откуда же взялась Анастасия? Мифология семьи такова. Анастасия происходит из рода, который в течение тысячелетий живет отдельно от остального человечества, лишь иногда вступая в контакт с людьми [1, с. 26]. В тексте неоднократно подчеркивается, что Анастасия хранит память тысячелетий, унаследованную от далеких предков. «Прамамочка» (так в тексте. — *Авт.*) Анастасии, жившая десятки тысяч лет назад, была от рождения калекой, и мать с горя унесла ее в лес, где и бросила. Незадачливый автор одаривает «прамамочку» именем Лилит. Что-то где-то смутно слышал и решил, что звучит красиво. Между тем Лилит — злой дух иудейской демонологии (происходит от корня «лил» — ночь). Талмуд описывает Лилит с особенно ужасающими подробностями. Начиная с эпохи Возрождения, в связи с ростом интереса к каббале, образ проник в европейскую литературу в виде прекрасной соблазнительной женщины. Эти мотивы, видимо, уловил где-то «писатель» Мегре.

«Прамамочка» создает семью с неким древним «поэтом». Это очень «романтично». Со временем он ее покидает, чтобы положить начало совершенному обществу. Для этого он избирает наиболее порядочного вождя племени по имени Егип и полагает основание Древнему Египту [3, с. 159]. Потом, правда, жрецы стали завидовать предку «Анастасиюшки» (именно так, любовно присюсюкивая, называют ее последователи новой секты) и уморили его голодом. Тот перед смертью успел спеть прекрасную песню для народа (по теории пузаковской Анастасии, мечты, воплощенные в слове и переданные в пении, могут преобразовывать реальность). Содержание древних гимнов Анастасия «слышит сама (историческим слухом. — *Авт.*), но перевод доподлинный их невозможен» [3, с. 170]. И не диво, на стилизации в древнеегипетском стиле Пузаков еще не решается. Правда, Анастасия утешает: можно сочинить новые песни. Над ними уже трудится «бард из Егорьевска» [3, с. 171]. Походя заметим, что постепенно сформировавшаяся система «анастасийной пропаганды» активно поощряет последователей Мегре к поэтическому творчеству, качество которого прекрасно иллюстрируют строки некоего Валерия Некрасова: «Вы сами-то поняли, чего вы добились?/ Мы ж этим прогрессом и подавились»... [10, №2(6), с. 70].

Все поведение Анастасии с самого начала ее общения с Пузаковым в стиле примитивной пасторали подчеркивает тесную связь героини романа с природой. Она трогает и «быстро поглаживает» листья и ветки растений, ест травы [1, с. 31]. Живет она на поляне, в теплой одежде не нуждается (дело происходит в Западной Сибири, на берегах Оби), не делает никаких продовольственных запасов, питаясь тем, что найдет или что получит от белок (они, оказывается, на зиму запасают орехов и грибов больше, чем нужно). Позже по ходу повествования выясняется, что Анастасия выращивает в лесу огурцы и помидоры, так что образ беспопечительности несколько блекнет. Автор делает вывод о том, что лесная жительница «является неотъемлемой частью Природы» [1, с. 36], ей послушны птицы и звери, медведица и волчица служат ей домашней прислугой.

Героиня эпопеи должна представить читателю здоровый образ жизни. Однако это остается одним из самых слабых мест опуса Пузакова. Беспреданно экзальтированно подпрыгивающая, вертящаяся вокруг своей оси, похлопывающая деревья и извивающаяся на траве, Анастасия все остальное время «продолжает заниматься своим делом» [1, с. 41]. Дела же заключаются в том, чтобы размышлять о судьбах человечества и корректировать ход мировых событий. Других занятий, которым могли бы подражать поклонники лесного оздоровления, у Анастасии не находится.

Как же воздействует на мир Анастасия? «Духовным инструментом» отшельницы является некий невидимый луч, при помощи которого она может видеть происходящее в любом конце Земли и даже вселенной. В четвертом томе опуса Пузакова рассказывается о том, как Анастасия доставила его на другую планету, показав «центр захвата». Автор пытается убедить своих читателей в том, что на многих планетах существуют цивилизации, технически развитые, но в духовном плане несамодостаточные. Они разъезжают по вселенной на летающих тарелках. Порождены они «злыми сущностями», конкурентами Бога.

Злые сущности хотят погубить землю, но «Анастасиюшка» по ходу развития сюжета материализуется в штабе врага (переместив свое тело на другую планету), парализует его волю и уничтожает орудия, приготовленные для порабощения человечества. Поэтому, в конце концов, Пузаков провозглашает ее «мессией» [3, с. 273].

Поверьте, до антихриста недалеко. На конференции «анастасийцев» в Геленджике не только предлагалось добиться законодательного решения Государственной Думы об охране «Анастасиюшки» как национального достояния, но и выдвигалась идея обратиться в ООН — «на сегодня ООН вроде мирового правительства. Хотелось бы пофантазировать: а что, если со временем Анастасия сможет стать ее руководительницей, “царицей мира”».

Предназначение Анастасии состоит в том, чтобы объяснить людям «пагубность технократического пути развития» и указать путь к «первоистокам» [1, с. 48]. Она знает все языки мира, может и Веды полностью перевести, только не хочет на это время тратить [3, с. 278] (и впрямь смысла нет: уже все переведено).

Завязка сюжета рассматриваемого нами произведения состоит в том, что Анастасия случайно оказалась в том месте, где предприниматель Пузаков

обольщал деревенских девушек роскошью провинциального бизнесмена. Одна из них в восхищении воскликнула, что любит его. Анастасия (которая ни одно слово не произносит напрасно — здесь постоянно подчеркивается магическое значение слова) повторяет признание вслух и тем самым берет любовь на себя. И вот заурядный Пузаков (его тупость и убожество намеренно подчеркиваются на протяжении текста, чтобы служить выгодно оттеняющим тоном для банальных «откровений» Анастасии; в одном из пассажей об этом говорится так: «счастлива, что не взяла из вашей жизни никого, способного принести радость другой женщине» [1, с. 333]), человек женатый, что его, правда, несколько не смущает, вступает в связь с лесной жительницей. Как выясняется, все это ради рождения сына, о котором он давно мечтал. Видимо, Пузаковым уготована ребенку особая роль в «романе». Об этом можно судить по тому, что по ходу повествования дело доходит до откровенного богохульства. Дед и прадед Анастасии приходят поздравить беременную внучку. На ее вопрос о том, как они узнали, звучит кощунственный ответ: «Так ведь звезда!..» [1, с. 228]. В подтексте — сравнение сблудившей Анастасии с Пресвятой Богородицей через намек на Вифлеемскую звезду. Далее в тексте находим такое откровение лесной жительницы: «Христа родить лишь та способна мать, которая поверит, что Христос у ней родится, и если отношение родителей к младенцу будет как к Христу иль Мухаммеду, последует за мыслью и младенец» [2, с. 140]. Оставим в стороне очевидный антихристианский пафос. Обратим внимание на то, что здесь содержится намек на исключительную миссию ребенка, рожденного Анастасией от Пузакова.

И действительно, в седьмом томе творений Мегре высказывает следующее откровение: «человек самодостаточное творение, в котором заключены абсолютно все энергии мироздания» [6, с. 5]. Именно по этой причине, оказывается, становятся чудотворными иконы, в которые «вложено много энергий людских мыслей» (стиль Мегре. — *Авт.*) [6, с. 21]. Особыми сверхъестественными возможностями наделяет создатель нового культа своего сына Владимира Владимировича, который способен нейтрализовать ядерную энергию, подчиняя ее своей воле. Отсюда возникает безответственная бредовая идея об обогащении России за счет того, что последователи Мегре будут за плату захоранивать малые дозы радиоактивных отходов под своими домами в сектантских родовых поместьях [7, с. 18–19]. Это не единственное изобретение сынка: он владеет искусством приготовления эликсиров, прекращающих старение, а также умеет приручать животных, чтобы они «в поместьях» смогли исполнять работу по хозяйству [см.: 7].

В восьмом томе Мегре намечена тема появления дочери. Видимо, со временем она получит дальнейшее развитие.

Анастасия озабочена оздоровлением человеческого рода. Для этого хочет донести до людей знания «прамамочки» о правильном кормлении младенцев грудью. В дальнейшем теория расширяется. Пузаков пишет, что с точки зрения абсолютного здоровья «единицы среди всех рожденных на земле нормальными пришлось (бы) считать» [3, с. 323]. Чтобы поправить дело, предлагается оккультная «методика» деторождения: зачатие должно совершаться под семейным

кедром (об особом значении этого растения для культа Анастасии будет сказано ниже) и при участии звезд [3, с. 325]. Последние влияют и на беременную, которая должна их непрестанно наблюдать. Роды же обязательно должны произойти на месте зачатия, то есть в идеале — в семейном саду, в специальном корыте [3, с. 326–327].

Забеременевшая Анастасия приказывает Пузакову вернуться в мир, чтобы организовать «честных предпринимателей» ради возрождения России. Тот прибывает в Москву, но терпит неудачи и в результате почти доходит до самоубийства. Тогда Анастасия «переключает» его на писательство. Всего о ней следует написать девять книг [1, с. 364]. К настоящему времени увидели свет восемь из них.

Очевидна проблема, с которой уже начал сталкиваться Пузаков. Люди, поверившие в его басни, хотят видеть Анастасию. «Предъявить» что-либо, кроме пошловатой фотокарточки, представляется затруднительным. Поэтому предложен лозунг: «Я существую для тех, для кого существую» [1, с. 149]. Не веришь — твоя проблема. Но на всякий случай задуман отходной маневр: со временем автор, вполне возможно, убьет свою героиню. Первый намек находим в разговоре Пузакова с «дедушкой Анастасии». Там задается вопрос: «Она неизбежно погибнет?» Дед отвечает: «Трудно сказать. Все (из рода «просветленных». — *Авт.*) погибали значительно раньше, а она не раз вступала на путь, предрекающий гибель физическую, но каждый раз в последнее мгновение ярко вспыхивал забытый и более сильный своим приоритетом закон... Оставлял жизнь в ее теле земном» [1, с. 376]. Значит, при необходимости сюжет позволяет...

Пока же этого не произошло, находим упоминания о том, что Пузаков несколько раз бывал у своей подруги в лесу: «каждый раз, когда я бывал в тайге» [3, с. 136], то бишь несколько раз. Ему даже приходится ее отправлять в путешествие по России: Анастасия якобы инкогнито прибывает на конференцию сектантов в Геленджике [3, с. 385].

Для нас, конечно, живой интерес представляет новое сектантское учение. Собственно говоря, даже не учение, а хаотичный навал высказываний о божественном. Читатель Пузакова непритязателен, религиозно необразован, но жаждет контакта с чем-то таинственным и в то же время подтверждаемым «научно-популярной литературой». Ведь все в прошлом были атеистами, а теперь хочется чего-нибудь простенького, но таинственного.

ПУЗАКОВ-АНАСТАСИЯ О БОГЕ

Прежде всего обратимся к высказываниям Пузакова и его литературной героини о Боге. Он описывается как «межпланетный разум, интеллект», который наполовину находится «во нематериальном мире» в виде комплекса энергий (то есть разлагается на составные части), а другой половиной «рассредоточен на Земле, в каждом человеке» [1, с. 48]. Здесь чувствуются пантеистические мотивы. Бог оказывается безличной разумной субстанцией, рассеянной в мире. Не

понимая богословской терминологии, Мегре натужно богословствует. В седьмом томе читаем: «У Бога множество ипостасей, любая травинка — проявление его мыслей». Поэтому шар являет собой всего лишь «если не главную, то величайшую, сконцентрированную из множества составляющих ипостась, вплоть до энергий разума и чувств» [6, с. 36].

С космическим интеллектом у автора и его героини наступает некоторая путаница. Сначала предлагается «воспользоваться космическим интеллектом... обменяться с ним информацией» [1, с. 85]. Что имеется в виду? Попользоваться Божественной мудростью, «устроив себе ночевку под звездным небом» [там же]? Видимо, речь идет не только об этом, но и о другом, ибо дальше читаем: «космические силы будут с вами и помогут достичь самых немыслимых светлых мечтаний, обрести душевный покой» и проч. [1, с. 86]. Таким образом, пузаковский космос представляет собой пространство, населенное бесчисленным множеством разнообразных сущностей, как божественного, так и иного происхождения.

Что же это за космические силы, которые возбуждают в душе «мечтания», создавая видимость покоя? Уж не бесы ли? Кстати, в дальнейшем Пузаков сочинит рассказ Анастасии о недобрых «сущностях», живущих во вселенной. Коли так, значит, обращаться к звездному миру небезопасно, ведь там живут разные «сущности»?

В книге «Пространство любви» появляется дефиниция того, что собою представляют «светлые силы». Это вовсе не бесплотные существа мира ангельского, а «светлые мысли, когда-либо произведенные людьми» [2, с. 48]. Потом мы узнаем, что злые сущности также могут быть созданы самим человеком.

Раскрытие темы происходит на фоне роста дуалистических мотивов в рассуждениях лесной жительницы. Она, к примеру, поучает, что в любом человеческом творчестве участвуют «две противоположности», то есть добро и зло имманентно присущи человеческому естеству, и вопрос в выборе, который делает личность [1, с. 232]. Позитивный выбор делается через контакт с Богом, который содержит в каждом человеке своего рода индуистский Атман — «Свою частичку» [1, с. 234].

У Пузакова неясная и смутная ангело-демонология. Анастасия упоминает о каких-то таинственных силах, подвластных только Богу, называя их «ОНИ» (так в тексте. — *Авт.*). Эти «они» имеют некоторый план управления событиями, происходящими в мире [1, с. 138], чтобы «перенести людей через отрезок времени темных сил» [1, с. 148]. Отнюдь не Спаситель мира — Иисус Христос, а «они» выступают в роли спасителей мира от зла. Господь же выступает в писаниях Пузакова как один из просветленных, которые были, есть и будут. Люди их гонят, «Иисуса Христа, например. И Бог снова посылает Своих сынов» (именно сынов с малой буквы, здесь налицо полное отрицание Богосыновства Спасителя. — *Авт.*) [1, с. 232].

Итак, существуют светлые и темные сущности, порождаемые человеком, а кроме того, есть силы добра и зла, существующие в космосе и находящиеся в противоречивых отношениях с Богом, о чем узнаем несколько позже.

кедром (об особом значении этого растения для культа Анастасии будет сказано ниже) и при участии звезд [3, с. 325]. Последние влияют и на беременную, которая должна их непрестанно наблюдать. Роды же обязательно должны произойти на месте зачатия, то есть в идеале — в семейном саду, в специальном корыте [3, с. 326–327].

Забеременевшая Анастасия приказывает Пузакову вернуться в мир, чтобы организовать «честных предпринимателей» ради возрождения России. Тот прибывает в Москву, но терпит неудачи и в результате почти доходит до самоубийства. Тогда Анастасия «переключает» его на писательство. Всего о ней следует написать девять книг [1, с. 364]. К настоящему времени увидели свет восемь из них.

Очевидна проблема, с которой уже начал сталкиваться Пузаков. Люди, поверившие в его басни, хотят видеть Анастасию. «Предъявить» что-либо, кроме пошловатой фотокарточки, представляется затруднительным. Поэтому предложен лозунг: «Я существую для тех, для кого существую» [1, с. 149]. Не веришь — твоя проблема. Но на всякий случай задуман отходной маневр: со временем автор, вполне возможно, убьет свою героиню. Первый намек находим в разговоре Пузакова с «дедушкой Анастасии». Там задается вопрос: «Она неизбежно погибнет?» Дед отвечает: «Трудно сказать. Все (из рода «просветленных». — *Авт.*) погибали значительно раньше, а она не раз вступала на путь, предрекающий гибель физическую, но каждый раз в последнее мгновение ярко вспыхивал забытый и более сильный своим приоритетом закон... Оставлял жизнь в ее теле земном» [1, с. 376]. Значит, при необходимости сюжет позволяет...

Пока же этого не произошло, находим упоминания о том, что Пузаков несколько раз бывал у своей подруги в лесу: «каждый раз, когда я бывал в тайге» [3, с. 136], то бишь несколько раз. Ему даже приходится ее отправлять в путешествие по России: Анастасия якобы инкогнито прибывает на конференцию сектантов в Геленджике [3, с. 385].

Для нас, конечно, живой интерес представляет новое сектантское учение. Собственно говоря, даже не учение, а хаотичный навал высказываний о божественном. Читатель Пузакова непритязателен, религиозно необразован, но жаждет контакта с чем-то таинственным и в то же время подтверждаемым «научно-популярной литературой». Ведь все в прошлом были атеистами, а теперь хочется чего-нибудь простенького, но таинственного.

ПУЗАКОВ-АНАСТАСИЯ О БОГЕ

Прежде всего обратимся к высказываниям Пузакова и его литературной героини о Боге. Он описывается как «межпланетный разум, интеллект», который наполовину находится «во нематериальном мире» в виде комплекса энергий (то есть разлагается на составные части), а другой половиной «рассредоточен на Земле, в каждом человеке» [1, с. 48]. Здесь чувствуются пантеистические мотивы. Бог оказывается безличной разумной субстанцией, рассеянной в мире. Не

понимая богословской терминологии, Мегре натужно богословствует. В седьмом томе читаем: «У Бога множество ипостасей, любая травинка — проявление его мыслей». Поэтому шар являет собой всего лишь «если не главную, то величайшую, сконцентрированную из множества составляющих ипостась, вплоть до энергий разума и чувств» [6, с. 36].

С космическим интеллектом у автора и его героини наступает некоторая путаница. Сначала предлагается «воспользоваться космическим интеллектом... обменяться с ним информацией» [1, с. 85]. Что имеется в виду? Попользоваться Божественной мудростью, «устроив себе ночевку под звездным небом» [там же]? Видимо, речь идет не только об этом, но и о другом, ибо дальше читаем: «космические силы будут с вами и помогут достичь самых немислимых светлых мечтаний, обрести душевный покой» и проч. [1, с. 86]. Таким образом, пузаковский космос представляет собой пространство, населенное бесчисленным множеством разнообразных сущностей, как божественного, так и иного происхождения.

Что же это за космические силы, которые возбуждают в душе «мечтания», создавая видимость покоя? Уж не бесы ли? Кстати, в дальнейшем Пузаков сочинит рассказ Анастасии о недобрых «сущностях», живущих во вселенной. Коли так, значит, обращаться к звездному миру небезопасно, ведь там живут разные «сущности»?

В книге «Пространство любви» появляется дефиниция того, что собою представляют «светлые силы». Это вовсе не бесплотные существа мира ангельского, а «светлые мысли, когда-либо произведенные людьми» [2, с. 48]. Потом мы узнаем, что злые сущности также могут быть созданы самим человеком.

Раскрытие темы происходит на фоне роста дуалистических мотивов в рассуждениях лесной жительницы. Она, к примеру, поучает, что в любом человеческом творчестве участвуют «две противоположности», то есть добро и зло имманентно присущи человеческому естеству, и вопрос в выборе, который делает личность [1, с. 232]. Позитивный выбор делается через контакт с Богом, который содержит в каждом человеке своего рода индуистский Атман — «Свою частичку» [1, с. 234].

У Пузакова неясная и смутная ангело-демонология. Анастасия упоминает о каких-то таинственных силах, подвластных только Богу, называя их «ОНИ» (так в тексте. — *Авт.*). Эти «они» имеют некоторый план управления событиями, происходящими в мире [1, с. 138], чтобы «перенести людей через отрезок времени темных сил» [1, с. 148]. Отнюдь не Спаситель мира — Иисус Христос, а «они» выступают в роли спасителей мира от зла. Господь же выступает в писаниях Пузакова как один из просветленных, которые были, есть и будут. Люди их гонят, «Иисуса Христа, например. И Бог снова посылает Своих сынов» (именно сынов с малой буквы, здесь налицо полное отрицание Богосыновства Спасителя. — *Авт.*) [1, с. 232].

Итак, существуют светлые и темные сущности, порождаемые человеком, а кроме того, есть силы добра и зла, существующие в космосе и находящиеся в противоречивых отношениях с Богом, о чем узнаем несколько позже.

Бог не трансцендентен миру, и Его нельзя увидеть всего лишь потому, что Он — нечто вроде совершенного компьютера: Его мысли «с большой скоростью и плотностью работают» [1, с. 353]. Иными словами, лицезреть Божество можно, но пройдя определенную «тренировку».

Вообще для Анастасии (а значит, и для ее создателя), утомленных псевдобогословскими ухищрениями, Бог постепенно превращается во «что-то», в «разум, интеллект, существа, силы света, вакуум, абсолют, ритм, дух, Бога» [1, с. 230]. Как ни называй, все сойдет. Постепенно проступает, более отчетливой становится и пантеистическая тема. Бог якобы говорит: «среди камней смогу травинкой я зеленой вновь пробиться», «днем наступающей взойду зарею» [3, с. 52–53].

Трудно, конечно, человеку постичь то, что Бог невидим. Пузаков создает такой, трогательный по почти архаической примитивности, сюжет. Бог творил человека и так был этим увлечен, что не успел подумать о Себе Самом и не создал Свой собственный облик [3, с. 69].

КАК ПРОИЗОШЕЛ МИР

В четвертом томе своего опуса Мегре, наконец, излагает свою доморощенную космогонию. Оказывается, до сотворения Земли вселенная была наполнена «множеством энергий», которые во тьме «мыслили» и «творили» [3, с. 16]. Нам ранее сообщали, что Бог рассеян в виде энергий. Но здесь другое — наблюдалось множество или божеств, или порученцев-демиургов, действовавших от имени Бога, непрестанно творя. Далее оказывается, что наш писатель не чужд и идей о циклических катастрофах: в мире сосуществуют «сущность разрушения и сущность, созидаящая жизнь». Каждая космическая сущность была вовлечена в бессмысленный процесс сотворения и уничтожения [3, с. 16–17]. Здесь, конечно, присутствует и дуалистический мотив: «пророчица» сообщает, к примеру, о «гармонии добра и зла» [3, с. 22].

И вот на фоне такой картины Бог, наконец, вознамеривается приступить к сотворению нашего, очередного мира, но не самостоятельно, а «совместно» с «энергиями», которые стремятся соревноваться с Творцом, относясь к Нему как к равному, и отступают, только потерпев поражение.

В конце концов, Бог творит землю и человека один, но понимает, что Его детищу недостает «энергии любви», которая доселе принадлежала только Божеству. Мегре излагает диалог между Богом и этой самостоятельной внутрибожественной «энергией». Ей отдается повеление: «Вся без остатка (! — *Авт.*) на землю опустись» [3, с. 51]. Итак, надо понимать, что Бог отныне полностью лишен любви, от которой решительно отказывается [3, с. 55], каким-то образом оставаясь при этом «Богом-Любовью» [3, с. 73]?

Далее бог Мегре наставляет людей, как жить: «Сиять отныне в нави, яви, прави» [3, с. 51]. Хаотическое богословие автора приобретает еще один элемент, связанный со славянским язычеством. Навь — это воплощение болезни и смерти¹. Узнаем также, что «навь» значит — мертвец, труп². Таким образом, по

Пузакову и прочим отечественным неоязычникам³, Бог уготовал прежде «яви и прави» (слова эти сами по себе являются результатом малограмотной морфологической стилизации, но, по крайней мере, происходят от очевидных корней с позитивным смыслом) смерть и трупное разложение. Ничего себе благословение! Попутно заметим, что, с точки зрения тех, кто пытается в России возродить поклонение Роду и Сварогу, явь — есть жизнь, а правь — некий небесный закон бытия. Таким образом, даже в неоязычестве Пузаков показывает свою исключительную поверхностность и, если здесь уместно так выразиться, безграмотность. Из текста становится понятно, что Пузаков относится к словам о «нави» как к славянской абракадабре, имеющей, по его разумению, позитивный, но совершенно неконкретный смысл.

ГРЕХОПАДЕНИЕ

Подходим к теме грехопадения, которая в рассматриваемой эпопее полностью удалена из сферы отношений между Богом и человеком. В версии Пузакова она выглядит так: некоторые сущности, живущие во вселенной, хотя и не смогли соработать Богу в творении, стали завидовать и пытаться выведать у человека «тайну сотворенья». Эти богоборческие силы стремились к тому, чтобы «две силы захотели б испытать друг друга» [3, с. 79]. Итак, здесь вполне четко проступает дуалистическая неоязыческая концепция нави-яви (у Пузакова даже шаровая молния, представляющая бога Анастасии, оставляет после себя запах «ладана и серы» [3, с. 381]). Добро и зло сосуществуют в мире, борются иногда почти на равных.

Анастасия рассматривает грех Адама в духе экологизма. Человек, искушенный вопросами сущностей, начал познавать природу через разрушение, хотя «ничего ему не надо разбирать», поскольку все сведения о мире в нем самом хранятся в «зашифрованном виде» [3, с. 84]. Тайны мира могли бы раскрыться человеку через вдохновенное мечтание, вещает «Анастасиюшка». Она полагает, что к мечтаниям никогда не поздно вернуться.

АНАСТАСИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ

Сектантская антропология ничуть не менее сумбурна, чем богословские умствования. Поскольку Пузаков видит себя провозвестником новой «духовности», то и его героиня должна об этом порассуждать. «Что такое Дух человека? Из чего он состоит? — Из всего невидимого, что есть в человеке, включая и некоторые пристрастия и ощущения, приобретенные за время плотского существования... Это энергетический комплекс, состоящий из множества энергий... некоторые из этих комплексов подлежат распаду на отдельные энергии, потом используемые в растительных, животных соединениях, необходимых природных явлениях» [2, с. 35]. Не случайно Пузаков пишет «Дух» с прописной. Здесь

опять проглядывает основная тема «анастасийщины» — человекобожие. Именно человеческие «энергии» пронизывают и питают все бытие. Если же человек сумеет овладеть всеми своими «силами», то станет господином вселенной. А до Бога далеко... «Человек может всем управлять. Он и создан для управления всем» [1, с. 43]. Эпитеты для человека предложены еще и такие: властелин, царь, подобен ангелу — чист и непорочен, мудрейшее существо, подобное Богу.

Ради достижения всемогущества рекомендуется напряженно «мечтать» и «мыслить». Сила мысли по мощности уподобляется Анастасией «процессам, происходящим на Солнце» [2, с. 36].

Всесилие человека относится и к контактам с невидимым духовным миром. «Каждый человек общаться может, с чем или с кем захочет», — разрешает «Анастасиюшка» [2, с. 175]. Такая вот ловушка: не бойся бесов, будь смелее.

Мегре через Анастасию убеждает своих читателей в том, что в духовной жизни «все очень просто». Собственно говоря, иначе он и не может поступить, ведь простота достижения сверхъестественных целей — один из главных лозунгов всех новых сектантских учений. Простота — ходкий товар. При помощи чувств можно достичь любой цели. Дальше — как во всех наставлениях по магии: выполните перечисленные действия, кажущиеся простыми и на деле невыполнимые, — и все ваши желания исполнятся. «Анастасиюшка» учит, что «мечтой», только не абстрактной, а детализированной до мельчайших подробностей, можно сотворить все что угодно [1, с. 158]. Мегре, собравшемуся было при посредстве мысли сотворить автомобиль, она объясняет, что предварительно необходимо в своем сознании представить все компоненты машины, до последнего винтика, и тогда чудо совершится. Представьте себе «анастасийцев», нагужно заучивающих на память чертежи автомобилей в напряженных попытках сотворить себе из ничего средство для передвижения. Как заметил в свое время А.Л.Дворкин, здесь речь идет о «визуализации» — распространенной магической технике, основанной на вере в то, что человек сам является творцом собственной реальности.

Оказывается также, что душа человека не уникальна. Как сообщает нам Пузаков, во-первых, потому, что человек рождается одновременно в нескольких вселенных. Во-вторых, выясняется, что «анастасийцы» еще и веруют в перерождение душ. Об этом узнаем из следующего.

Для добавления остроты повествованию в текст введена история о попытке ученых захватить Анастасию. Ее защищает уже знакомый нам светящийся шар, символизирующий божество. Этот шар воздействует на захватчиков таким образом, что показывает им «муки ада». Эти видения свидетельствуют о непрерывности цепи перерождений человеческих душ [2, с. 61], из чего делаем вывод, что Пузаков и его героиня верят в существование кармы и колеса сансары. Далее по тексту находим еще одно подтверждение этому предположению. «Нужно быть свободным от кармических догм или, вернее, быть сильнее их... самыми простыми человеческими словами можно изменить судьбу» [2, с. 80]. Иными словами, все люди-«слабаки», как им и положено по индуистскому учению, находятся во власти неумолимого закона кармы. Что посеешь, то пожнешь, и так

до бесконечности. Но «Анастасиюшка», и только она, способна помогать людям в поисках освобождения: умеет менять судьбу. Читаем: «Маленькая Анютка перепрограммировалась. Сломала все кармы своих и окружающих» [2, с. 80]. Мегре, видно, зачитывался в свое время Рерихами и «Диагностикой кармы» С.Н.Лазарева. Единственное его «открытие» — утверждение, что каждый человек имеет несколько «карм».

Приведенных примеров достаточно для того, чтобы понять: рассматриваемое нами произведение, которое можно назвать литературным, только насилуя смысл слов, содержит набор различных идей о Боге. Эти идеи беспорядочно разбросаны по тексту, и невзыскательный читатель не всегда обратит внимание на то, что, по сути, имеет дело с халтурной языческой поделкой.

ПУЗАКОВ ЗАИГРЫВАЕТ С ПРАВОСЛАВИЕМ

Мы были бы несправедливы, если бы утверждали, что Пузаков опирается только на «лесной» авторитет. Чтобы подтвердить «духовную истинность» описываемого, он пытается обращаться к опыту различных религий. Наверное, было бы опрометчиво обвинять его в безграмотности. В руках Мегре Священное Писание, история становятся жертвой грубого искажения и примитивизации, демонстрирующей презрение к простоватому читателю. И такое, мол, сожрут. Например, нам сообщают, что Моисей «писал скрижали» в лесу [1, с. 35]. Уж не о следующих ли событиях Священной истории речь: «И сказал Господь Моисею: взойди ко Мне на гору и будь там; и дам тебе скрижали каменные, и закон и заповеди, которые Я написал для научения их» (Исх. 24:12). Далее Пузаков намекает, что Господь Иисус Христос также уединялся от учеников в лесу, но не пишет этого напрямую, поскольку Евангелие лучше известно публике, чем Ветхий Завет, и обман не пройдет. Пузаков выступает и знатоком житий святых угодников Божиих: оказывается, преподобные Сергей Радонежский и Серафим Саровский, находясь в лесу, «через небольшой отрезок времени постигали мудрость» [1, с. 35]. В наше время очень важна установка на сжатые сроки, кому охота ждать! В результате на месте отшельничества прп. Серафима воздвигли монастырь... Воистину новость для всех православных, никто и не ведал такого! Далее Мегре сокрушается, что нигде не написано, что происходило в лесу с отшельниками. Обыскался бедняга и ничего не нашел. Между тем из житий преподобных знаем доподлинно, что пребывали они в молитве и посте, часто подвергаясь искушениям и нападениям от бесов. Но упоминание о лесной нечисти не вяжется с концепцией Пузакова, ему бы больше подошло, если бы наши святые с утра до вечера обнимали деревья, подпитываясь от них космической энергией.

Автор намеренно мистифицирует те жалкие сведения о православной традиции, которыми обладает. «Анастасиюшка» поведала ему, что в рукописях, хранящихся в некоем монастыре, можно прочесть о том, как два монаха научились управляться с пасекой как никто другой. Обман задуман для того, чтобы невоцерковленный читатель решил, что Анастасия прямо связана с Православием,

если знает даже некоторые его тайны. Меж тем всякий мало-мальски любопытный читатель найдет сведения о «секретных пчеловедах» в житиях преподобных Зосимы и Савватия Соловецких или в иных легко доступных источниках⁴.

Реверансы в адрес христианства довольно скоро сменяются сначала отстранением, а потом и враждебностью. Концепция «Анастасиюшки» исходит из избитой рериховской посылки, что все религии равны, содержат частицы истины. Во главе каждого учения стояли «просветленные». Их чередой представляется ужасающе абсурдной для человека даже почти не сведущего в истории религии, а для христианина или мусульманина еще и оскорбительной. Пузаков в одном ряду перечисляет славянского «скотьего бога» Велеса, персонажей индийского эпоса «Махабхараты» и «Рамаяны» — Кришну и Раму, трехликого и рогатого Шиву индуистской мифологии, Иисуса Христа, Аллаха (не имея, видимо, понятия о том, что этим словом в исламе обозначается Бог — Творец мира, никогда не воплощавшийся) и Будду [1, с. 62]. В другом месте текста встречается и такой перл: «И что же, знание лам Востока, мудрость Будды и Христа, Йоги она знает? — Знает» [1, с. 359]. Веселитесь, «анастасийцы»! Ваша богиня узнала знания самого (или самой?) Йоги, да еще и постигла мудрость лам, которая, видно, отлична от мудрости Будды, коему они поклоняются, ибо в противном случае нет нужды их отдельно упоминать. Анастасия говорит: «Я о них не читала, я просто знаю, что они говорили, о чем думали, чего хотели» [там же]. Пузаков тоже не читал и к тому же не знает...

Последователи «анастасийщины», коих немало, в сходно малограмотном стиле упражняются в культурологии и религиоведении. Некий «член-корреспондент» заведения, скрывающегося за аббревиатурой «МАИ», К.И.Шилин пишет, что «Анастасия является совершенным человеком, подобным Богу». Он также приравнивает ее к таким буддийским божествам (почему-то премудрый Шилин называет буддизм «женским» типом культуры), как Каннон (японское имя бодхисаттвы Авалокитешвары, богини милосердия), Тара (наиболее популярна в ламаизме, является женским проявлением Авалокитешвары, который в Тибете еще выступает в мужском облике) и Майтрейе, будде грядущего, вообще не имеющему женского облика [1, с. 188]. Цитируя этот «поток сознания», Пузаков не сомневается, что наивный читатель примет скудоумие за высокое откровение. Соблюден главный принцип: вали в кучу непонятные слова — не ошибешься. Например, мы по ходу рассуждений «академика» А.Е.Акимова (его цитирует Пузаков) о том, что вселенский разум можно уподобить ЭВМ, узнаем, что «Шуньята (так в тексте. — *Авт.*) древней ведической литературы как раз и есть суперсовременная вычислительная машина» [1, с. 191]. И никому, по мысли автора, не должно быть дела до того, что в ведах нет ни слова о шуньяте, что это понятие буддийской философии, обозначающее бессущностность, ничтожность, пустотность всех явлений, что сама идея шуньяты критиковалась индуистскими философами.

Мы заметили, что Пузаков вообще любит веды, а заодно и санскрит. Ему кажется, что именно оттуда он и получит нужную поддержку своему «проекту». Тем паче, что сходных позиций держатся и другие отечественные неоязычники.

Конечно, времени и интеллектуальных возможностей читать веды нет, приходится обходиться научно-популярной литературой. Нередко происходят конфузы. Например, Анастасия поучает: «За каждой буквой на санскрите — фразы, слова. В них тоже буквы, дальше много слов, так бесконечность скрыта в каждой букве» [1, с. 253]. Знал бы бедный Пузаков, что проповедует каббалистическую гематрию!

Устами Анастасии дается и концептуальное объяснение ее беспорядочных речений на тему о религиях: «в каждом человеке изначально заложена абсолютно вся информация», в том числе и об «учениях мудрецов Запада и Востока, Индии и Тибета» [1, с. 317]. Иными словами, в каждой личности в латентной форме не только хранится православное вероучение, но обретаются и даосизм, и шаманизм, и зороастризм и проч. Хотелось бы только спросить того же Мегре: если в нем самом сокрыта вся информация, скажем, о христианстве, то почему же он что ни слово, то врет?

Как уже отмечалось, отношение Пузакова к христианству менялось по мере распространения его писаний. Первоначально он пытался обмануть читателей, намекая, что его поддерживают «руководители духовных конфессий» (хотелось бы походя спросить, что такое «недуховные» конфессии, если само слово «конфессия» обозначает вероисповедание) [1, с. 187]. Возможно, Пузаков действительно в двадцатипятилетнем возрасте посетил Свято-Троицкую Сергиеву Лавру и встречался с самым благочинным монастыря архимандритом Феодоритом (Воробьевым), который провел в монастыре 17 лет вплоть до 1970 г., а скончался в 1973 г.⁵ [4, с. 141]. Наш «писатель» присочинил такие детали, как особое внимание к нему приснопоминаемого отца Феодорита, которому Мегре приписывает слова: «Ты покажешь им...» [1, с. 316] — как можно догадаться... «Анастасиюшку».

Манипуляции памятью архимандрита не мешают автору постепенно наращивать нападки на Православную Церковь, которая, по его словам, в отличие от Анастасии, «молчит». Начинают звучать и знакомые обновленческие мотивы вроде: «В церковь на службу придешь — она на языке, который не понимают. И тогда идут люди толпами, деньги платят, чтобы послушать на понятном языке говорящих проповедников» [1, с. 323]. Интересно, где Пузаков (заядлый посетитель монастырей) видел православных священников, читающих проповеди на церковнославянском языке?

Оказывается, святые равноапостольные Кирилл и Мефодий «по приказу» ввели новую письменность, чтобы лишить славян «знаний о первоисточках», «чтобы жрецам (sic! — Авт.) иным народы подчинялись» [3, с. 10]. Мы-то, наивные, полагали, что Православие дало начало отечественной культуре! А Пузакову все известно точнее: «ушел язык, и с ним ушла культура» [3, с. 11].

Дальше — больше. О православных паломниках, отправляющихся в Святую Землю, читаем: «А россияне едут за тридевять земель, чужим богам поклоняться» [1, с. 401]. Между тем им следует вместе с Пузаковым возрождать доморощенное неоязычество и поклоняться камням в Геленджике. Завершается разделение на своих и чужих богов, своих и чужих жрецов.

Языческая тема звучит крещендо в конце книги «Звенящие кедры России», где помещены стихи поклонников «Анастасиюшки». Некий «целитель» Н.Кузнецов пишет про Россию, что «до христианской быть отныне тебе судьбою суждено» (нами сохранена орфография) [1, с. 402]. Другой сочинитель, Я.И.Колтунов, еще более откровенен: «К родным богам чтоб Русь вернуть». [1, с. 413]. Далее по тексту Анастасия называется «России Божиим Храмом», а дерево кедр — «Богом-спасителем» [там же]. Вот еще вирши: «Природа — наша Матушка, а Господь — наш Батюшка», под Господом понимается славянский Род [2, с. 184–185].

Мегре со временем приходит мысль отказаться от попыток паразитировать на какой-либо конкретной религии. Он начинает приписывать своим собственным писаниям сверхъестественные свойства, способствующие образованию религиозного сообщества. Он настаивает на том, что чудесное воздействие его книг на читателей ведет к неконтролируемому процессу объединения «анастасийцев». Некие ученые якобы написали в своем докладе: «Создается впечатление, что в среде живущего на земле сообщества людей начинает происходить реакция, которую мы не в состоянии контролировать, а следовательно, остановить. Основным фактом, подтверждающим ее существование (Анастасии. — Авт.), служит психологическая реакция соприкоснувшихся с книгой людей... данный образ по своему психологическому воздействию превосходит на несколько порядков все, ранее известные, включая классические и библейские» [2, с. 92]. Наконец все встало на свои места.

«Анастасиюшка» должна заменить христианского Бога, а следовательно, заигрывания с «конфессиями» уже ни к чему. И Мегре меняет акценты. Церкви объявляется война: «Посредников Отец не знает» [2, с. 210].

Тем более, что возникает необходимость защищаться. В конце книги «Пространство любви» говорится, что «самая маленькая часть начинает распространять слухи, что Анастасия — это очередная секта. Их мнение вызывает у нас улыбки духовной бедности данных людей» [2, с. 182]. Ответ, кстати, совершенно сектантский: зачем опровергать по существу, лучше обвинить оппонентов в слепоте. Хотя озабоченность сохраняется и в дальнейшем. В четвертом томе Пузаков с сожалением отмечает, что «конфессии» пишут об Анастасии критические статьи в «духовных изданиях», но не решается полемизировать [3, с. 382].

Вроде бы отважившись на разрыв, горе-писатель иногда вновь обращается к авторитету «руководителей духовных конфессий», которые якобы называют Анастасию «высокой сущностью, самодовлеющей субстанцией» [2, с. 202]. Вот бы знать, кто такое сказал!

Видя критическое отношение к своему творчеству со стороны Церкви (в целом ряде епархий — Вятской, Уфимской, Новгородской, Львовской, Сахалинской и др. — были сделаны насчет анастасийщины неоднозначные критические заявления; нелюбезные статьи о секте можно прочесть во множестве публикаций церковной прессы), Мегре сначала наивно попытался внести разделение в церковные ряды: простые сельские православные священники, мол, за него,

да другие, высокопоставленные — против. Неожданная поддержка якобы приходит к Пузакову от Папы Римского, который, с точки зрения «Анастасиюшки», сказал о Боге новые слова (цитат и сноска, как водится, не найдешь). Вообще же на определенном этапе было объявлено, что секта вскоре найдет союзника в лице «православного патриарха» [3, с. 274–276]. Пророчество не сбылось.

В духе определенного сотрудничества сложились отношения с мусульманами. Была предпринята попытка использовать экологическую конференцию в Уфе в мае 2003 г. для того, чтобы обманом использовать приглашенных на нее представителей традиционных религий в интересах анастасийцев. В альманахе секты даже было опубликовано содержащее сочувственные отзывы интервью муфтия Талгата Таджуддина [10, № 1(5), с. 110–111].

Книги Мегре издаются издательством «Диля», основанным в 1992 г. в Санкт-Петербурге Икматуллой и Сулейманом Раимовыми. Основная печатная продукция — мусульманское богословие, но издают для дохода также и книги «ивановцев», Мегре и т. п.

Однако все это вовсе не означает, что российская умма в сколько-нибудь явной форме сочувствует анастасийщине, ибо учение секты находится в прямом противоречии с учением ислама.

Итак, поскольку союзники так и не обрелись, Мегре решил полностью ориентироваться на славянское язычество, а церковную жизнь называет «оккультным набором ритуалов» [6, с. 124]. Теперь для него главное — это «ведизм» (подробнее см. 5). Версия такова: с древности существовала наивысшая ведическая религия. С ней ожесточенную борьбу вели некие жрецы, вознамерившиеся поработить свободу человеческого духа. На просторах Древней Руси имелаась «ведрусская цивилизация», уничтоженная монахами и князьями силой оружия. Остались лишь только некоторые намеки на нее: «Новый год, Масленица и Троица» [6, с. 165]. Полное отсутствие каких-либо достоверных сведений позволяет беспрепятственно делать величественные заявления вроде: «Ведическая, докняжеская Русь была высокодуховной, высокоорганизованной цивилизацией. Именно той «утерянной» на земле цивилизацией, о которой будут впоследствии рассказывать легенды» [6, с. 151]. Сведения о ней раскрывает людям, естественно, Анастасия [6, с. 147]. Что же касается христианства, то ни одно государство не стало процветать благодаря ему [6, с. 114]. Зато власть над миром установила горстка жрецов [6, с. 59]. Для этого они используют инструмент, разработанный своими злыми предшественниками в Древнем Египте во главе с «демоном Кратием», откуда произошло слово демократия [7, ч. 1, с. 72]. Это шедевр, которому позавидовал бы творец псевдоистории академик Фоменко.

В последней книге «Новая цивилизация» Мегре так описывает события Крещения Руси, чем окончательно обозначает свой разрыв с Православием: «На Русь явились иностранные идеологи, да целой толпой сразу, и с наёмной охраной, и с дружиной княжеской стали объезжать города российские, ломать многотысячелетние устои, и насаждать выгодную им идеологию, и ставить во главе городов иностранцев. Множество исторических документов свидетельствует, как сопро-

тивлялся этому народ, да видно организован был недостаточно и не ожидал предательства от собственного князя. Таким образом, на Русь было совершено массовое иностранное нашествие, благодаря предательству князей. Самое печальное, что совершалось оно под именем Бога. Невероятное кощунство!»

В качестве противовеса «кощунству» Пузаков развивает в последнем томе своего произведения «Новая цивилизация» теорию «ведрусского венчания». Это хаотический набор рекомендаций относительно целесообразности беспорядочных добрых связей в целях поиска наиболее адекватного партнера и успешного достижения евгенических целей.

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ В КНИГАХ ПУЗАКОВА

Будучи незатейлив в богословии и религиоведении, Пузаков не менее бесцеремонен в обращении с текстом Священного Писания (некоторые примеры уже приводились выше). И дело не в незнании, а в той простоте, которая хуже воровства. Начало Евангелия от Иоанна трактуется примитивно, в духе бытового магизма. Утверждается, что всякое слово, произнесенное Анастасией, будучи произнесено, ведет к изменению сущего мира [1, с. 181]. В очередной раз героиня Пузакова уподобляется Господу Богу.

О том, в каком «духе» Пузаков толкует Писание, можно судить по тому, что он сравнивает апостольскую проповедь с многоуровневым маркетингом [1, с. 277].

УЧЕНИЕ О МОЛИТВЕ

Для Анастасии молитва — это магический текст, действующий таинственной силой своего звука. Она якобы внушает Пузакову содержание, а тот кладет его на бумагу. «Мои сочетания букв, — говорит она, — они могут творить чудеса, как молитва» [1, с. 162]. Таким образом, последователи «анастасийщины», почитывая опусы Мегре, зомбируются при посредстве сочетаний букв, которые объект их поклонения якобы «собрал... из различных времен» [1, с. 162]. Видимо, для того, чтобы подчеркнуть присутствие в своих книжках духа Анастасии, Пузаков с середины второй книги, называющейся «Звенящие кедры России», начал с назойливым упорством использовать ритмическую прозу. Такой текст, да еще написанного вульгарным и убогим языком, производит не только гнетущее впечатление, но и вызывает у читателя ощущение, что он через чтение подвергается своего рода нейролингвистическому программированию.

Пузаков учит, что молитва бесполезна, если «слова произносить чужие» [3, с. 97]. В разряд чужих попала и молитва Господня, которую Пузаков цитирует с приговором «если помните» [3, с. 99]. Далее следует откровенное богохульство, поскольку лесная жительница разъясняет своему биографу, что оставленная нам Христом Спасителем молитва является сплошной бессмыслицей [3, с. 102].

Вместо «Отче наш» предлагается убогий стишок, в котором «Анастасиюшка» сообщает Богу, что «не допустит греха и слабости в себе», будет жить «в мечте» и так, как сама захочет [3, с. 105].

Подтекст здесь следующий: человек должен сознавать себя равным Богу, а православная духовная традиция — только помеха. Закономерно поэтому, что далее по тексту обнаруживаем... «молитву Бога к человеку». Она среди прочего содержит и иконоборческий мотив: «лика́м свя́тых» посыла́ется упрек (от имени Бога), что в них присутствует чуждая Всевышнему «суровая грусть» [3, с. 108].

Итак, «атастасийщина» рассматривает молитву как форму магии, попутно хулит православную молитву, святые иконы и убеждает своих последователей, что не только человек обращается к Богу с молитвой, но и наоборот.

СВЯЗЬ С ОККУЛЬТНЫМИ УЧЕНИЯМИ И СЕКТАМИ

Мегре в своих рассуждениях о «духовном» не только манипулирует идеями, почерпнутыми из разных религий, но и апеллирует к авторитету «эзотерики». Рериховские «уши» постоянно вылезают из пузаковской болтовни (вспомним хотя бы про космические творящие сущности — чем не «Элохимы» теософов?). Есть и прямые ссылки, например, на рассуждения Е.Рерих в «Живой этике» о друидах и зороастрийцах [1, с. 17, 159]. По ходу текста проскальзывает упоминание о Шамбале [1, с. 340], которое в дальнейшем получает свое развитие. «Анастасиюшка» учит, что Шамбала — это «святое место», но не где-то на земле, а «у каждого внутри и внешне проявления ее людьми воссоздается» (грамматика оригинала) [2, с. 191]. Узнаем мы и о «земных учителях», «сынах Его» (читай, о махатмах), которые вскоре наберут силу и победят тьму [1, с. 355]. Встречаем упоминания о Блаватской как о писательнице, оставившей достоверные книги [2, с. 174].

Не обойдены вниманием и отечественные сектанты. Рассказывая о том, что Анастасия большую часть времени разгуливает полуобнаженной и не боится сорокаградусного мороза, ее создатель вспоминает про учение основателя движения «ивановцев», которого они называют «господом животворящим», — Порфирия Иванова, ходившего зимой в одном исподнем [1, с. 40]. Нам также сообщают, что писания Пузакова одобрил глава еще одной секты — «Церкви последнего завета» — «Виссарион» (Сергей) Тороп: «Читайте книжку про Анастасию, она вас будет зажигать» [1, с. 356].

ПОКЛОНЕНИЕ КЕДРУ

Важным компонентом вероучения анастасийщины является поклонение кедру. Божественное предназначение кедра — служить накопителем космической энергии, которая в свою очередь есть светлое человеческое излучение, полученное и возвращенное «Космосом» [1, с. 10].

Для подтверждения своей правоты Пузаков апеллирует к Библии (и ему дела нет, что сибирский и ливанский кедр — это разные растения, главное другое — чем севернее, тем «сила» у дерева больше, и все тут [1, с. 17]). Он утверждает, что «совершенно неслучайно» в библейском тексте кедр упоминается 42 раза. (Вообще-то 77.) Но смешнее другое. Мегре утверждает, что в Священном Писании не говорится о других деревьях, кроме кедра, который завозили из Тира, но ведь оттуда же доставляли и кипарис! Это малограмотное заявление подхватил и последователь новой секты, некий Б.Минин, глава курьезного учреждения под названием «Международная академия общественного развития» (в душе поэт; вот некоторые из его наиболее «возвышенных» строк: «Я адским зудом исхожу»; «Все наше вязкое уродство, и грязь, и смрад, и вещизм, и злобство»). Куда же подевались бальзамовое дерево, гранат, дуб, ива, кипарис, клещевина, красное дерево, маслина, миндаль, мирт, пальма, смоковница и проч.? Конечно, эти люди, скорее всего, Библии никогда не читали (тому множество свидетельств, например, друг царя Соломона — царь тирский Хирам — назван Пузаковым Хироном [1, с. 380]. В издании 1999 г. (*Мегре Владимир. Звенящие кедры России*. М.-СПб., 1999) царь Хирам уже назван Хероном (с. 196), видно, в голове писателя перемешалась Священная история Ветхого Завета и греческие мифы, мудрый кентавр Хирон, а может быть, заодно и старик Харон, перевозящий умерших через реку Стикс). Поэтому ошибка извинительна, поскольку Пузаков в основном, как он неоднократно подчеркивает, консультировался с научно-популярной литературой, которую, правда, почему-то в одном месте называет «древневедической» [1, с. 16].

Но есть и откровенное передергивание. Мегре вопрошает: что же за облако наполнило Храм Иерусалимский? Не обошлось здесь без влияния кедровой древесины! Вопрос сопровождается сноской на то место в Писании (3 Цар. 7:8–10), где вообще ничего не говорится на эту тему. Зато далее в 3 Цар. 8:11 читаем: «И не могли священники стоять на служении, по причине облака, ибо слава Господня наполнила храм Господень». Если все четко сказано про славу Божию, чего читателям морочить голову вопросами про «энергию», «дух» и влияние кедра? Объяснение, надо думать, одно: через усиленную мистификацию убедить простодушного и несведущего читателя в правоте автора. А убеждать надо, поскольку речь идет о деньгах.

Дело заключается в следующем. Старики, якобы дед и прадед Анастасии, встретившие Пузакова на берегу Оби, утверждали, что кусочек древесины нужно носить на груди, на веревочке [1, с. 8]. Изложен и ритуал: надевать, стоя боком на траве и прижимая ладонь левой руки к груди. Намек на панацею: если шлифовать пальцами кусок кедра, через три месяца наступит излечение от заболеваний («От любых болезней!» [1, с. 8]).

Дерево мифологизируется. Даже в маленьком кусочке древесины энергии якобы больше, чем во всех рукотворных энергетических установках на земле. Нам рассказывают, что кедр живет 500 лет, после чего начинает звенеть, в течение трех лет ожидая, что энергию заберут люди. Потом умирает, неотребовавшийся, в течение 27 лет. Читателям предлагается приобрести кусок древесины,

чтобы «поглаживая, получать для себя возможность общения с бесконечным объемом мудрости» [1, с. 378]. Как сообщает печать, зять Пузакова неплохо зарабатывает на торговле кедровыми кругляшами для «поглаживания» (см.: *Знаменский П.П. Глупая добрая сказка / Огонек, №28, 4 октября 1999*). Кедровое масло, произведенное особым, ритуальным способом, также пользуется большим спросом у почитателей «Анастасиюшки».

В книге «Анастасия» описывается кедровое дерево, окруженное «ореолом, похожим на тот, что рисуют на иконах вокруг лика святых» [1, с. 115]. Причем тут же совершенно кощунственно и не к месту цитируется Евангелие от Иоанна (1:4) — «В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков». Оказывается, это — о «звонящем кедре», в нем жизнь вечная! Кедр якобы соединен с небом неким энергетическим лучом.

Рекламируя кедр, автор эпопеи особо напирает на способность растения «восстанавливать мужскую силу» [1, с. 14]. В качестве «выдающихся» образцов приводит Григория Распутина (его, по утверждению «анастасийцев», папа римский Иоанн XIII охарактеризовал как великого монаха, но указания на источник этой удивительной информации не дается) и одного из активистов блока «Единство» — Александра Карелина.

«СВЯТЫЕ МЕСТА»

«Анастасийцам» никак нельзя было обойтись без своих «святынь». Хотя лесная жительница и рекомендовала через своего биографа всем миром, не покладая рук, сажать кедры, однако долго ждать, пока вырастут «сакральные леса». В сибирскую тайгу к кедрам ездить и накладно, и сложно. Ко всему прочему люди станут задавать вопросы о местонахождении «Анастасиюшки». Тогда возникает идея, естественно, озвученная героиней опуса, о том, что в черноморском городке Геленджик имеются святыни, значение которых больше, чем святых мест в Иерусалиме [1, с. 383]. (Вот, кстати, и еще один антихристианский пассаж.) В дальнейшем планируется превратить городок в «славянский духовный центр», где будет построен «грандиозный ХРАМ ЕДИНЕНИЯ со специальными культовыми сооружениями, музеями, разделами по разным религиям, начиная с язычества, и учениям (в том числе и атеизму)».

Предлагается поклоняться адыгейским «дольменам», которые якобы являются местами захоронений древних мудрецов, живших десятки тысяч лет назад (хотя наука не датирует каменные гробы ранее 3–2 тыс. до РХ). Они, по Пузакову, добровольно заживо погребались в каменных камерах. Мудрецы вдобавок будто бы приходятся родственниками Анастасии. Среди них и ее «прамамочка». «Необычность их смерти заключалась в том, что они медитировали. Медитировали в вечность, в духе навсегда оставшись на Земле, сохранив некоторые чувства земные» [2, с. 39].

Поклоняющийся дольмену, как верят последователи Пузакова, вступает в контакт с умершими. Через эти своего рода «информационные приемники»

«легче было связаться с Интеллектом Вселенной» [1, с. 389]. Хотя при чем тут вселенная, неясно, если вспомнить, что древние «в духе» остались на земле и обладают именно земными чувствами?

Начиная с 1995 г. Пузаков приступил к разработке «дольменного» проекта в Геленджике. Вскоре он получил содействие от местных властей, которые быстро осознали, что наплыв сектантов (около 50 тыс. человек в год) позволит значительно поправить дела захиревшего курорта. Нашлась работа для гидов, моментально переквалифицировавшихся в ясновидящих и медиумов. Регулярно проводятся читательские конференции (их еще для важности называют «научно-практическими»), на которые теперь приезжают не только из России, но и из ближнего и дальнего зарубежья. По словам одного из адептов, это — «масса вполне серьезных людей, предпринимателей, ученых, специалистов, людей социального и технического творчества, открыто поддерживающих Идею Анастасии».

Культ дольменов не обходится без нападков на Православие. Утверждается, например, что сорок дольменов в свое время были разрушены, а камень пошел на строительство церквей. В качестве мести большевики на Северном Кавказе убили жестокой смертью сорок православных священников. Бесы через большевиков расправились со священнослужителями. «Анастасийцы» довольны.

В своем последнем по времени произведении Мегре обращается к теме древнего городища Аркаим (см.: «Новая цивилизация», ч. 2, на сайте www.anastasia.ru), которое он объявляет центром ведрусской цивилизации и древней обсерваторией. Читаем: «Когда начались раскопки в аркаимской долине, археологи сообщили ученому миру, что обнаружен древнейший город, возраст которого более сорока веков, и что в нем проживали люди древнейшей индоевропейской цивилизации. Исследователи стали называть Аркаим городом, храмом, обсерваторией одновременно». Ни датировка, ни выводы, естественно, не соответствуют мнению серьезных ученых.

Надо сказать, что с течением времени Мегре предлагает своим читателям все больше разносторонних откровений. Из той же «Новой цивилизации» мы узнаем о том, что телегония — это объективно доказанный факт, что мамонты были самыми полезными домашними животными древнего человека, что Медовый и Яблочный Спас — это «древние обряды» ведруссков.

ЭСХАТОЛОГИЯ

По правилам детективного жанра в литературном произведении должно присутствовать напряженное ощущение опасности. По Пузакову, кедр является главным национальным достоянием России, и различные международные темные силы сговорились и покушаются на него [1, с. 20]. Вот первый знак угрозы.

Однако далее проступают уже чисто эсхатологические мотивы. Что за секта без конца света? Анастасия сообщает, что ей при участии дачников (об их роли в секте см. ниже), которых за это нужно прославить установлением 23 июля специального праздничного дня, удалось в 1992 г. предотвратить конец света.

Следующая дата намечена на 2002 г. [1, с. 243]. Для «анастасийцев» важно монополизировать «право на конец света». Анастасия осуждает тех, кто говорит о Страшном суде (в том числе и Церковь). Пузаков пишет об этом с присущим ему корявым изяществом: «Возможно, собрав вокруг себя массы людские, за счет притягательности представлений, они осуществят поворот в осознанности» [1, с. 337]. А вовсе и нет никакой нужды готовиться к Суду, говорят сектанты, нужно только во всем слушаться Анастасию — и все будет в порядке...

ЭТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ «АНАСТАСИЙЩИНЫ»

Рассказывая о своем «луче», Анастасия подчеркивает важность «чистоты помыслов». Если человек испытывает лишь «светлые чувства», то его луч очень силен и может многое [1, с. 47]. Таким образом, последователи вроде бы ориентированы на нравственное самосовершенствование. Только как это сделать, если предлагается жить одновременно и в «нави», и в «яви»? Если в мире существует «гармония» добра и зла, то в чем истинное совершенство?

«Анастасиюшка» непрестанно предостерегает против увлечения научно-техническим прогрессом, ведущим Землю к гибели. Необходимо обратиться к природе. Отношения человека с окружающей средой зависят от «помыслов». Агрессивное настроение, «темные чувства» вызывают, например, ответную враждебность животных [1, с. 79].

Все неприятности и беды, происходящие с человеком, Анастасия объясняет тем, что люди «нарушают правила духовного бытия и порывают связь с Природой» (которая пишется с прописной, как очевидно обожествляемая; вообще же у наших доморощенных оккультистов-эзотеристов заведено так: чем больше прописных букв, тем выше «духовность») [1, с. 125]. Эти правила и заповеди «изложены еще в Библии». Священному Писанию отводится рядовая роль одного из многочисленных источников языческого откровения. Вряд ли мы найдем библейские тексты, рассказывающие о любви растения к человеку, о чем «ведает» своему другу лесная обительница. Пузакову следовало бы обратиться за концептуальной поддержкой к греческой мифологии, дело было бы вернее.

Вот несложная система «нравственного богословия» Пузакова. Для кого же все это приурочено?

АДРЕСАТЫ СЕКТАНТСКОЙ ПРОПОВЕДИ

Один из сподвижников Пузакова верно заметил, что автор эпопеи ориентируется на «чернозем», то есть необразованного, невзыскательного читателя. Потому, мол, и корявый стиль простителен, и неправильная грамматика делу не вредит.

Анастасия неоднократно подчеркивает, что главным объектом ее забот являются российские дачники, которые на своих крошечных участках земли об-

щаются с животными и растениями [1, с. 67]. Она сама при помощи «луча» наставляет людей, как лучше выращивать плоды, очищать природу от загрязнения. Многие предлагаемые рецепты фактически являются описаниями магических операций с семенами, которым якобы «передается вся информация о человеке», а те в свою очередь, прорастая, собирают для нужд хозяина «из Космоса и Земли необходимую энергию» [1, с. 75]. Чтобы получать от овощей с огорода нужную медицинскую помощь, нужно лишь регулярно поливать их водой после мытья ног, поскольку пот содержит сведения о болезнях. На грядки поступит диагноз, и растения произведут потребные лечебные вещества.

Образ жизни, предлагаемый Анастасией, предполагает утреннее и вечернее общение с растениями. Здесь нет места молитве [1, с. 80–81].

Занятие земледелием становится у Пузакова родом магической натуропатии. Для «успокоения души» нужно всего лишь самому совершить полностью весь цикл выращивания зерна и производства хлеба, а также хотя бы три дня за лето питаться плодами своего огорода [1, с. 83–84]. И будете здоровеньки...

Садовые участки постепенно сакрализуются в писаниях Пузакова как энергетически насыщенный «участок родовой», на котором можно получить защиту от всякого зла [3, с. 333]. Зачем же от «нави»-то родимой спастись?

Постепенно в писаниях Мегре возникает необходимость дискредитации учебы и знаний. «Настанет время, человечество поймет. Ученый самый крупный к бабушке на огород придет. Изголодавшийся, попросит он помидор себе на пропитание. Ученый и его творения мнимые той бабушке сегодня не нужны... Она спокойно без ученого живет. А он не может без нее прожить. Он — в мире иллюзорном, бесплодном, в никуда ведущем. Она — с землей естественной и со вселенной всей. Она нужна вселенной, он не нужен» [2, с. 169]. Вообще читать и учиться вредно, учит «Анастасиюшка», — темные силы «множеством учений стремятся главное от человека скрыть» [3, с. 279]. Читаем дальше: «Познание предметов и наук не нужно самоцелью делать. Как стать счастливым главное познать» [3, с. 346].

Итак, новая богиня предложена довольно многочисленной части российского общества. Критерий для отбора сторонников: много времени проводит на садовом участке. Как правило, это или пенсионеры, или люди, ставшие в определенной степени жертвами современных преобразований, экономически неблагополучные, вынужденные питаться плодами своих садов и огородов, поскольку доходов на пропитание не хватает. Дачник-«анастасиец» — это городской житель, своего рода идеологический маргинал. Он уже не советский человек, но живет верой в силу научно-технического знания. Он еще не захотел или еще не смог воцерковиться — «слишком сложно». Он верит в НЛО, экстрасенсов, восточные чудеса, лекарства-панацеи, астрологию и геомантию. Ему грустно, что большая часть восторгающих его «чудес» — заграничного происхождения. Хочется между тем чего-нибудь своего, с одной стороны, простенького, а с другой стороны — волшебного, обещающего каждому простые способы приобщения к «миру тайн». Вот они, бывшие посетители мавзолея, с надеждой обращающие свои взоры к «Анастасиюшке».

Сочинитель Пузаков предпринял даже попытку объединить своих последователей в новое общественное движение.

Одно из названий — Движение «Анастасия». Оно занято популяризацией идей Пузакова, а также производством религиозной продукции секты под торговой маркой «Звонящие кедры России». Среди организаций «анастасийцев» — Фонд культуры и поддержки творчества «Анастасия» в городе Владимире. Он занимается поддержкой самодеятельного искусства по темам «женщина, душа, Россия, экология», содействует изготовлению экологически чистых продуктов и товаров, пропагандистской продукции (масло кедровое по 160 руб. за пузырек; видеозапись последней конференции Пузакова в Геленджике по 80 руб., календари с изображением «Анастасиюшки» по 14 руб. и др.), организацией соревнований бардов (энтузиасты могут приобрести две кассеты с песнями по 25 руб. за штуку). Созданный в 1999 г. фонд также распространяет самодеятельные песни об Анастасии, издает эти песни, а также отзывы читателей на писания Пузакова. Отдельным видом деятельности является организация паломничеств по Оби для всех желающих подышать кедровыми фитонцидами.

Фондом инициировано общероссийское политическое движение землепользователей «Сотворение». Одним из главных программных требований является законодательная передача всем желающим гражданам в наследственное пользование для занятий земледелием и строительством участка земли площадью в 1 га. В преамбуле программы ее авторы пугают читателя страшным кризисом, надвигающимся на Россию, населенную почти одними безработными и нищими. Спасение — от «анастасийцев». Они предлагают научить граждан, как «сотворить экологически чистую среду», а потом, отказавшись от «чуждых жизненных ценностей», «обучиться позитивному мышлению». Как отмечает А.Л.Дворкин, позитивное мышление — оккультное учение, возникшее в середине XIX в. в США. На его основе возникло несколько сект, таких как «Христианская наука», «Христианская школа единства», различные неохаризматические секты. Действует в нашей стране и построенная по пирамидальному принципу секта «Позитивное мышление», основанная на трудах американки Луизы Хей. Очевидно, именно они когда-то задержали на себе взгляд Пузакова-Мегре. После промывания мозгов намечено освоение массами «глубинных народных традиций» (надо полагать, тех, которые «уничтожены» святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием, коим противопоставляется знатный баянист Щетинин (о нем см. ниже). Движение выступает за создание «экопоселений», самообеспечивающихся общин, в которых будут воспитываться люди «новой формации».

Существуют и другие центры «анастасийцев». Один из них, «Исследовательский Центр Анастасии», содержит в Москве сам Пузаков-Мегре. В Томске в 1999 г. образован центр «Кедры Сибири». Под видом заботы о сохранении кедровников в тайге сектанты уже вступили в сотрудничество с Госкомэкологии РФ. В Челябинске члены центра «Анастасия» заняты созданием «пространства любви и островка света» (Восточный экспресс, 17 июня 1999 г.).

Впоследствии предпринималась и попытка создать политическую партию, инициировать принятие закона «о родовых поселениях, создаваемых народными депутатами России всех уровней» [см.: 6, т. 1, с. 192].

Надо отметить, что между сектантами уже началась борьба за первенство. Недавно в Интернете пузаковцы подвергли нападкам некий алтайский центр как самозванный.

Мегре резко реагировал на все попытки нарушить его монополию на разработку темы Анастасии. Так, «в конце 1999 г. он подал в Куйбышевский районный суд города Санкт-Петербурга иск о нарушении своих авторских прав против Ольги Стуковой, которая издала книгу «Путь Анастасии и других Учителей человечества: работа с людьми». Рецензия, положенная в основу иска, построена на том, что Анастасия — вымышленный образ коммерческого художественного произведения и уже поэтому ее имя не может быть использовано другими авторами без разрешения Владимира Мегре. В исковом заявлении, поданном от имени Мегре, читаем: «Книги Мегре являются литературно-художественными текстами, которые можно отнести к научной фантастике». В результате этого иска был арестован тираж книги Ольги Стуковой. На суде представителями Владимира Мегре было заявлено (подчеркнем, что иск был подписан им лично), что Анастасия — это «образ-символ, т. е. самостоятельный художественный образ, имеющий эмоционально иносказательный смысл» (<http://iriney.ru/sects/anastasia/011.htm>). Столь откровенная защита коммерческих интересов Мегре, пришедшая в конфликт с созданной им мифологией, не помешала, однако, дальнейшему развитию сектантского движения.

Вскоре появилась и «истинная» Анастасия — жительница Барнаула Ольга Гузь⁶, наполнившая Интернет своими стихоподобными сочинениями⁷ и провозгласившая себя «Божьей Дудкой» (см. <http://iriney.ru/sects/anastasia/018.htm>). Борьба между ней и Мегре еще не завершилась.

Референтная группа «Анастасиюшки» должна иметь и романтический компонент. Пока трудолюбивые дачники будут выращивать кедры и заговаривать семена, кто-то должен сконцентрироваться на росте духовности. В этой связи возникает еще одна группа лиц, призванных к участию в проекте Мегре — это барды (преемники «прамамочкиного» муженька, см. выше). Чтобы польстить тем, кем намечено манипулировать, он сразу произвел их в потомки «кельтов-прародителей» и жрецов-друидов. В древности бардом был тот, кто прошел двадцатилетнее обучение у жреца, узнаем мы [1, с. 254]. Теперь, по замыслу Пузакова, всякий, кто играет на гитаре и распевает вирши собственного сочинения, должен восхвалить Анастасию, выведшую такую древнюю генеалогию самодеятельных певцов. И, кстати сказать, задумка удалась. Уже опубликован в твердой обложке целый том чудовищных стихов, посвященных «Анастасиюшке».

Для чего петь песни? Оказывается, здесь присутствует сверхзадача: «живые образы-субстанции создать и управлять с их помощью большим сообществом людей» [3, с. 185]. Суть сектантской деятельности передана четко. Стиль хромает, но по сути все верно. В качестве доказательства приводится состязание Моисея и египетских жрецов, которых Пузаков всех скопом представляет как колдунов, отличающихся друг от друга лишь степенью овладения оккультными знаниями. О Божием присутствии — ни слова [3, с. 186–187]. Магическим

путем созданные образы и должны завладеть массами. «Когда народ поверит в образ, когда по нраву образ большинству, с желанием каждый будет следовать ему, и в государстве нет необходимости огромную надсмотрщиков-чиновников строить структуру» [3, с. 191]. Надо полагать, так будет, когда все поверят в «анастасийщину» и «добровольно и с песнями» подчинятся ее вождям.

Названным социальным группам адресована утопия под названием «рассвет в России». Если жители нашей страны исполнят все указания Анастасии, то «Россия станет богатейшею страной», в том числе благодаря доходу от торговли детскими кроватками из кедровой древесины и кедровым маслом [1, с. 361]. Поскольку по мере приближения конца света ни один западный буржуин не сможет обойтись без этой сакральной продукции, доллары потекут в страну рекой, только доски пили и орехи выжимай. Тут же дается ритуальный рецепт производства масла из кедрового ореха.

Для многих «анастасийцев» естественно возникает вопрос: нужно ли все бросить и идти спасаться в леса? Понимая всю опасность последствий такого призыва, в том числе и для экономической эффективности своего проекта, Пузаков учит: не надо [2, с. 179]. Можно послужить «Анастасиюшке» и в столицах. И все же соблазнительный обман в писаниях Пузакова сохраняется. Читателю внушается мысль, что современный человек может уйти от мира и жить наедине с природой: «Ничего ведь нет у Анастасии, и в то же время она ни в чем не нуждается и даже ребенка свободно обеспечивает» [2, с. 138].

Со временем дачная тема сменилась более серьезной — идеей создания родовых поместий. Поскольку сейчас много заброшенных земель, последователи Мегре в различных регионах разными способами приобретают значительные земельные участки. Поддержку этого начинания, а заодно и защиту от критики со стороны Русской Православной Церкви, Мегре попытался получить в обращении к Президенту В.В.Путину, которое было опубликовано отдельной брошюрой под названием «Наказ Президенту».

Издается и соответствующая книжная продукция. Так, имеется книжка Олега Сафронова «Родовое поместье. Шаг навстречу мечте» [9], в которой рассказывается, как «по-анастасийски» наладить натуральное/натуропатическое хозяйство. Идет в ход и литература для детей. Бывший депутат Государственной Думы, сибиряк В.Я.Медиков сочинил книжицу «Чудесные жизнь и приключения сестренок» [8], из которой дети должны узнать об Анастасии и научиться строить родовые поместья.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Всякая секта в первую очередь обращает внимание на детей и молодежь, надеясь обеспечить свое будущее за их счет. Не является исключением и «анастасийщина». Лесная учительница настаивает, что в человеке заложено «реальное естественное мироздание» [1, с. 87], в которое ни в коем случае не нужно вмешиваться, и тогда ребенок в течение 9 лет вполне «осознает сущность мирозда-

ния, смысл человеческого существования». Здесь подразумевается, что всякое воспитание и система образования пагубно влияют на развитие ребенка. Они ничего не дают, только губят все живое в человеке. «Ангел и властелин становится нищим, рабом» [1, с. 88]. Вступает в действие теория простоты, которая хуже воровства: родители, отбросьте без разбора все, что дала вам цивилизация, стремитесь к нарочитой, доведенной до абсурда простоте: выбросьте все «рукотворные предметы». Тогда ребенок будет развиваться правильно, с точки зрения астрологии и оккультизма, поскольку у него «проснутся» те клетки мозга, которые сделают его непревзойденным гением (какая мать не мечтает о супермене!), а также позволят принимать в «подсознание» новую информацию от планет [1, с. 92].

Сама Анастасия, к наивному восторгу доверчивых читателей, может якобы разговаривать на всех языках мира (нам доводилось видеть людей, которые искренне этому верят). Для овладения ими нет нужды долго учиться. Если правильно, в игровой форме воспитывать ребенка в возрасте 3–11 лет, то он будет понимать собеседника «без слов» [1, с. 99].

Родив от Пузакова ребенка, Анастасия растит его в лесу, используя в качестве колыбельки пах медведицы. Свободное воспитание — вот ее идеал. «Стремление сил всех света (имеется в виду — всех сил света. — *Авт.*) во вселенной направлено, чтоб каждому рожденному все лучшее из мироздания передать. И долг родителей творящий свет не закрывать премудростями догм надуманных» [2, с. 121]. Догмы — это про все, что не имеет отношения к «анастасийщине». Вот уж идеи Пузакова — те не надуманные, а самые что ни на есть благодатные. Не будут родители к детям соваться, передадут в сектантские школы, и хорошо будет.

Свобода от «догм» касается и методов обучения детей в школе. В качестве образца, соответствующего «Анастасиюшкиному» идеалу, Пузаков приводит школу «академика» неизвестно чего, некоего Михаила Щетинина (он назван в книге «великим магом» [2, с. 149], «великим Ведуном» [2, с. 156]), человека, не имеющего никакого адекватного сфере его деятельности образования, но сумевшего уверить эзотерически настроенную общественность, что может за год обучить ребенка курсу математики в объеме средней школы. Проверить реальные достижения этого учебного заведения трудно: любую комиссию обвинят в предвзятости. Детей воспитывают в духе неоязычества, их головы забиты такими понятиями, как «образ Сварога, Огненного небесного начала», «оберег камня», «пульс камней» [2, с. 146–147]. Вот диалог: «Откуда вы берете знания, способности?» — «От звезд», — отвечает ученица [2, с. 151]. Да и не диво, если учителя ничему не могут научить, кроме русской национальной борьбы, языческих танцев и националистической идеологии, замешанной на язычестве, — детям приходится выдумывать, откуда знания, которых нет. Такие уроки называются в книге «уроками богов» [3, с. 344]. Пузаков с огромным удовлетворением наблюдал за перспективными сектантками — девочками, обучающимися в школе: «...идут по полянке маленькие русокобые белые магини. Они подрастут! Их в этой школе триста» [2, с. 155].

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ОТКРОВЕНИЯ

Аудитория Пузакова хочет верить в чудеса, но не перестает мыслить в духе советской инженерии. Поэтому и предлагаемые способы выживания в «век гибели» носят конкретный характер: хочешь иметь здорового ребенка — зачи-най на огороде под звездами; устал от болезней — три кедровую древесину, и т. п. Вот пример рекламы, которую смастерила редакция газеты «Весь Ново-российск»: «Обычные насаждения вашего дачного участка могут быть для вас самым квалифицированным семейным врачом... Как уберечь мужчину от блуда и самой не стать блудницей... Как воспитать гения...»

Однако этого показалось мало, и «Анастасиюшка» начинает вдаваться и в бо-лее сложные материи. Она, к примеру, «объясняет», как устроены «летающие та-релки» (в реальное существование которых Мегре свято верит). «Тарелка», оказы-вается, являет собой гигантский гриб, в стенках которого живут микроорганизмы, питающиеся «воздухом». Всасывая его, они создают перед «тарелкой» вакуум и способствуют ее быстрому передвижению в пространстве [1, с. 104–105]. Анаста-сию несколько не смущает то обстоятельство, что в космическом пространстве отсутствует «воздух», которым питаются мифические микроорганизмы.

Еще одно открытие: необходимо подвешивать под бамперами автомоби-лей кедровые коробочки с дырочками, и загрязнение воздуха снизится на 40% [1, с. 110–111]. Это открытие пока что, насколько известно, на отечественном рынке не раскручено ни самим Пузаковым, ни его предприимчивыми после-дователями.

* * *

Несмотря на раздававшуюся в адрес секты Мегре критику, движение ана-стасийцев продолжает развиваться. Достаточно обратиться за справкой в Интер-нет, чтобы увидеть, сколь многочисленны разного рода ассоциации, общества и клубы любителей Анастасии. Массированная пропагандистская деятельность продолжает привлекать определенную часть россиян. Коммерческая сторона культа включает теперь не только производство упомянутых продуктов, но и операции с землей, значительные площади которой, видимо, уже попали в руки анастасийцев.

Мы лишь обобщили сказанное Пузаковым и героиней его произведений, в некоторых случаях добавив высказывания других сектантов. К сожалению, для значительной части последователей нового культа совершенно безразлично то, насколько противоречиво или бессмысленно учение, которому они следуют. Они чувствуют себя вполне комфортно в атмосфере эмоционального и духов-ного хаоса. Все же есть надежда, что размышления о сути «анастасийщины» остановят тех, кто не успел еще попасть в это сообщество. Ведь Пузаков-Мегре планирует продолжать свою писательскую деятельность. Без притока новых сил его бизнес захиреет.

¹ Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянская мифология / Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988. С. 452.

² Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. СПб., 1895. С. 271.

³ Например, «языческая община Родолюбие» утверждает, что мир «держится равновесием и борьбой без борьбы» двух начал: «Яви и Нави, олицетворенных образами Белобога и Чернобога».

⁴ Например, в книге «Святые, коим Господь даровал особую благодать исцелять болезни и подавать помощь в других нуждах». М., 2000. С. 59.

⁵ Голубцов С., протодиакон. Троице-Сергиева Лавра за последние сто лет. М., 1998.

⁶ Имеет свой сайт в Интернете: <http://www.anastasia-is-me.ru>.

⁷ Села кошка на окно

И как мявкнуло оно!

Тише, тише, киска,

Вот твоя ириска!

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Мегре Владимир. Анастасия. Существуя для тех, для кого существуя (включает «Звенящие кедры России»). В 2 кн.. Ростов-на-Дону: Проф-Пресс, 1998.
2. Мегре Владимир. Пространство любви. М.: Московская тип. №11, 1998.
3. Мегре Владимир. Сотворение. Ростов-на-Дону: Проф-Пресс, 1999.
4. Мегре Владимир. Кто же мы? М.-СПб.: Диля, 2004.
5. Мегре Владимир. Родовая книга. М.-СПб.: Диля, 2004.
6. Мегре Владимир. Энергия жизни. М.-СПб.: Диля, 2004.
7. Мегре Владимир. Новая цивилизация. Ч. 1. М.-СПб.: Диля, 2005.
8. Медиков В. Чудесные жизнь и приключения сестренок.: М.: Чистые воды, 2003.
9. Сафронов О. Родовое поместье. Шаг навстречу мечте. М.: НП Сельскохозяйственная лаборатория, 2007.
10. Альманах «Звенящие кедры России». №1(4), 2003; №1 (5), 2004), № 2 (6), 2004.

Протоиерей Михаил Щепетков

МОСКОВСКАЯ ЕПАРХИЯ в годы Крымской войны (1853–1856 гг.)

История государства Российского неразрывно связана с историей Русской Церкви. Начиная с Днепровской купели вплоть до современного времени, несмотря на гонения и притеснения, происходившие в известные периоды нашей истории, Церковь никогда не оставляла своего патриотического служения и всегда была верной союзницей государства, особенно во время войн и нестроений, эпидемий и катаклизмов. Государство, в свою очередь, в дни испытаний всячески старалось опереться на Церковь, используя религиозное чувство народа для достижения своих целей.

Восточная или Крымская война 1853–1856 гг. явилась некой кульминацией противостояния западных государств и России. Император Николай I, считавший себя покровителем православных христиан на востоке, вынашивал планы уничтожения Турецкой империи, которую считал «больным человеком». Великобритания и Франция, наоборот, желали использовать Порту для своих политических целей, продлевая ее существование как некий буфер против экспансии России на восток.

Поводом для войны послужил конфликт между католическим и православным духовенством о «святых местах» в Иерусалиме, т. е. о том, в чьем ведении должен находиться «гроб Господень» и кому чинить сгоревший в 1808 г. купол Вифлеемского храма, где, по преданию, родился Иисус Христос.

Николай I и император Франции Наполеон III, оба искавшие повод для нажима на султана, вмешались в спор: первый на стороне православных, второй — католиков. В конце концов «святые места» были отданы православным, но император Николай потребовал, чтобы Порта признала его покровителем всех православных христиан Востока (9 млн турецких подданных), на что султан Абдул-Меджид ответил отказом.

Весной 1853 г. российские войска оккупировали Дунайские княжества, в результате Турция объявила войну России.

Таким образом, конфликт несет в себе некий признак «священной войны» — войны «за ясли Господни». Но причиной конфликта было, безусловно, желание западных государств ослабить и расчлениить Российскую империю. Самодержавие Николая I, которого уже тогда называли «жандармом Европы», особенно после подавления Венгерской революции 1848–1849 гг., представляло в глазах европейцев большую опасность. Образ русского для «просвещенного» француза или англичанина — это образ грубого варвара, сметающего все на своем пути. «Я не осуждаю русских за то, каковы они, — писал Астольф де Кюстин, посетивший Россию в 1840-х гг., — но я порицаю в них притязание казаться та-

кими же, как и мы. Они еще совершенно некультурны. Это не лишало бы их надежды стать таковыми, если бы они не были поглощены желанием по-обезьяньи подражать другим нациям, осмеивая в то же время тех, кому они подражают. Невольно приходит на мысль, что эти люди потеряны для первобытного состояния и потеряны для цивилизации»¹. «Разве из того, что дикарь обладает тщеславием светского человека, следует, что он приблизился к культуре? ...Русские не сколько хотят стать цивилизованными, сколько казаться таковыми. В основе они остаются варварами. К несчастью, эти варвары знакомы с огнестрельным оружием»². Опровержением слов француза служит свидетельство философа К.Леонтьева, который принимал участие в Крымской кампании как военный врач: «Наши офицеры, даже казацкие, не позволяли низшим чинам обращаться дурно с пленными. Сами же начальствующие из нас, как известно, обращались с неприятелями даже слишком любезно — и с англичанами, и с турками, и с французами... и по отношению к ним действительно во всей чистоте являлась русская доброта»³.

Понятно, что записки, подобные кюстиновским, производили соответствующий эффект, и в глазах европейцев вторжение в Россию также выглядело «священной войной» — защитой Европы от азиатских варваров. Не случайно архиепископ Парижский Огюст Сибур публично призвал к «крестовому походу против России и защищаемых ею восточных схизматиков», то есть православных.

Как известно, начало войны для России было достаточно удачным. В марте 1853 г. русские войска благополучно форсировали Дунай. По этому поводу Святейший Синод издал указ о благодарственном молебствии во всех церквях. Подобный указ пришел и митрополиту Московскому Филарету, на это святитель ответил: «По случаю благополучного перехода российских войск через Дунай отправлено было мной со старшим духовенством в кафедральной церкви Чудова монастыря и во всех церквях столицы местным духовенством в воскресенье 28 марта, по литургии с коленопреклонением и с обычным звоном. О совершении такового молебствия во всех прочих церквях Московской епархии предписано»⁴. Подобные благодарственные молебны совершались в храмах Московской епархии по поводу последующих побед русского оружия.

Постепенно российские войска вступили на территорию единой Болгарии — тогда это были турецкие провинции. Болгары в это время находились под двойным гнетом: политически — под властью турок, в церковном отношении — под жестким гнетом греков. Храмы были очень бедны утварью и украшениями, и особенно чувствовалась потребность в богослужебной литературе на церковнославянском языке. Видя такое положение, главнокомандующий Российской армии обратился в Святейший Синод Русской Церкви с предложением об оказании помощи Болгарским храмам, однако, как видно, преследуя и политические цели. «Богослужение в Болгарии совершается на церковно-славянском языке, — писал он. — Но в Болгарии нет типографии и посему церковно-богослужебные книги выписываются туда из России. К этим книгам болгары питают особенное уважение и доверие. Назад тому несколько

лет Порты запретила приток таких книг в Болгарию, а оттого в настоящее время многие тамошние церкви нуждаются, а также в облачениях и т. п.. При приходе наших войск за Дунай выписаны были, по распоряжению генерал-адъютанта князя Горчакова, из Одессы колокола и даже несколько крестов на церковь в Мачине и в других местах. Ныне с продвижением и занятием нашими войсками части Болгарии было бы также полезно снабдить Болгарские церкви всем, чем возможно. Этот дар произвел бы сильное впечатление на народ, вообще набожный, и значительно усилил бы расположение к нам всех вообще задунайских христиан. На первый раз я полагаю достаточным прислать сюда из России 20 полных кругов церковных богослужебных книг, в особенности же 300 экземпляров малого Евангелия, которое в прошлом году было напечатано в Москве для Болгарских церквей по 20 экземпляров малых требников и молитвословов»⁵. Кроме того, просили также небольшие кресты, колокола, иконы, церковные сосуды и облачения. Подобное письмо, но уже из Святейшего Синода, получил и митрополит Московский Филарет. На нем святитель поставил резолюцию (от 12 мая 1854 г.) — «поручить благочинному монастырей и благочинным церквей в Москве, чтобы пригласили подведомственных к пожертвованию облачений, икон небольшого размера и святых сосудов для болгарских церквей, и что предложено будет о том представить списки»⁶. Благословение святителя было принято к исполнению, и храмы и монастыри Московской епархии занялись сбором облачений и утвари для Болгарских церквей. Так, например, от Новодевичьего монастыря было пожертвовано: «Священные сосуды серебряные украшенные финифтью (3 фунта 72 золотника), риза, стихарь и епитрахиль «по серебрянной земле», тоже — серебряные, тоже — белые, тоже — золотые, два подризника розовые, парчовый подризник золотой, три воздуха серебряных, три воздуха — золотых, три — голубых, три — бархатных пунцовых, три — малиновых, три — лиловых, три парчовых — серебряных, 10 разных пар поручей, 4 ораря, 4 пояса, Триодь постная (1696), триодь цветная (1680), минея праздничная (1687)»⁷. Всего было собрано пожертвований 39 ящиков, которые были положены на хранение в Чудовом монастыре. В это время ситуация на Балканах изменилась, русские войска оставили Болгарию, началась осада Севастополя, по этой причине пожертвования оставались в Москве. В 1857 г. Москву посетил иеромонах Анфим, который получил от архимандрита Чудова монастыря 10 священнических и дьяконских облачений, которые впоследствии были розданы церквам Адрианопольской епархии. В 1859 г. оставшиеся ящики были отправлены в Одессу, а впоследствии переправлены в Болгарию.

В 1855 г. Московская епархия участвовала в сборе средств на восстановление города Севастополя, сильно пострадавшего во время знаменитой осады. Сбор пожертвований был всеобщим. Так, от коломенского благочиния поступило 41 руб. серебром. Служители Коломенского Ново-Голутвина монастыря пожертвовали свое трехмесячное жалованье (31 руб. 2 коп.). Всего по епархии было собрано 2348 руб. 84 коп.⁸

Действия России на Балканах привели к тому, что она оказалась практически в полной изоляции. Турция, Англия, Франция и позже присоединившаяся

ся Сардиния — объявили войну, Австрийская империя и Пруссия — выражали явную враждебность. В оппозицию к России стал также Константинопольский патриархат. Греки не без основания говорили: «Вы обратите нашу Церковь из госпожи (деспины) в рабу. Ваш Петр I сверг законного главу Русской Церкви, устроил какой-то синод и отнял у церкви управление ее имениями. Ваша Екатерина II отобрала у церкви все ее достояние и превратила церковь из богатой в убогую. Ваш Николай I, вслед за соединением униатов с православными, отнял у церкви всю недвижимость и положил ей скромное жалованье. Вы сделаете то же самое и с нами. Мы теперь богаты и сильны. Девять миллионов душ в руках патриарха, его синода и семидесяти епархиальных архиереев. Вы с правом протектората в руке лишите нас всего, уничтожите наше значение и пустите нас с сумою»⁹.

Союзниками России были Голландия, Бельгия и Персия, но они сохраняли нейтралитет. Римский папа и США были морально на стороне России. Таким образом, Крымскую кампанию можно назвать Первой Мировой войной. Но Россия в то время была достаточно сильной и могла себе позволить воевать практически со всем миром.

По поводу конфликта с западными державами император Николай издал манифест, предназначенный для прочтения в храмах. В то время церковь была не только местом для молитв и совершения таинств, но и кафедрой, с которой звучали повеления и указы монарха для его подданных.

17 февраля 1854 г. поступило указание из Святейшего Синода о прочтении в храмах Московской епархии манифеста о прекращении политических отношений с Англией и Францией, который был прочтен 21 февраля в неделю 4-ю Великого поста.

В ответ на объявление войны союзниками (15 марта войну России объявила Великобритания, 16 марта — Франция) в день Святой Пасхи 11 апреля 1854 г. император Николай издал новый манифест, в котором изъясняет причины конфликта и с патриотическим христианским пафосом убеждает своих подданных в священном характере этой войны. «С самого начала несогласий наших с турецким правительством, — писал самодержец, — Мы торжественно возвестили любезным нашим верноподданным, что единое чувство справедливости побуждает Нас восстановить нарушенные права Православных Христиан, подвластных Порте Оттоманской. Мы не искали и не ищем завоеваний, ни преобладающего в Турции влияния, сверх того, которое по существующим договорам принадлежит России.

Тогда же встретили Мы сперва недоверчивость, а вскоре и тайное противоборство Французского и Английского правительств, стремившихся превратным толкованием намерений наших ввести Порту в заблуждение. Наконец, сбросив ныне всякую личину, Англия и Франция объявили, что несогласие наше с Турцией есть дело в глазах их второстепенное; но их общая цель — обессилить Россию, отторгнуть от нея часть областей и низвести Отечество наше с той степени могущества, на которую оно возведено Всевышнею Десницею.

Православной ли России опасаться сих угроз? — Готовая сокрушить дерзость врагов, уклонится ли она от священной цели, Промыслом Всемогущим ей предназначенной? — Нет! Россия не забыла Бога! Она ополчилась не за мирские выгоды; она сражается за Веру христианскую и защиту единовверных своих братьев, терзаемых неистовыми врагами.

Да познает же все Христианство, что как мыслит Царь Русский, так мыслит, так дышит с Ним вся русская семья — верной Богу и Единородному Сыну Его, Искупителю нашему Иисусу Христу, Православный русский народ. За веру и Христианство подвигаемся! С нами Бог и ничтоже на ны!»¹⁰

Этот манифест был прочитан святителем Филаретом Московским 17 апреля на молебне «о помощи Божией во брани». В остальных церквях Московской епархии манифест был провозглашен в ближайший воскресный день после Пасхи — 18 или 25 апреля, в зависимости от времени поступления текста манифеста.

Тем временем военный конфликт разгорался: 2 апреля союзники начинают боевые действия против России на Черном море (бомбардировка Одессы), 13 сентября 1854 г. союзники осадили Севастополь, после чего началась героическая оборона этой «Русской Трои», как ее называли осаждающие. 349 дней союзники пытались захватить эту крепость, потеряли за время боевых действий около 70 тыс. солдат и офицеров. В конце концов, взяли часть города, но воспользоваться преимуществом не смогли, войско окончательно выдохлось, и у союзников не было никакого желания продолжать войну до победного конца. Со стороны россиян были огромные потери: примерно 150 тыс. убитых солдат, офицеров и местных жителей. Среди погибших были знаменитые адмиралы: Корнилов, Нахимов, Истомин, инженер Тотлебен. Но дух русской армии при этом не был сломлен, и она могла еще серьезно сопротивляться. 30 марта 1856 г. в Париже был подписан мирный договор, по которому Россия потеряла Бессарабию, также ей было запрещено иметь крепости и флот на Черном море. Покровительство турецких христиан было передано в руки великих держав: Англии, Франции, Австрии, Пруссии и России.

Итоги Крымской войны несколько не изменили отношение России к Балканским христианам. В 1859 г. по Московской епархии был организован сбор пожертвований на восстановление болгарских церквей, пострадавших от землетрясения. 20 апреля 1859 г. митрополиту Филарету Московскому поступил указ Святейшего Синода, который гласил: «Поверенный наш в делах в Константинополе князь Лобанов-Ростовский доносит министерству, что при бывшем прошедшей осенью землетрясении, из числа восьми православных церквей в Софии, что в Болгарии, только две остались несколько неповрежденными, а в прочих не может быть отправляемо богослужение без значительных расходов на их поправку. Решением (было) выстроить новый каменный собор во имя святого Стефана. Но нужны для сего средства, почтеннейшие обитатели города Софии обратились в консульство наше в Видине с ходатайством об оказании им на сей предмет пособия»¹¹. Святейший Синод постановил: «Объявить о сем по всему

ся Сардиния — объявили войну, Австрийская империя и Пруссия — выражали явную враждебность. В оппозицию к России стал также Константинопольский патриархат. Греки не без основания говорили: «Вы обратите нашу Церковь из госпожи (деспины) в рабу. Ваш Петр I сверг законного главу Русской Церкви, устроил какой-то синод и отнял у церкви управление ее именными. Ваша Екатерина II отобрала у церкви все ее достояние и превратила церковь из богатой в убогую. Ваш Николай I, вслед за соединением униатов с православными, отнял у церкви всю недвижимость и положил ей скромное жалованье. Вы сделаете то же самое и с нами. Мы теперь богаты и сильны. Девять миллионов душ в руках патриарха, его синода и семидесяти епархиальных архиереев. Вы с правом протектората в руке лишите нас всего, уничтожите наше значение и пустите нас с сумою»⁹.

Союзниками России были Голландия, Бельгия и Персия, но они сохраняли нейтралитет. Римский папа и США были морально на стороне России. Таким образом, Крымскую кампанию можно назвать Первой Мировой войной. Но Россия в то время была достаточно сильной и могла себе позволить воевать практически со всем миром.

По поводу конфликта с западными державами император Николай издал манифест, предназначенный для прочтения в храмах. В то время церковь была не только местом для молитв и совершения таинств, но и кафедрой, с которой звучали повеления и указы монарха для его подданных.

17 февраля 1854 г. поступило указание из Святейшего Синода о прочтении в храмах Московской епархии манифеста о прекращении политических отношений с Англией и Францией, который был прочтен 21 февраля в неделю 4-ю Великого поста.

В ответ на объявление войны союзниками (15 марта войну России объявила Великобритания, 16 марта — Франция) в день Святой Пасхи 11 апреля 1854 г. император Николай издал новый манифест, в котором изъясняет причины конфликта и с патриотическим христианским пафосом убеждает своих подданных в священном характере этой войны. «С самого начала несогласий наших с турецким правительством, — писал самодержец, — Мы торжественно возвестили любезным нашим верноподданным, что единое чувство справедливости побуждает Нас восстановить нарушенные права Православных Христиан, подвластных Порте Оттоманской. Мы не искали и не ищем завоеваний, ни преобладающего в Турции влияния, сверх того, которое по существующим договорам принадлежит России.

Тогда же встретили Мы сперва недоверчивость, а вскоре и тайное противоборство Французского и Английского правительств, стремившихся превратным толкованием намерений наших ввести Порту в заблуждение. Наконец, сбросив ныне всякую личину, Англия и Франция объявили, что несогласие наше с Турцией есть дело в глазах их второстепенное; но их общая цель — обессилить Россию, отторгнуть от нея часть областей и низвести Отечество наше с той степени могущества, на которую оно возведено Всевышнею Десницею.

Православной ли России опасаться сих угроз? — Готовая сокрушить дерзость врагов, уклонится ли она от священной цели, Промыслом Всемогушим ей предназначенной? — Нет! Россия не забыла Бога! Она ополчилась не за мирские выгоды; она сражается за Веру христианскую и защиту единоверных своих братьев, терзаемых неистовыми врагами.

Да познает же все Христианство, что как мыслит Царь Русский, так мыслит, так дышит с Ним вся русская семья — верной Богу и Единородному Сыну Его, Искупителю нашему Иисусу Христу, Православный русский народ. За веру и Христианство подвигаемся! С нами Бог и ничтоже на ны!»¹⁰

Этот манифест был прочитан святителем Филаретом Московским 17 апреля на молебне «о помощи Божией во брани». В остальных церквях Московской епархии манифест был провозглашен в ближайший воскресный день после Пасхи — 18 или 25 апреля, в зависимости от времени поступления текста манифеста.

Тем временем военный конфликт разгорался: 2 апреля союзники начинают боевые действия против России на Черном море (бомбардировка Одессы), 13 сентября 1854 г. союзники осадили Севастополь, после чего началась героическая оборона этой «Русской Трои», как ее называли осаждающие. 349 дней союзники пытались захватить эту крепость, потеряли за время боевых действий около 70 тыс. солдат и офицеров. В конце концов, взяли часть города, но воспользоваться преимуществом не смогли, войско окончательно выдохлось, и у союзников не было никакого желания продолжать войну до победного конца. Со стороны россиян были огромные потери: примерно 150 тыс. убитых солдат, офицеров и местных жителей. Среди погибших были знаменитые адмиралы: Корнилов, Нахимов, Истомин, инженер Тотлебен. Но дух русской армии при этом не был сломлен, и она могла еще серьезно сопротивляться. 30 марта 1856 г. в Париже был подписан мирный договор, по которому Россия потеряла Бессарабию, также ей было запрещено иметь крепости и флот на Черном море. Покровительство турецких христиан было передано в руки великих держав: Англии, Франции, Австрии, Пруссии и России.

Итоги Крымской войны несколько не изменили отношение России к Балканским христианам. В 1859 г. по Московской епархии был организован сбор пожертвований на восстановление болгарских церквей, пострадавших от землетрясения. 20 апреля 1859 г. митрополиту Филарету Московскому поступил указ Святейшего Синода, который гласил: «Поверенный наш в делах в Константинополе князь Лобанов-Ростовский доносит министерству, что при бывшем прошедшей осенью землетрясении, из числа восьми православных церквей в Софии, что в Болгарии, только две остались несколько неповрежденными, а в прочих не может быть отправляемо богослужение без значительных расходов на их поправку. Решением (было) выстроить новый каменный собор во имя святого Стефана. Но нужны для сего средства, почтеннейшие обитатели города Софии обратились в консульство наше в Видине с ходатайством об оказании им на сей предмет пособия»¹¹. Святейший Синод постановил: «Объявить о сем по всему

Духовному ведомству печатными указами; представить Высокопреосвященнейшим епархиальным архиереям и настоятелям ставропигиальных монастырей, чтобы они пригласили вверенное им духовенство к посильным пожертвованиям на сей предмет»¹². Святитель Филарет написал на указе следующую резолюцию: «1. Консистории учинить по сему надлежавшее исполнение. 2. В состав подписки принять от меня 50 руб., от Чудова (монастыря) 50 руб., от приписного Перервенского монастыря — 100 руб.». Таким образом, сам святитель показал пример благотворительности. После этого по всей Московской епархии начался сбор пожертвований, каждый приход вносил свою милостыню, обычно священник жертвовал 20 коп. серебром, дьякон — 10 коп., пономарь — 5 коп. В общем, от каждого благочиния поступило примерно 3–5 рублей. В сборе пожертвований принимали участие и церковные старосты, и управляющие имениями помещиков (дворецкие). Участвовали в этом благом деле и монастыри. Например, от Бобренева монастыря поступило 5 рублей¹³.

История Крымской войны показывает нам на примере Московской епархии, как Церковь оказывала моральную и даже, хоть и небольшую, материальную поддержку пострадавшим. Храмы и монастыри, территориально находившиеся достаточно далеко от мест военных действий, не остались глухи к участию в помощи государству в решении его насущных проблем. Видя эту ревность, император Александр II повелел наградить все духовенство Русской Церкви наперсными крестами в память Восточной кампании, как некогда Александр I после победы над Наполеоном.

Итоги Крымской кампании показали, что России следует более сосредоточиться на своем внутреннем развитии. Последующее время вошло в историю Российского государства как эпоха реформ. Реформированию подверглись практически все государственные ведомства, не исключая и Русскую Церковь: отмена крепостного права, реформа образования, приходская реформа, организация системы некоего самоуправления, рождение церковной прессы — все это явилось стимулом для развития Церкви в это время. И, как мы видим, серьезный толчок к этому дала неудачная авантюра русского правительства по утверждению своего влияния на Востоке. Желание покровительствовать христианам в Палестине привело к тому, что российские самодержцы наконец обратили внимание на свою Русскую Церковь, на ее бедственное и несправное состояние, положив начало реформированию.

¹ Астольф де Кюстин. Николаевская Россия. М.: Хранитель, 2007. С. 96.

² Там же. С. 206.

³ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. Чем и как либерализм наш вреден. М., 2005. С. 329.

⁴ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 503. Д. 6. Л. 22.

⁵ Там же. Оп. 508. Д. 5. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 116.

⁸ Там же. Оп. 507. Д. 9.

⁹ Цит. по: Рукописная записка Михаила Волкова «Что довело Россию до настоящей войны». *Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856. Т. 1. Спб., 2002. Приложение №30. С. 735.*

¹⁰ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 503, Д. 6. Л. 59.

¹¹ Там же. Д. 2. Л. 1.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 73–77.

Священник Александр Ионов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕРКОВНЫХ АРХИВИСТОВ в первые послереволюционные годы (1917 – начало 1920-х гг.)

История архивов Русской Православной Церкви в первые годы после падения в России в феврале 1917 г. монархического строя остается, на наш взгляд, пока достаточно слабо изученной. Сейчас не вызывает возражений тот факт, что к 1917 г. архив и библиотека Святейшего Синода являлись одним из виднейших хранилищ документальной памяти и значимым научным центром до-революционной России. Данный архив занимался не только концентрированием и хранением архивных документов центральных учреждений Православной Российской Церкви, но и активной научно-издательской деятельностью. Еще в 1865 г. была учреждена Комиссия по разбору и описанию архива Святейшего Синода. В ее состав входили виднейшие представители российской науки. Так, до 1899 г. бессменным председателем Комиссии был видный археограф, многолетний директор Императорской Публичной библиотеки академик А.Ф.Бычков. В 1900–1901 гг. в Комиссии председательствовал граф С.Д.Шереметев, а с 1901 по 1918 гг. — известный филолог, академик А.И.Соболевский. Среди изданий Комиссии первое место занимают «Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Синода» за XVIII в. и «Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания» (далее — ПСПиР) (работа над ними была прервана Первой мировой войной и революцией и так и не была закончена).

Помимо своих первоочередных обязанностей, отраженных в ее названии, Комиссия была своего рода научно-методическим консультационным органом по вопросу о церковных архивах и вообще памятниках древности¹. В начале XX в. был подготовлен проект преобразования Комиссии по разбору и описанию в Архивно-археологическую комиссию при Синоде, которая объединяла бы в своем ведении заботу об охране и научной разработке всех памятников древности, принадлежавших духовному ведомству Империи. Проект так и не был осуществлен в связи с подготовкой в недрах Министерства внутренних дел общероссийского закона об охране древностей, который, кстати, тоже остался только проектом. На волне революции и работы Поместного Собора 1917–1918 гг. проект учреждения Архивно-археологической комиссии будет вновь включен в повестку дня и использован при подготовке на Соборе «Положения о Патриаршей палате церковного искусства древностей», которое тоже, к сожалению, останется только в проекте.

Деятельность Комиссии по разбору и описанию архива Святейшего Синода до 1915 г. подробно описана в изданном ею к своему 50-летию юбилею

подробном историческом очерке и некоторых других изданиях². Кроме того, от дореволюционного времени имеются десятки томов изданий Комиссии. Мы же в своем исследовании обратимся к последним годам существования архива Святейшего Синода и состоявшей при нем Комиссии. Удивительно, что последней удалось пережить не только две революции 1917 г. и Гражданскую войну, но и принять в лице своих членов активное участие в процессе централизации архивов России и создании такого феномена, как единый Государственный архивный фонд (ЕГАФ).

Февральская революция 1917 г. и последовавшие за ней события поставили на повестку дня вопрос о судьбе архивов упраздняемых учреждений старого режима, которые, оставаясь бесхозными, могли погибнуть. Уже марте 1917 г. в Петрограде начал свою деятельность Союз российских архивных деятелей (Союз РАД), поставившей своей задачей не только заботу о таких архивах, но и проведение архивной реформы в масштабах всей России. Возглавил Союз РАД видный историк, академик А.С.Лаппо-Данилевский. В руководящий орган Союза — Совет — вошли представители крупнейших ведомственных архивов Петрограда — МИД, Сената, Академии наук и др. Начальник архива и библиотеки Святейшего Синода действительный статский советник Константин Яковлевич Здравомыслов был избран кандидатом в члены Совета Союза РАД. Почти сразу он стал одним из активнейших членов Союза. Так, в апреле-мае 1917 г. Здравомыслов принимает участие в дискуссиях по вопросам о секретных делах в архивах и о допуске исследователей к работе в архивах³, а в сентябре составляет «обширную Записку, в которой обобщил все идеи и предложения по вопросу о том, как следует поступать в государственном масштабе со всеми архивами упраздняемых... учреждений и ведомств»⁴. В основе данной Записки лежало одно из базовых, фундаментальных положений науки об архивах, которое в современном архивоведении называется принципом недробимости архивного фонда. На основании данной Записки директор Государственного архива МИД князь Н.В.Голицын составил проект закона об архивах, многие положения которого впоследствии легли в основу советского декрета от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела».

Вскоре коллективным членом Союза РАД станет Комиссия по описанию Синодального архива, делопроизводителем которой (в должности начальника архива) был К.Я.Здравомыслов. Решение о вступлении в действительные члены Союза Комиссия приняла на первом после Февральского переворота заседании (156-м с момента основания в 1865 г.) 5 мая 1917 г. Представителем Комиссии в Союзе был избран профессор Петроградской духовной академии П.Н.Жукович, его заместителем — Ф.И.Виноградов. На этом заседании Комиссия обсуждала вопросы, которые волновали Союз РАД в целом: секретные дела в архивах и проблему эвакуации архивов Петрограда ввиду угрозы наступления немцев⁵. По этим вопросам Комиссия присоединилась к решениям Союза. К счастью, эвакуация в итоге не понадобилась, а в отношении хранившихся в Синодальном архиве материалов к ней так и не успели приступить, в отличие, например, от Государственного архива МИД. Кроме того, Комиссия на заседании 5 мая кон-

статировала большие проблемы в деле издания своих трудов и оплаты гонораров за них ее членам, возникшие ввиду сложностей военного времени. В этой связи Комиссия решила пока приостановить печатание своих трудов, «выждав время, когда типографское дело войдет в норму и цены на работы понизятся», а пока ходатайствовать перед обер-прокурором Синода о выдаче гонораров⁶.

На свое следующее (157-е) заседание Комиссия собралась 13 октября, продолжив обсуждение вопросов об эвакуации архива и выплате гонораров членам Комиссии⁷. Это было последнее заседание Комиссии перед Октябрьским переворотом 1917 г. В следующий раз Комиссия собралась уже в условиях советской власти.

В рамках 158-го заседания Комиссии 19 марта 1918 г. (здесь и далее даты даются по новому стилю) собралось достаточно широкое научное совещание, которое, помимо членов Комиссии, составили такие известные ученые и архивисты, как специалист по каноническому праву В.Н.Бенешевич, правитель дел Археографической комиссии В.Г.Дружинин, председатель Союза РАД А.С.Лаппо-Данилевский, делопроизводитель Совета Союза РАД и фактический инициатор создания Союза А.И.Лебедев, начальник архива Министерства народного просвещения А.С.Николаев и др.⁸ Данное совещание собралось для того, чтобы обсудить судьбу архива и библиотеки Святейшего Синода в новых условиях, когда Ведомство православного исповедания, в структуре которого находились архив и библиотека, формально и фактически прекратило существование: в соответствии с декретом Совета народных комиссаров от 5 февраля 1918 г. Церковь была отделила от государства, а несколько дней спустя, 14 февраля, Святейший Правительствующий Синод, опираясь на постановления Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг., принял определение о самоупразднении и передаче своих дел новым органам высшего церковного управления (Святейшему Патриарху, Священному Синоду и Высшему Церковному Совету). Более того, само здание бывшего Святейшего Синода в Петрограде, где располагался Синодальный архив, было передано новой властью со всем находящимся в нем имуществом Народному комиссариату юстиции (далее — НКЮ). На заседании Комиссии 19 марта 1918 г. в качестве представителя НКЮ присутствовал комиссар бывшего синодального здания Н.В.Хлебников.

В начале заседания выступил начальник Синодального архива К.Я.Здравомыслов, который рассказал о поступившем к нему заявлении комиссара здания Н.В.Хлебникова о том, что, «спасая здание бывшего Св. Синода от вселения в него несоответствующих элементов (вроде авиационного парка)», он (комиссар) разместил в нем Литературно-издательский отдел (далее — ЛИО) НКЮ как «единственно сохранившееся учреждение в Комиссариате». В свою очередь, ЛИО НКЮ выразил желание национализировать и сосредоточить в здании Синода архивы и библиотеки ликвидированных в Петрограде учреждений (духовного, придворного ведомств и др.), причем предполагалось «изъятие из хранилищ малоценных в научном историческом отношении архивных дел и книг». В то же время, при таких грандиозных проектах новых хозяев синодального здания, из Москвы от Высшей Церковной власти, несмотря на многократные обращения к

ней руководителя Синодального архива, никаких указаний получить не удалось. Синодальные архивисты хотели узнать мнение церковной власти по следующим вопросам: совсем ли свернуть деятельности архива и Комиссии, или придать им «другое направление»; как относиться в Ученому комитету (ЛИО НКЮ предполагал создать этот орган для руководства в том числе Синодальным архивом и библиотекой); необходимо ли отстаивать принятые Комиссией «систему и направление в научных работах»? Завершая свое выступление, Здравомыслов подчеркнул, что эти вопросы — общие для любого архива и книгохранилища, требуют общего, обязательного для всех решения, почему он и «позволил себе пригласить на сегодняшнее заседание возможно большее число представителей науки и членов великой архивно-библиотечной семьи, дабы пред судом потомства можно было опереться на мнения лиц компетентных и авторитетных в решении вышеуказанных вопросов»⁹.

Далее состоялась дискуссия, в ходе которой собравшиеся выразили мнение и желание оставить архив и библиотеку, а также Комиссию на прежнем положении, с теми же штатами, средствами и деятельностью. Комиссар бывшего синодального здания Хлебников, пришедший на заседание в сопровождении заведующего библиотекой ЛИО НКЮ А.В.Петрова (бывшего чиновника Департамента инославных исповеданий), сказал, что готов идти навстречу данным пожеланиям, будет действовать в направлении сохранения архив и библиотеки Синода путем присоединения их к штатам ЛИО НКЮ, а также постарается выхлопотать средства на продолжение и издание трудов Комиссии. Председательствовавший на заседании С.Ф.Платонов выразил просьбу вернуть архиву Синода две комнаты, переданные ЛИО. Кроме того, было выражено желание дать Синодальному архиву автономию по подобию Сенатского архива. На все это комиссар ответил, что в двух упомянутых комнатах будет устроен церковный музей (уже есть несколько предметов для него): «Это учреждение... по существу очень близко к архиву и библиотеке и не нарушит общей гармонии научной деятельности этих учреждений». По вопросу об автономии архива Хлебников также пообещал содействие и в завершение своего выступления пригласил присутствующих к сотрудничеству с Ученым комитетом ЛИО НКЮ и даже к вступлению в его члены. В качестве задач Ученого комитета комиссар указал организацию библиотеки и «издание книг и брошюр по правовым и другим, возбуждаемым настоящим временем вопросам»¹⁰.

После ухода комиссара участники заседания приняли решение собраться 26 марта, составив сметы расходов по архиву, библиотеке и Комиссии и «состав сведения о том, как была осуществлена автономия Сенатского архива»¹¹.

159-е заседание Комиссии 26 марта 1918 г. состоялось также под председательством С.Ф.Платонова. Начальник архива доложил, что на другой же день после прошлого заседания Комиссии комиссар Хлебников потребовал от него срочно (в течение 2-х часов!) составить новую смету расходов по архиву. Здравомыслов немедленно выполнил порученное, причем сумма месячного жалования всех восьми сотрудников архива им была увеличена до 3600 руб. против прежних 2478 руб. 52 коп.¹² Также была составлена смета на печатание трудов

Комиссии из предполагаемого расчета 50 листов в год (400 руб. за лист плюс 100 руб. гонорара за каждый лист). Кроме того, по предложению комиссара была составлена смета на ликвидацию всех центральных учреждений Синода (на три месяца). Данная смета была составлена из расчета выплаты ежемесячно 27 канцелярским служащим бывших синодальных учреждений и 5 сотрудникам архива по 400 руб. и сторожам за переноску дел по 150 руб. За предстоящие 3 месяца это составляло 42000 руб. В тот же день все эти сметы были отправлены с комиссаром юстиции Стучкой на рассмотрение Совнаркома в Москву¹³. Члены Комиссии признали осуществление данных смет весьма желательным¹⁴.

По вопросу автономии Сенатского архива на заседании выступил инспектор (т. е. руководитель) последнего И.А.Блинов, который рассказал историю организации подведомственного ему учреждения за последнее время. Он особо подчеркнул, что хотя провозглашенная после упразднения Сената сотрудниками Сенатского архива автономия и не была никем «утверждена и не имеет определенного устава, но она всеми признается и твердо проводится в жизнь»¹⁵. Во главе архива стоит с 20 декабря 1917 г.¹⁶ «Комитет по заведыванию архивом», избранный сотрудниками. Комитет осуществляет сношения с комиссарами, руководит внутренней жизнью архива (назначает и перемещает штатных и нештатных служащих, определяет время начала и конца работы, ее порядок и направление) и «решает все вообще административно-служебные вопросы». Жалованье служащих Сенатского архива по-прежнему привязано к классным чинам, которым соответствовала должность (в рассмотренной выше смете, составленной для Синодального архива Здравомысловым классные чины не упоминаются, хотя в целом прежние и новые суммы жалованья для служащих Синодского и Сенатского архива примерно одинаковы). В заключение своего выступления Блинов предложил сформировать из служащих обоих архивов особый Совет «хотя бы из четырех лиц, для защиты в случае надобности прав и интересов этих двух однородных учреждений»¹⁷. По мнению Блинова, такая координация действий сотрудников двух архивов, которые находились фактически в одном здании, была бы особенно выгодна в условиях, когда оба архива предполагали присоединить свои штаты к ЛИО НКЮ.

Координация была тем более необходима, так как Сенатский архив предполагал получить от ЛИО НКЮ в бывшем помещении Синода площади для размещения архивов упраздняемых учреждений ведомства юстиции. К.Я.Здравомыслов по выступлении Блинова заявил, что ему как «заведующему архивом и библиотекой» Синода вверены помещения и имущество данных архива и библиотеки, о чем было сказано ему комиссаром Хлебниковым, гарантировавшим их неприкосновенность¹⁸. Кроме того, члены Комиссии, состоявшие штатными служащими архива и библиотеки Синода, заявили о непрерывности работы своего учреждения по удовлетворению научных и справочно-канцелярских запросов, поступающих от учреждений и ученых исследователей Москвы и Петрограда. Причем в постановлении по итогам заседания было отдельно указано, что такая справочная работа особенно необходима для Священного Собора, Священного Синода и Высшего Церковного совета, а также Петроградской Синодальной

конторы¹⁹. Это говорит о том, что сотрудники архива и Комиссии не хотели прерывать своей связи с церковными учреждениями и деятелями даже в условиях отделения Церкви от государства. В дальнейшем эти связи и отношения продолжатся, о чем еще будет сказано ниже.

В заключение заседания 26 марта было принято постановление Комиссии приступить к введению автономных начал. Состав служащих архива и библиотеки Синода был назван Комитетом для заведывания всеми административно-служебными и хозяйственными делами архива и библиотеки или, коротко, Комитетом служащих (сначала предполагалось избирать данный Комитет, но, видимо из-за малочисленности штата, было решено включить в него всех служащих, соответствующие изменения в машинописный протокол заседания были внесены от руки), а состав Комиссии — Особым Советом по делам архива и библиотеки бывшего Святейшего Синода. В кадровых вопросах вводилось выборное начало, а допуск к работе с архивными материалами становился полномочием Комитета служащих (ранее это была прерогатива обер-прокурора Святейшего Синода²⁰). Кроме того, было принято решение выработать новое Положение об архиве, библиотеке и Комиссии.

Но в целом для истории архивов интересно то, что именно на заседании Комиссии 26 марта 1918 г. было впервые упомянуто имя Д.Б.Рязанова, впоследствии (с 1 июня 1918 г.) первого руководителя Главного управления архивным делом РСФСР, а на тот момент назначенного Совнаркомом Петроградской коммуны на должность уполномоченного «по ликвидации и реорганизации всех находящихся на территории Петрограда архивов»²¹. Никаких дискуссий по этому вопросу не было, а Комиссии лишь было доложено о назначении Рязанова и о том, что деятели Союза РАД, коллективным членом которого была Комиссия, «решили войти в сношения с Рязановым по делу об охране архивов». Уже 27 марта 1918 г. Д.Б.Рязанов впервые встретится с членами Союза РАД, приняв участие в заседании Совета Союза²². Начнется плодотворное сотрудничество, итогом которого станет издание 1 июня 1918 г. декрета Совнаркома РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела», в соответствии с которым архивы бывших церковных учреждений войдут в состав Единого Государственного архивного фонда (ЕГАФ).

27 марта 1918 г. начальник Синодального архива К.Я.Здравомыслов и инспектор Сенатского архива И.А.Блинов «организовали узкое совещание в рамках литературно-издательского отдела Наркомюста», где «приветствовали назначение Рязанова и выразили готовность содействовать осуществлению возложенных на него задач, выражали надежду на его «авторитетную помощь»»²³. Видный отечественный историк-архивист В.Н.Автократов отмечает важность этого факта в предстоящем российском архивном строительстве, поскольку на состоявшемся в тот же день заседании Совета Союза РАД его председатель А.С.Лаппо-Данилевский занял достаточно сдержанную позицию по отношению к Рязанову. По мнению Автократа, возможно, именно это совещание в рамках ЛИО НКЮ, а точнее, его протокол, направленный Рязанову, «стал дорожкой, связавшей Рязанова с Платоновым»²⁴, впоследствии — руководителем Петро-

градского отделения Главного управления архивным делом РСФСР, а значит, проделанная совместно руководителями Синодального и Сенатского архивов работа была важной вехой в формировании когорты руководителей архивного дела России первых лет советской власти, тем более, что С.Ф.Платонов на тот момент исполнял обязанности председателя Комиссии по описанию Синодального архива.

На следующем (160-м) заседании Комиссии 30 марта 1918 г. К.Я.Здравомыслов подробно рассказал о заседании Совета Союза РАД 27 марта (в протоколе ошибочно названа дата 15/28 марта)²⁵, на котором присутствовал Д.Б.Рязанов. Последний предложил незамедлительно восстановить нормальную работу архивов, пообещав со своей стороны содействие в приведении к однообразию их штатов и смет, «и затем уже перейти к централизации архивов»²⁶.

В протоколе Комиссии по описанию Синодального архива зафиксировано, что тогда же Рязанову были переданы списки 150 петроградских архивов, а также «протокол совещания о нежелательности реорганизации благоустроенных автономных архивов Синодального и Сенатского»²⁷. Вообще, Совет Союза РАД предлагал осуществить централизацию архивов на базе автономных крупных архивов, к которым бы присоединялись «мелкие»²⁸. Уполномоченный Рязанов был в целом согласен с такой позицией архивных деятелей, указав, «что, не задаваясь целью создания одного национального архива, предстоит тем не менее в порядке охраны сосредоточивать многие более мелкие архивы упраздненных учреждений в центральных ведомственных архивах»²⁹. Именно это и стало исходной точкой централизации архивов, которая в первые годы советской власти, пока архивное ведомство возглавлял Д.Б.Рязанов, осуществлялась на основе секционного деления ЕГАФ, когда основой каждого отделения той или иной секции был крупный ведомственный архив. Данное обстоятельство позволило продолжать и развивать свою работу церковным историкам и архивистам, объединенным при Синодальном архиве, переименованном во 2-е отделение IV секции ЕГАФ и ставшим основой для концентрации архивов церковных учреждений Петрограда, и в Комиссии по его описанию.

Но самое важное из того, что доложил К.Я.Здравомыслов членам Комиссии о заседании Совета Союза РАД 27 марта, было решение об учреждении Центрального совета управления архивами, принятое по предложению Д.Б.Рязанова. Учреждение данного Совета преследовало цели централизации архивов и, по мнению Рязанова, должно было означать изъятие их «из ведения отдельных учреждений». В состав данного органа вошли 5 представителей Совета Союза РАД и 6 учреждений (Академии наук, Публичной библиотеки, Наркомпроса, Дома борцов за свободу, Петроградского университета и Археографической комиссии).

В число представителей от Совета Союза РАД в новый орган был избран и сам К.Я.Здравомыслов, а в качестве заместителей этих 5-ти представителей были выдвинуты, в том числе, С.Ф.Платонов, на тот момент председательствовавший в Комиссии по описанию Синодального архива, и В.Г.Дружинин, видный историк церковного раскола, который уже присутствовал на заседании Комиссии 19 марта

1918 г., а вскоре будет включен в ее состав и с 1 ноября 1918 г. председательствовать на заседаниях. Кроме того, в состав Центрального совета вошел как представитель Публичной библиотеки ее директор И.А.Бычков, сын А.Ф.Бычкова, бывшего председателем Комиссии с момента ее основания в 1865 г. до своей кончины в 1899 г., а это примерно две трети времени работы Комиссии.

Комиссия по описанию Синодального архива отреагировала на учреждение Центрального совета управления архивами следующим постановлением: «Из вышеизложенного сообщения видно, что уполномоченный для реорганизации архивного дела товарищ Рязанов в своих начинаниях идет вполне навстречу тем чаяниям и проектируемым реформам в общем архивном деле, какие давно намечены и только ждали для своего осуществления благоприятного момента; хотя и можно сомневаться, что настоящий момент едва ли благоприятный для общей великой реформы архивного дела, но тем не менее, если эта реформа предпринимается, то нашему Архиву нет надобности в отдельности спешить со своей реформой и лучше повременить до выяснения общего плана реорганизации архивов»³⁰.

Т. е. реакция членов Комиссии на начинавшую разворачиваться под руководством официального представителя советской власти в архивном деле Д.Б.Рязанова работа была в целом даже более благожелательной, чем Совета Союза РАД. Большинство членов последнего, во главе с председателем Союза А.С.Лаппо-Данилевским, сомневались в возможности осуществления архивной реформы до достижения успокоения в стране и, связывая данную реформу с созывом Всероссийского съезда архивных деятелей, с большим подозрением относились к совместной работе с представителями советской власти³¹. Вообще, Союз РАД «превращался просто в кружок единомышленников без сил, полномочий и средств, переходивших к ЦКУА»³², Центральному комитету по управлению архивами, как со 2 апреля 1918 г., дня своего первого заседания, стал именоваться учрежденный 27 марта Центральный совет управления архивами. ЦКУА был не совсем тем органом, который был спроектирован на заседании Совета Союза РАД 27 марта. Председателем ЦКУА был избран Рязанов, товарищем председателя — С.Ф.Платонов, как представитель Петроградского археологического института, а председатель Союза РАД А.С.Лаппо-Данилевский стал рядовым членом ЦКУА³³. Начальник Синодального архива и библиотеки К.Я.Здравомыслов стал одним из активнейших членов ЦКУА, принимавшим участие в разработке почти всех его проектов.

Заслушав информацию об учреждении Центрального совета управления архивами и в целом одобрив его, Комиссия по описанию Синодального архива на том же заседании 30 марта не преминула впервые вступить с новым органом в официальные деловые отношения по следующему вопросу. Был рассмотрен развернутый доклад члена Комиссии Ф.И.Виноградова об архиве Департамента по делам Православной Церкви (бывшей Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода). В докладе были затронуты вопросы научно-исторической ценности, состава и нынешнего состояния архива, причем особенно была подчеркнута угроза архиву из-за расположения в здании Департамента новых учреждений.

Комиссия приняла решение переместить данный архив в здание Синодального архива, где уже была ранее сосредоточена часть этого архива, относящаяся к периоду до 1870 г. Об ассигновании средств на перевозку архива было решено ходатайствовать перед Центральным советом управления архивами и лично уполномоченным Рязановым³⁴. В середине мая ЦКУА, возглавляемый Рязановым, принял решение «уведомить Петросовет, что архив Департамента духовных дел остался без надзора, и ЦКУА берет его в свое ведение»³⁵.

Причем немаловажно отметить, что перемещение названного архива Комиссия постановила осуществить «под руководством б[ывших] служащих Канцелярии» обер-прокурора Синода (в докладе Ф.И.Виноградова добавлено: «как то предполагается сделать в отношении архивов остальных центральных учреждений»³⁶). Это обусловлено не только тем, что часть документов и дел Канцелярии находилась в беспорядочном состоянии, а служащим Канцелярии, знакомым с ее делопроизводством, было проще упорядочить документы (в принципе привлечение бывших служащих учреждений к разбору архивов имело место и в других ведомствах), но и стремлением сохранить и сосредоточить при архиве Синода лучшие силы бывшего духовного ведомства, что впоследствии выразилось в объединении в коллективе сотрудников бывшего Синодального архива виднейших церковных деятелей, в первую очередь, академических богословов, о чем более подробно будет сказано ниже.

Следующее (161-е) заседание Комиссии состоялось только 26 августа 1918 г., когда архив Святейшего Синода в соответствии с декретом СНК от 1 июня 1918 г. «о реорганизации и централизации архивного дела» уже вошел в состав ЕГАФ, составив в нем 2-е петроградское отделение IV секции. Тем не менее в протоколе заседания 26 августа она пока по-прежнему названа «Комиссией по описанию архива Святейшего Синода»³⁷.

Самое важное, что произошло на данном заседании, это единогласное избрание в члены Комиссии всеми присутствующими на заседании правителя дел Археографической комиссии, магистра русской истории Василия Григорьевича Дружинина. Под запиской о предложении избрания Дружинина подписались С.Ф.Платонов, К.Я.Здравомыслов, К.Виноградов, Н.А.Соколов, П.Лукиянов, Б.Н.Жукович, Н.И.Сергеев³⁸. Произведя данное избрание, Комиссия постановила просить В.Г. Дружинина «принять на себя временно обязанности заместителя безвестно отсутствующего председателя Комиссии академика А.И.Соболевского»³⁹.

Выписка данного постановления из протокола Комиссии была направлена на утверждение митрополита Петроградского Вениамина. Данный факт следует особо подчеркнуть, поскольку Комиссия фактически состояла в ведомстве такого советского государственного учреждения, как Главное управление архивным делом (далее — Главархив), учрежденного в июне 1918 г. для руководства ЕГАФ, частью которого тогда же стал и архив Синода. Более того, руководившие работой Комиссии уже были советскими служащими ведомства ГУАД: бывший директор Синодального архива К.Я.Здравомыслов — заведующим 2-м петроградским отделением IV секции ЕГАФ, а фактический на тот момент председатель

Комиссии профессор С.Ф.Платонов — заместителем заведующего Главархивом (впоследствии, после перемещения руководства Главархива в Москву, заместителем по Петроградскому отделению Главархива).

Обращение членов Комиссии к Петроградскому митрополиту, представителю Высшего Церковного управления (далее — ВЦУ) в Петрограде, дает многое для характеристики взглядов этих ученых на свою работу, ее цели и задачи. Даже войдя в состав советского ведомства и несмотря на отделения Церкви от государства, они продолжали ощущать себя все же церковными архивистами, которые занимаются концентрированием, хранением и научной разработкой не просто каких-то архивных документов, а именно церковных. Церковь продолжала существовать, Высшее Церковное управление тоже продолжало существовать, хотя уже не в виде Святейшего Правительствующего Синода, а в лице Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета, и не в Петрограде, где остался архив Святейшего Синода, а в Москве. И все же это была высшая власть той же Православной Российской Церкви, поэтому церковные архивисты не видели свою работу в отрыве от нее. Возникает уникальная ситуация, когда сотрудники бывшего церковного архива, по форме ставшие советскими служащими, по духу останутся церковными людьми. И еще в течение ряда лет будет сохраняться такая уникальная ситуация, пока в результате начавшейся в 1920-х гг. после смены руководства Главархива «политизации архивов» не начнутся чистки архивных кадров, будет сохраняться такая уникальная ситуация: данные архивные работники будут продолжать ощущать себя одновременно и государственными, и церковными архивистами. Они будут продолжать обращаться к высшей церковной власти по вопросам, требующим благословения священноначалия (среди документов, отложившихся в деятельности 2-го отделения IV секции ЕГАФ, нам удалось обнаружить ряд бумаг с автографами святого Патриарха Тихона и других церковных деятелей тех лет).

Итак, выписка из протокола Комиссии легла на стол будущего священномученика митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина, который оставил на ней следующую резолюцию: «1918. Авг. 22 — 4 сент. В.Г.Дружинина на предстоящие ему труды по предстоящему избранию. Митроп. Вениамин»⁴⁰. Кроме того, петроградский святитель тогда же удостоил нового председателя Комиссии личным приемом и благословением, о чем Дружинин рассказал на ближайшем (162-м) заседании Комиссии (первым под его председательством), состоявшемся 1 ноября 1918 г.⁴¹ Немаловажно отметить, что в заголовке протокола данного заседания уже приводится название «Комиссия по описанию документов и дел 2-го отделения IV секции Государственного архивного фонда».

В делопроизводстве Комиссии также отложилось отношение канцелярии Высшего Церковного Совета от 24 марта 1919 г., в котором говорится о пересылке «для присоединения к журналам Архивной комиссии» копий «постановления об увольнении академика А.И.Соболевского от должности председателя означенной Комиссии и Патриаршей благословенной ему грамоты»⁴² (помимо преподания благословенной грамоты, ВЦУ просило Соболевского принимать участие в дальнейших трудах Комиссии по возможности⁴³). Интересно здесь не

только то, что данное отношение было послано в ответ на письмо Здравомыслова и копии документов ВЦУ пересылаются фактически советскому служащему, а должность Здравомыслова, указанная в данном отношении: «Начальнику архива и библиотеки при Высшем Церковном Управлении». Т. е. даже спустя более года после отделения Церкви от государства церковное управление продолжало рассматривать бывшие Синодальные архив и библиотеку в качестве «своего» учреждения, заменив лишь обозначение принадлежности на «при Высшем Церковном Управлении» (ведь Святейший Синод был упразднен еще в феврале 1918 г.). Данное постановление ВЦУ (а именно, соединенного присутствия Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета) от 13–26 сентября 1918 г. за №347 «Об увольнении академика А.И.Соболевского по прошению от должности председателя Комиссии по описанию документов и дел Архива С[вятейшего] Синода» самой Комиссии удалось заслушать лишь два года спустя, на 164-м заседании 31 декабря 1920 г.⁴⁴ Причем в протоколе указано, что оно было получено «частным образом», т. е. неофициально, а иначе и быть не могло в условиях отделения Церкви от государства, в соответствии с которым ни одно церковное учреждение не обладало правами юридического лица. Тем не менее «неофициальная» бумага стала основой для вполне официального протокольного решения Комиссии: отставка академика А.И.Соболевского была принята Комиссией, а в качестве председателя ее был утвержден В.Г.Дружинин.

Вот небольшой очерк жизни и деятельности В.Г.Дружинина, ставшего последним председателем Комиссии. Василий Григорьевич Дружинин (1859–1937) — историк церковного раскола, археограф, палеограф, член-корреспондент Российской Академии наук (1920). «Крупнейший собиратель памятников по истории старообрядчества. До тысячи раскольничьих рукописей передал он из своей библиотеки в библиотеку АН⁴⁵. Сбирал и другие поморские рукописи, а также русские запрещенные книги или издания, покалеченные цензурой; еще — все собрания актов, комплекты исторических журналов... Владел богатейшим архивом своего дяди, писателя А.В.Дружинина. Будучи по преимуществу церковным историком, занимался еще историей донского казачества. Был когда-то очень богат. Перед Первой мировой войной продал свои Уральские рудники. СобираТЕЛЬСТВО поглощало все его деньги. Роскошный особняк, старинную мебель и даже собрание запрещенных книг пришлось продать. Четверть века состоял ученым секретарем Археографической комиссии, занимавшейся собиранием, описанием и изданием документальных источников русской истории; был также ее вице-президентом. Когда Комиссия переехала на Васильевский, Дружинин получил казенную квартиру; в ней Комиссия и заседала, а члены ее свободно пользовались библиотекой хозяина (она помещалась в пятидесяти шкафах)⁴⁶, впоследствии библиотека Дружинина была реквизирована советской властью в пользу Археографической комиссии... Окончил Петербургский университет в 1888 г. В 1889 г., защитив диссертацию на тему «Раскол на Дону в конце 17 в.», получил степень магистра. «На основании своего книжного собрания в 1912 г. он составил знаменитый справочник-указатель «Писания русских старообрядцев», который, хотя и не лишен ошибок, до сих пор является настольной книгой

и в доме старообрядца, и в кабинете ученого. Дружинину принадлежит честь первого серьезного исследования старообрядческого медного литья, собирателем и знатоком которого он был. К сожалению, его работы, написанные о поморском литье, не опубликованы, а рукопись утрачена»⁴⁷. Секретарь Русского археографического общества (с 1899 г.), член Археографической комиссии (с 1896 г., с 1921 г. заместитель председателя), Комитета попечительства о русской иконописи (1903–1918 гг.). В апреле 1918 г. избран в Совет Союза РАД⁴⁸. В 1929 г. проходил по «академическому делу», исключен из Академии наук, арестовывался в декабре 1929 г. и в июне 1930 г. В 1932–1935 гг. в ссылке в Ростове (Ярославском). При возвращении в 1937 г. из ссылки в Ленинград пропал без вести⁴⁹.

Но вернемся к работе Комиссии в эти нелегкие пореволюционные годы. В протоколе заседания от 26 августа 1918 г. охарактеризован состав Комиссии на тот момент: 4 профессора, 3 преподавателя высших учебных заведений, 2 протоиерея и остальные — чиновники бывшего ведомства православного исповедания (всего 27 человек). «Кроме того, 10 человек работают по описанию Архива, не состоя членами Комиссии». Такой состав Комиссии в протоколе объясняется тем, что ее сотрудниками ранее становились «большую частью лица, нуждавшиеся в денежных средствах», так как за работу по описанию получалось вознаграждение за каждый напечатанный лист. Размер гонорара был по тем временам небольшой (40–50 рублей лист — «совершенно несоответствующий дороговизне жизни последнего времени»), и со временем многие сотрудники или начинали работать вяло, или вовсе прекращали работу, видимо, найдя более стабильный заработок. Добавившееся к этому сильное подорожание типографских работ совершенно остановило деятельность «членов Комиссии буквально на полуслове»⁵⁰. В таком состоянии работа находилась более года, с межреволюционных месяцев 1917 г. Далее в протоколе дается информация о подготовке 13, 17, 24, 25, 27, 30, 33, 35–38, 40–49, 51–57 томов «Описания документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Синода» (составление многих томов уже было практически закончено, а часть материалов — даже набрана в типографиях), томов ПСПиР за 1801–1894 гг. (за царствования императоров: Александра I — находился у редактора и был почти готов к печати; Николая I — 1 том напечатан, 2 том был сдан в Комиссию и готов к печати, 3 том составлялся; Александра II — составлялся; Александра III — был передан в Комиссию и готов к печати) и 3 тома «Описания архива бывших греко-униатских митрополитов» (был окончен и частично напечатан в типографии)⁵¹.

В протоколе состояние работ резюмировано следующим образом: «4 тома близки к окончанию печатанием; 9 томов печатается в 3-х типографиях; 5 томов окончены составлением и ожидают напечатания; 8 томов составляются и 8 томов, за отказом составителей, подлежат передаче другим лицам»⁵². Также в протоколе отмечена опасность гибели части напечатанных материалов в бывшей Синодальной типографии, которая предлагала их выкупить за 1000 рублей и вывезти в противном случае из-за нехватки помещений, угрожая переработать их на бумажной фабрике. На время остроты этого вопроса была снята «благодаря распоряжению Главного Управления архивным делом».

Члены Комиссии действительно питали большие надежды на возобновление изданий и содействие в этом Главархива. Так, среди материалов работы Комиссии отложилось письмо К.Я.Здравомыслову новоназначенного председателя Комиссии В.Г.Дружинина (от 31 октября 1918 г.), который указывает об обещании С.Ф.Платонова присутствовать на предстоящем заседании и предлагает в этой связи «составить постановление об исходатайствовании... средств» от Главархива на издательские работы. Неизвестно, присутствовал ли на заседании 1 ноября 1918 г. С.Ф.Платонов (его подписи под протоколом нет), тем не менее, Комиссия в этот день, вновь выразив надежду на продолжение печатания своих трудов, постановила снестись с занимавшимися печатанием типографиями, а также просить Главархив о содействии в напечатании. О том, что надежды на продолжение издания подготовленных материалов еще были крепки, свидетельствует приведенная в протоколе подробная смета на оплату работ⁵³. 9 декабря предполагалось провести еще одно заседание Комиссии «для распределения гонорара за труды» ее членов, но оно было отменено⁵⁴.

На следующем (163-м) заседании Комиссии 25 декабря 1918 г. было решено на время отложить проведение в жизнь постановления прошлого заседания о напечатании трудов Комиссии до разрешения общего вопроса о продолжении издательской деятельности всех отделений секций ЕГАФ, поставленного в это время на повестке дня Главархива⁵⁵. Весьма радостной вестью для членов Комиссии стала новость об исходатайствовании Академией наук из казны на оплату гонорара членов Комиссии «обычных» 4 тысяч рублей. Хотя фактически на тот момент была получена лишь половина суммы (за первое полугодие 1918 г., и то с вычетом 148 рублей 85 копеек «по случаю перехода... на новый стиль»), Комиссия поспешила распределить сразу всю сумму (3851 рубль 15 копеек) между следующими своими членами: С.П.Соколовым, П.В.Корниловым, М.Ф.Глаголевым, Н.М.Лавровским, протоиереем К.П.Виноградовым, Б.Н.Жуковичем, Ф.И.Виноградовым, Н.В.Туберозовым и К.Я.Здравомысловым. Хотя Комиссия и определила произвести выдачу этих денег, тем не менее нам не удалось найти документы, подтверждающие получение Комиссией второй половины суммы⁵⁶. Таким образом, никаких практических шагов по продвижению издания трудов Комиссии в 1918 г. сделать не удалось.

Протоколы Комиссии свидетельствуют о двухгодичном перерыве в ее заседаниях: в 164 раз она собралась лишь 31 декабря 1920 г. В протоколе данного заседания зафиксирована наверняка шокировавшая членов Комиссии информация об уничтожении (продаже «на обертку») хранившихся в 3-й Государственной (бывшей Синодальной) типографии несфальцованных изданий, среди которых были и труды Комиссии, как уже вышедшие в свет, так и не законченные печатанием. Часть изданий, а именно 17 и 45 тома «Описания документов и дел», удалось спасти, перевезя в помещение Комиссии. Еще протокол сообщает о попытках спасти некоторые тома печатных трудов Комиссии, а также другие издания по церковно-исторической тематике: их предполагалось перевезти в помещение Комиссии, а затем распределить между служащими учреждений ЕГАФ по списку, подлежащему утверждению заместителя заведующего Главархивом⁵⁷.

Все же часть изданий Комиссии удалось спасти, и не все невышедшие в свет труды Комиссии погибли безвозвратно. Так, в отделе научно-справочного аппарата Российского государственного исторического архива (РГИА) в Санкт-Петербурге среди описей фонда 796 (Канцелярия Святейшего Синода) можно обнаружить некоторые невышедшие в свет материалы «Описания документов и дел», подготовленные Комиссией. Однако даже некоторые в целом подготовленные и хранившиеся в послереволюционные годы в Комиссии труды в наши дни не удастся обнаружить. Такая судьба постигла, например, 3 том «Описания архива западно-русских униатских митрополитов», который был полностью составлен Б.Н.Жуковичем и частично отпечатан. Хотя отпечатанные листы и были проданы среди других материалов, хранившихся в 3-й Государственной типографии, «на обертку», все же у Комиссии в 1920 г. имелся оригинал⁵⁸. Однако его поиски современным исследователем магистром богословия Минской Духовной Академии Г.Э.Щегловым не увенчались успехом⁵⁹. Более того, в советское время часть фонда греко-униатских митрополитов (РГИА. Ф. 823), подпавшая под описание Б.Н.Жуковича, была существенно реорганизована: часть документов вошла в состав дел, учтенных в 1 и 2 томах «Описания архива западно-русских униатских митрополитов» (изданы еще в 1897 и 1907 гг. С.Г.Рункевичем), т. е. входящих в нынешние описи 1 и 2 данного фонда, а оставшиеся после этого документы составили отдельную опись №3. Таким образом, даже в случае обнаружения составленного Жуковичем «Описания» его практически нельзя будет использовать в качестве поискового справочника, хотя оно было бы безусловно ценно в научном отношении и явилось бы вспомогательным средством при изучении такого интересного комплекса документов, как униатский архив.

Таким образом, Комиссии не удалось продолжить издание своих трудов, которое остановилось еще до революции; составлено 56 томов публикаций, увидевших свет. Среди бумаг Комиссии сохранился так и не осуществленный «Общий план издательской деятельности 2 отделения IV секции Государственного архивного фонда» первых пореволюционных лет. Из данного документа видно, что Комиссия не только желала завершить издание «Описания документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Синода» (т. е. Синодальной канцелярии) за XVIII в., «Описания архива западнорусских униатских митрополитов» (3-й том) и ПСПиР за XVIII — начало XX вв. (до 1917 г.), но также подготовить и опубликовать 50 томов «Описания общего обер-прокурорского архива и секретного с перепиской обер-прокуроров Д.А.Толстого, К.П.Победоносцева и др.» и 20 томов описаний архивов Петроградской духовной консистории, управлений военным и придворным духовенством⁶⁰.

Хотя тяжелые условия первых послереволюционных лет и не позволили Комиссии возобновить издание своих трудов, тем не менее сам факт ее существования и заложенные ею еще в дореволюционные годы традиции связанного с церковными архивами научного сотрудничества позволили в эти сложные годы собрать вокруг бывшего Синодального архива, а тогда 2-го петроградского отделения IV секции ЕГАФ плеяду прекрасных ученых, много сделавших для спасения церковных архивов, их концентрации в хранилищах ЕГАФ, и

даже, насколько позволяли условия тех лет, начать разработки этих материалов (хотя бы на уровне инвентарного описания). Так, на заседании Комиссии 31 декабря 1920 г. был пересмотрен ее состав. Из него были исключены лица, не принимавшие более трех лет участия в трудах Комиссии. Кроме того, в Комиссию были приняты новые члены — сотрудники 2-го отделения IV секции ЕГАФ в звании профессора, начавшие свою работу под началом К.Я.Здравомыслова уже в годы советской власти: И.Д.Андреев, А.И.Бриллиантов, А.А.Бронзов, Н.Н.Глубоковский, И.А.Карабинов, П.С.Смирнов, Б.В.Титлинов, протоиереи В.М.Верюжский и П.И.Лепорский. Эти имена известных академических профессоров, богословов и церковных историков не нуждаются в отдельном представлении и пояснениях. Кроме того, в состав Комиссии были включены историки профессор Петроградского университета М.Д.Приселков (он изучил издания Комиссии и дал о них отзыв, видимо, для Главархива) и В.И.Яцкевич (как бывший директор Канцелярии обер-прокурора Синода и знаток ее архива, на тот момент полностью включенного в состав 2-го отделения). Всего в состав Комиссии на конец 1920 г. входило 27 членов⁶¹.

Благодаря трудам этих новых членов Комиссии, а также других сотрудников 2-го петроградского отделения IV секции ЕГАФ, не имевших профессорского звания (среди них — отец будущего митрополита Крутицкого Николая протоиерей Д.Ф.Ярушевич, бывший протопресвитер придворного духовенства А.Дернов, протоиерей Ф.Д.Филоненко и др.), в отделении удалось сконцентрировать (фактически спасти от гибели) и обработать следующие церковные архивы Петрограда: Канцелярии заведующего придворным духовенством, Духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства, Петербургской Синодальной типографии, Училищного совета при Синоде и др. Эти архивные фонды и поныне хранятся в РГИА. Также в состав 2-го отделения IV секции ЕГАФ в эти годы были включены архивы Петроградской духовной консистории и Петроградской духовной академии. Однако в 1926 г. консисторский архив пришлось передать в местный региональный архив (ныне — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга), как и академический архив. Личные же архивы некоторых профессоров Академии в итоге поступили на хранение в Публичную библиотеку (ныне Российская национальная библиотека)⁶².

Помимо этих, безусловно, важных трудов, плоды которых мы можем пожинать и в наши дни, благодаря возможности пользоваться сохраненными в те лихие годы бесценными архивными сокровищами церковного происхождения, церковные архивисты, собравшиеся во 2-м петроградском отделении IV секции ЕГАФ и Комиссии описанию его материалов, интересовались и другими вопросами. Так, последний председатель Комиссии В.Г. Дружинин на заседании 31 декабря 1920 г., стремясь активизировать деятельность Комиссии (а она не собиралась до этого 2 года!), предложил собираться ее членам чаще для обмена мнениями и сообщениями о текущей работе, чтения рефератов по разным темам, дискуссий по вопросам архивного дела и т. п.⁶³ Это предложение было очень кстати, поскольку наступавший 1921 г. оказался очень благоприятным для проведения заседаний Комиссии: их было проведено четыре. На первом из них,

25 января, сам Дружинин прочитал доклад «Мельников-Печерский как бытописатель старообрядцев»⁶⁴.

Однако больше всего Комиссию в 1921 г. волновала деятельность ее члена доктора церковной истории С.Г.Рункевича, жизнь и труды которого, начиная с Собора 1917–1918 гг., были в основном связаны с Москвой. Помимо работы в руководстве делопроизводственной службы новых органов ВЦУ, Рункевич принял активное участие в спасении важнейших церковных архивов (Поместного Собора 1917–1918 гг., Московской Духовной семинарии, новых органов ВЦУ, а также дел Синодальной канцелярии, перемещенных в связи с переездом Синода на время работы Собора в Москву). Кроме того, Рункевич был озабочен вопросом спасения церковных архивов вообще, законодательным регулированием этого вопроса. Комиссия в 1921 г. заслушала 4 доклада Рункевича по этому поводу. Не вдаваясь в подробности данных трудов этого видного церковного историка, ранее уже описанные в литературе⁶⁵, отметим, что именно благодаря его деятельности мы до сих пор имеем возможность пользоваться всеми перечисленными выше архивными материалами церковных учреждений, безусловно, важными для церковной истории.

Также в феврале 1921 г. под эгидой Комиссии удалось организовать и провести празднование 200-летнего юбилея учреждения Святейшего Синода. Формально это мероприятие было названо «200-летьем архива 2-го отделения IV секции ЕГАФ». В рамках этого мероприятия прошло торжественное заседание, в ходе которого были зачитаны доклады сотрудников Отделения по вопросам истории Синода и его архивных материалов. Поскольку данному юбилейному мероприятию уже посвящена статья Г.Э.Щеглова⁶⁶, мы не будем подробно рассматривать его здесь.

Протоколы заседания Комиссии обрываются на 168-м заседании (30 января 1923 г.). На нем был заслушан некролог члена Комиссии А.Б.Надеждина (+1922), доклады членов Комиссии профессора Карабинова «О коронационных чинах русских государей» и В.И.Яцкевича «О брачных делах секретного архива бывшей организации во 2-м отделении IV секции ЕГАФ выставки и использовании бывшего синодального храма под размещение архивных материалов»⁶⁷. Скорее всего, это было последнее заседание Комиссии. Вскоре, в ходе реорганизации советской архивной системы и борьбы нового советского архивного руководства во главе с М.Н.Покровским со старыми архивными кадрами, бывший архив Синода утратит свою организационную самостоятельность (ныне собранные в бывшем Синодальном архиве архивные фонды являются частью Российского государственного исторического архива).

В заключение хотелось бы сделать следующие выводы. Церковным архивистам в первые послереволюционные годы удалось не только спасти и сконцентрировать в государственном архивном хранилище, возникшем на базе бывшего Синодального архива, архивы важнейших церковных учреждений дореволюционной России, но и принять активное участие в российском архивном строительстве тех лет, начиная с деятельности Союза РАД. Бывший архив Синода в эти годы пополняется многими ценными кадрами в лице видных церковных исто-

риков и богословов. Объединительным фактором для этого явилась Комиссия по описанию Синодального архива, начавшая свою деятельность еще в 1865 г. и просуществовавшая как минимум до 1923 г. Несмотря на остановку подготовки и публикации изданий Комиссии (ранее это была ее важнейшая задача), ее ценность в эти годы заключается в ее организационно-объединительном факторе. В то же время нельзя не отметить, что сотрудники бывшего Синодального архива в первые годы Советской власти, несмотря на свой статус советских служащих (архивных работников), продолжали ощущать себя также людьми Церкви и, несмотря на законодательное отделение Церкви от государства, поддерживать связи с новыми органами ВЦУ Русской Церкви во главе со Святейшим Патриархом Тихоном.

¹ См. подробнее: *Ионов А.С.* К вопросу об уровне развития теории и методики и архивоведения в архиве Святейшего Синода в начале XX в. // *Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе: Доклады и сообщения на Пятой Всероссийской научной конференции.* М., 2005. С. 161–167.

² Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии по разбору и описанию архива Святейшего Синода 1865–1915. Ист. записка. Пг.: Синод. тип., 1915; *Здравомыслов К.Я.* Архив и библиотека Святейшего Синода и консисторские архивы. СПб., 1906.

³ *Автократов В.Н.* Из истории централизации архивного дела в России // *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 319–321.

⁴ *Хорхордина Т.* История и архивы. М.: РГГУ, 1994. С. 27.

⁵ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 338.

⁶ Там же. Лл. 338об. – 339.

⁷ Там же. Лл. 345–347об.

⁸ Там же. Л. 348.

⁹ Там же. Лл. 348об. – 349.

¹⁰ Там же. Л. 349.

¹¹ Там же. Л. 349об.

¹² Там же. Л. 350.

¹³ Там же. Л. 350об.

¹⁴ Там же. Л. 351об.

¹⁵ Там же. Л. 351.

¹⁶ Там же. Л. 352: Протокол Общего Собрания служащих Сенатского архива 20 декабря 1917 г.

¹⁷ Там же. Л. 351.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 351об.

²⁰ Положение об архиве и библиотеке Святейшего Синода [1897 г.] // *Сб. материалов, относящихся к доархивной части в России.* Пг., 1916. Т. 1. С. 215.

²¹ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 351об.

- ²² Хорхордина Т. История и архивы. М.: РГГУ, 1994. С. 43–47.
- ²³ Автократов В.Н. Указ. соч. С. 344.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 357.
- ²⁶ Там же. Л. 357об.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Хорхордина Т. Указ. соч. С. 48–49.
- ³⁰ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 358.
- ³¹ Хорхордина Т. Указ. соч. С. 53.
- ³² Там же.
- ³³ Автократов В.Н. Указ. соч. С. 346.
- ³⁴ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 359.
- ³⁵ Автократов В.Н. Указ. соч. С. 348.
- ³⁶ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 360об.
- ³⁷ Там же. Л. 368.
- ³⁸ Там же. Л. 372.
- ³⁹ Там же. Л. 370.
- ⁴⁰ Там же. Л. 371.
- ⁴¹ Там же. Л. 373.
- ⁴² Там же. Л. 462.
- ⁴³ Там же. Л. 399.
- ⁴⁴ Там же. Л. 384.
- ⁴⁵ Академии Наук.
- ⁴⁶ Память: Ист. сборник. Вып. 1. М., 1976; Нью-Йорк, 1978. С. 383–384.
- ⁴⁷ Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://semeyskie.narod.ru/en_d.html, свободный.
- ⁴⁸ Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003. С. 307.
- ⁴⁹ Дружинин Василий Григорьевич// Социальная история отечественной науки: Электронная библиотека и архив. Режим доступа: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/repres/academy/drujinin-v.htm>, свободный.
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156.. Л. 368.
- ⁵¹ Там же. Лл. 368об. – 369об.
- ⁵² Там же. Л. 369об.
- ⁵³ Там же. Лл. 373об. – 375.
- ⁵⁴ Там же. Л. 376.
- ⁵⁵ Там же. Л. 380.
- ⁵⁶ Там же. Лл. 380об. – 381.
- ⁵⁷ Там же. Лл. 383–384.
- ⁵⁸ Там же. Л. 386-б об.
- ⁵⁹ Щеглов Г.Э. К истории описания и публикации документов архива западно-русских униатских митрополитов// Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. М., 2004. №3. С. 216–217.

⁶⁰ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 386-а об.

⁶¹ Там же. Л. 364 об.

⁶² Крылов Н.С. Церковь, государство, общество в документах синодального архива/ Институт Высшая религиозная философская школа. Режим доступа: <http://srph.ru/articles.htm#kr>, свободный.

⁶³ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 385.

⁶⁴ Там же. Л. 410 об.

⁶⁵ См.: Ионов А.С. С.Г.Рункевич и судьба архивных материалов Поместного собора...// Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее. М., 2005 (Труды Историко-архивного институту РГГУ. Т. 36). С. 337–341; Щеглов Г., Ионов А. Делегация Высшего церковного управления и церковные архивы в первые годы после Октябрьской революции// Церковно-исторический вестник/ Общество любителей церковной истории. М., 2004. №11. С. 149–159; Щеглов Г.Э. Степан Григорьевич Рункевич (1867–1924): Жизнь и служение на переломе эпох. Минск, 2008.

⁶⁶ Щеглов Г.Э. Неизвестный юбилей// Труды Минской духовной академии. Т. 5 (В электронном виде: Режим доступа: http://minds.by/academy/trudy/5/tr5_12.html, свободный).

⁶⁷ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Лл. 426–428.

Протоиерей Николай Крячко

Некоторые особенности церковного управления НА ЮГО-ВОСТОКЕ РОССИИ В 1919 году

Церковная жизнь на территориях антибольшевистского сопротивления в период Гражданской войны 1918–1921 гг. — тема в истории РПЦ новейшего времени практически неисследованная. В течение 20 последних лет церковных историков более интересовали события, происходившие в областях, контролируемых советской властью. Именно там православные христиане подвергались жестоким гонениям, там совершали свой подвиг новомученики и исповедники Российские. Их канонизация определила приоритеты в изучении данного периода.

Как же складывалась церковная жизнь в 1918–1920 гг. в российских областях, свободных от советского владычества?

Самыми значительными областями по площади, населению и ресурсам были «Колчакия» и «Деникия» — так в большевистской центральной России называли антисоветские восточные и южные окраины.

В наиболее благоприятный для Белого движения период гражданской войны площадь освобожденной от большевиков территории составляла порядка 12,2 млн верст с населением около 40 млн человек¹.

Линия фронта, разделившая Красную и Белую Россию, была, по сути, государственной границей, по обе стороны которой существовали принципиально иные политические, административные и социальные системы. Все тем же оставался до времени лишь русский народ, составлявший в большинстве своем единую Всероссийскую Православную Церковь. Но сохранить церковное единство в подобных условиях было чрезвычайно трудно.

С первых дней своего существования советская власть видела в Православной Церкви контрреволюционную организацию, подлежащую уничтожению. В 1918 г. Всероссийский Церковный Собор констатировал, что начались прямые гонения на Русскую Православную Церковь, и установил молитвенное поминовение новомучеников Российских. Патриарх и органы ВЦУ, находившиеся в большевистской Москве, были фактически изолированы от паствы — связь их с епархиями в советской России была затруднена, а с епархиями, находившимися на территориях, контролируемых белыми армиями, и вовсе отсутствовала.

Совсем иная ситуация сложилась в главных очагах антисоветского сопротивления. Там Православная Церковь пользовалась особой благосклонностью антибольшевистских властей. Белое движение в церковно-государственных отношениях стремилось к реставрации дореволюционного опыта, но с учетом изменений, привнесенных в эти отношения февралем 1917 г.

Но военно-политическое положение главных очагов антисоветского сопротивления оставалось относительно стабильным совсем непродолжительное время. Всего год или чуть более в глубоком тылу Белых армий сохранялись условия для нормального течения церковной жизни.

Тем не менее этот короткий и специфический период имел для Русской Церкви большое значение. Именно тогда на территориях антибольшевистского сопротивления появились небывалые прежде в истории РПЦ органы временной высшей церковной власти: Высшее временное церковное управление Сибири (ВВЦУ Сибири) и Временное высшее церковное управление на Юго-востоке России (ВВЦУ ЮВР). Они функционировали в значительной степени автономно, канонически подчиняясь Патриарху и в то же время не имея с ним никакой связи.

В период управления восточными областями России Верховным Правителем адмиралом Колчаком церковное руководство в епархиях Сибири, Урала и Поволжья обеспечивало ВВЦУ Сибири, сформированное на Сибирском соборном церковном совещании в Омске 14 ноября – 3 декабря 1918 г. Временное Управление функционировало вплоть до разгрома колчаковской армии в начале 1920 г. Документы канцелярии сибирского ВВЦУ не сохранились, поэтому составить представление о его деятельности можно лишь по не отличающимся полнотой сведениям из периодической печати, архивным материалам Российского правительства адмирала Колчака, письмам и воспоминаниям, тоже весьма скудным.

Гораздо обширнее источниковая база по истории ВВЦУ ЮВР, учрежденного на Юго-восточном русском церковном Соборе (ЮВРЦС) в Ставрополе Кавказском 19–24 мая 1919 г. Комплекс материалов из коллекции документов учреждений белогвардейских правительств в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) позволяет восстановить и детализировать картину церковной жизни на территориях, контролируемых ВСЮР в 1919 г. и в Крыму в 1920 г. Весь массив сохранившихся документов канцелярии ВВЦУ ЮВР отложился в фонде №Р-3696². Фонды №Р-440³ и №Р-5827⁴ также содержат немало ценных сведений по рассматриваемой теме.

Церковная периодическая печать юга России представлена лишь несколькими уцелевшими номерами «Церковных ведомостей», издававшихся при ВВЦУ ЮВР в Таганроге с сентября 1919 г.⁵ Статьи на церковные темы спорадически появлялись на страницах местных газет, полные комплекты и разрозненные экземпляры которых за 1918–1920 гг. хранятся в научной библиотеке ГАРФ, Государственной публичной исторической библиотеке, Российской государственной библиотеке. Церковная жизнь на юге России и в Крыму в 1918–1920 гг. достаточно подробно освещена в мемуарах духовенства и светских церковных дея-

телей: в воспоминаниях протопресвитера Георгия Шавельского⁶, митрополитов Евлогия (Георгиевского)⁷ и Вениамина (Федченкова)⁸, архиепископа Никона (Рклицкого)⁹, протоиерея Владимира (Востокова)¹⁰, Г.Н.Трубецкого¹¹. Краткое, но важное упоминание о церковных делах имеется в фундаментальном труде А.И.Деникина «Очерки русской смуты».

При таком обилии источников история учреждения и деятельности ВВЦУ ЮВР до сих пор не стала предметом специального исследования. В определенном смысле исключением являются книги Б.Кандидова¹², написанные в 30-е гг. XX столетия. Но вся их ценность — в обширных цитатах из документов канцелярии ВВЦУ ЮВР. С открытием свободного доступа к этим документам в 1988 г. и изданием мемуаров протопресвитера Г.Шавельского работы Кандидова перестали быть единственным источником информации по истории ВВЦУ и теперь представляют интерес только как примеры антирелигиозной пропаганды советского периода. В историографии темы наибольшее значение имели работы трех авторов: протоиерея Владислава Цыпина¹³, светских историков В.А.Алексеева¹⁴ и А.Н.Кашеварова¹⁵. К самым последним работам по данной теме относятся статьи Н.Т.Энеевой¹⁶, А.А.Кострюкова¹⁷ и подготовленная автором этого доклада публикация документов ЮВРЦС¹⁸.

Высшая церковная власть на юго-востоке России в начале 1919 года не функционировала вследствие потери связи с Патриархом. В епархиях Кубанской, Донской, Ростовской, Ставропольской, Владикавказской, Сухумско-Черноморской, Таврической и Одесской вопросы, относящиеся к компетенции высшего церковного управления, как отмечает в своих воспоминаниях Г.Шавельский, «или решались на свой страх епископами, или оставлялись без разрешения»¹⁹.

Лицами, стоявшими у истоков организации ВВЦУ, были протопресвитер Г.Шавельский и А.И.Деникин. «В начале февраля 1919 г. я доложил Деникину о необходимости организовать высшую церковную власть. В конце февраля мне удалось убедить его. Кажется, 2 марта было подписано Деникиным письмо на имя Донского архиепископа Митрофана, которого Деникин просил: созвать совещание из епископов территории и членов епархиальных советов, по два от каждой епархии»²⁰, — вспоминает Шавельский.

Он же пишет А.И.Деникину в «Записке о формировании и деятельности ВВЦУ на юге России»: «Общество Государственного единения» приписывало себе инициативу учреждения Временного высшего церковного управления. Это было верно в том отношении, что впервые мысль о необходимости на территории Добрармии высшего церковного органа высказана мною на заседании этого общества и встретила там единодушное сочувствие»²¹.

Обществом Государственного единения Шавельский называет партию «Союз Государственного объединения России» (СГОР), монархическую политическую организацию октябристского направления, которую возглавлял бывший

царский министр земледелия, сподвижник П.А.Столыпина, А.В.Кривошеин. Наряду с Национальным центром — партией кадетской направленности, СГОР был самой влиятельной политической силой на территориях, контролируемых Вооруженными силами юга России (ВСЮР). Среди членов партии были представители духовенства, в том числе и отец Георгий Шавельский. На заседании Религиозно-просветительного²² отдела СГОРа 27 апреля 1919 г. было запущен процесс подготовки ЮВРЦС, подробно описанный в мемуарах Г.Шавельского. Следует заметить, что инициатива Шавельского поначалу не встретила поддержки у епархиальных архиереев. Они опасались предпринимать конкретные шаги по организации временной высшей церковной власти без благословения Патриарха, вполне обоснованно предпочитая занимать выжидательную позицию.

Таким образом, первоначально организаторами ВВЦУ были не архиереи, которые, по мнению Шавельского, не замечали очевидной его необходимости, а государственная власть в лице А.И.Деникина, политическая элита Белого движения и близкий к ним протопресвитер Добровольческой армии и флота.

Одного взгляда на карту боевых действий февраля–апреля 1919 г. достаточно, чтобы признать сомнения архиереев в необходимости ВВЦУ небеспочвенными. Территория, на которой ВСЮР могли обеспечить в этот период относительно спокойную и безопасную церковную жизнь, исчерпывалась 2–3 епархиями. Так уж необходима была для них еще одна управленческая структура?

Тем более, что и доводы, приведенные Шавельским в пользу учреждения ВВЦУ на организационном собрании, кажутся не вполне убедительными. В самом деле, такие задачи как: «усиление и оживление пастырско-приходской, и в частности проповеднической, деятельности местного духовенства», «помощь священникам-беженцам», «организация популярных научных и богословских лекций», «издание и распространение религиозно-нравственной и апологетической литературы»²³, требующие, по мнению Шавельского, межепархиальной координации, были вполне решаемы на епархиальном уровне.

Не последним мотивом деятельности Шавельского по созданию органа ВЦУ, по всей вероятности, было стремление избавиться от двусмысленного положения неофициального посредника между церковной средой и военно-государственной властью, желания ввести это посредничество в каноническое русло. Получив от Деникина должность протопресвитера Добровольческой армии и флота (27 ноября 1918 г.) и будучи в хороших личных отношениях с ним и многими высшими военными чинами, он, по его же словам, «в Добровольческой Армии стал единственной инстанцией, которую знали, с которой считались и к которой обращались со всеми недоразумениями, сомнениями, неурядицами, касавшимися церковного дела»²⁴.

С Пасхи 1919 г. (7 апреля) ситуация на фронте изменилась в пользу Белой армии. Освобожденных от советского владычества новых епархий становилось все больше, потребность в ВВЦУ для нормализации церковной жизни там, а также для единого церковного управления огромной территорией²⁵ стала действительно насущной. Вероятно, это обстоятельство, как никакое другое, способствовало единодушию членов ЮВРЦС в вопросе об учреждении ВВЦУ

ЮВР, в том числе и тех, кто раньше не видел в нем смысла. В докладе на Соборе протопресвитер Шавельский особо подчеркнул, что ВВЦУ может и должно послужить гражданскому и духовному объединению раздробленных частей России: «Россия раздроблена, расщеплена на части; необходимо гражданское и духовное объединение этих частей, и в этом отношении Высшее церковное управление может сослужить великую службу, объединяя раздробленные части России единою мыслию и властью»²⁶. Шавельский тем самым выразил желание светской власти мобилизовать объединяющую силу Церкви для решения политической задачи — воссоздания единой и неделимой России.

Чтобы быть правомочным, орган Высшего церковного управления, как отмечал на организационном собрании протоиерей А.Рождественский, «должен быть организован на строго каноническом соборном начале»²⁷, т. е. по решению церковного областного Собора.

В постановлениях Всероссийского Собора 1917–1918 гг. нет прямых указаний относительно порядка созыва и проведения подобных соборов. Однако имеются косвенные.

Первое и самое важное связано с принятым 7 (20) сентября 1918 г. определением, учреждавшим церковные округа в Российской Церкви. Установление числа их и распределение епархий оставлялось на усмотрение ВЦУ²⁸. Определение было принято после прений по докладу митрополита Тифлисского Кирилла (Смирнова) «О церковных округах». В докладе отмечалось, что если со временем Поместные Соборы станут явлением довольно редким, то «средоточие всей соборной жизни естественно перейдет к окружным соборам»²⁹. Прослеживаются четкие параллели между положениями доклада, касающимися церковного окружного собора, и порядком созыва и работы ЮВРЦС. Так, помимо ежегодных церковно-окружных соборов «обычного состава», то есть с участием всех епископов округа, проектом определения предусматривались (в случае необходимости) «церковно-окружные соборы чрезвычайного состава», на которые кроме епископов должны были приглашаться «на основаниях, установленных для Поместного Собора, клирики и миряне от каждой епархии, участвовавшие в качестве членов на последнем Поместном Соборе»³⁰. В ЮВРЦС, как и планировалось предсоборной комиссией, приняли участие правящие и «викарные епископы, находящиеся на территории, занятой Вооруженными силами на юге России: протопресвитер военного и морского духовенства, представители (по два пресвитера и по два мирянина) от местных епархиальных советов и от армии, пребывающие на означенной территории члены священного церковного Собора, а также по одному представителю от высшего командования и от казачьих войск: Донского, Кубанского и Терского»³¹. В статье 4 проекта определения предлагалось устроить Ставропольский церковный округ из Донской, Ставропольской и Владикавказской епархий. Представители именно этих епархий, при участии также делегатов от Сухумско-Черноморской епархии и членов Всероссийского Собора, составили большинство на ЮВРЦС. 12 статья проекта, определяющая

круг полномочий церковно-окружного собора, упоминает в общих выражениях и большую часть пунктов повестки дня ЮВРЦС.

Поместный Собор 7 (20) сентября 1918 г. утвердил проект «Положения о Временном высшем управлении Православной Церкви на Украине», принятый Украинским Церковным Собором, тем самым подтвердив прежнее благословение Святейшего Патриарха Тихона на его созыв, а также и законные полномочия решать вопрос о высшей церковной власти на Украине. Организаторы ЮВРЦС, устраивая Временное высшее церковное управление на юго-востоке России, учитывали этот прецедент. Отвечая на обвинения в неканоничности учреждаемого ВВЦУ, протопресвитер Г.Шавельский ссылаясь на украинский опыт, получивший одобрение Всероссийского Собора: «Такая же организация, какая проектируется соборным отделом, существует в ведении Патриарха и св[ященного] Собора и на Украине, и мы имеем право руководствоваться этим примером»³². Кстати, из 11 архиереев — членов ЮВРЦС трое являлись и членами Всеукраинского церковного Собора — архиепископ Димитрий (Абашидзе), архиепископ Агапит (Вишневский) и епископ Гавриил (Чепур).

Вообще, конструкция ЮВРЦС и принципы его работы были строго согласованы с буквой и духом Поместного Собора 1917–1918 гг.

Например, второй пункт «Проекта положения о созываемом в Ставрополе поместном соборе» предписывает: «Собор действует применительно к наказу Всероссийского Священного церковного Собора»³³. Следовательно, в устройении собственной структуры (епископское совещание, президиум, отделы) ЮВРЦС следовал Уставу Поместного Собора Православной Российской Церкви, утвержденному 10–11 августа 1917 г. Святейшим Синодом, естественно, с учетом меньших своих масштабов.

Полномочия членов Всероссийского Собора, имевших право согласно пункту 3 определения «О полномочиях членов Собора 1917–1918 гг.» от 5 (18) сентября 1918 г. «участвовать по месту своего постоянного жительства на епархиальных, окружных, уездных и благочиннических Собраниях, с решающим голосом, в качестве полноправных членов»³⁴, были распространены и на уровень областных соборов. В заседаниях ЮВРЦС участвовали в качестве полноправных членов, помимо избранных делегатов (2 клирика и 2 мирянина от каждой епархии, а также от военного духовенства и армии), все члены Поместного Собора, оказавшиеся в Ставрополе в период работы ЮВРЦС. Авторитет членов Всероссийского Собора был так высок, что прибывший к третьему заседанию Е.Н.Трубецкой и даже явившийся лишь на последнее, пятое, заседание Н.В.Безкровный были незамедлительно включены в число членов ЮВРЦС³⁵. Всего из 58 человек, признанных полноправными членами ЮВРЦС, 29 являлись членами Всероссийского Собора.

Протоколы пленарных заседаний ЮВРЦС свидетельствуют, что его участники при разрешении сложных процедурных вопросов постоянно обращались к опыту Всероссийского Собора. Так, руководствуясь практикой Поместного Собора, в список членов ЮВРЦС был включен инок Полихроний (как делегат от монашества), в том же было отказано И.В.Никонорову, а при избрании членов

ВВЦУ от мирян из двух, получивших равное количество голосов, кандидатов — П.Н.Апраксина и В.В.Мусина-Пушкина, последний был выбран жребием.

Таким образом, законность ЮВРЦС была обеспечена тесной связью его с Поместным Собором: как формальной — через буквальное исполнение его определений и копирование его конструкции, так и по существу — через участие в ЮВРЦС большого числа членов Всероссийского Собора и следование духу его постановлений и канве его дискуссий. И все-таки, как уже отмечалось выше, прямых указаний и предписаний, касающихся областных соборов, подобных Ставропольскому, в определениях Всероссийского Собора нет. Если же вспомнить о том, что инициаторами организации ВВЦУ были не законные представители областного уровня церковной власти, т. е. не епархиальные собрания, не епархиальные преосвященные, а лишь отдельное лицо из высшего духовенства, близкое к светской власти и оттого ею поддержанное, то можно говорить уже о некоторой канонической расплывчатости статуса ВВЦУ.

Ярко она проявилась и в том обстоятельстве, что учрежденный на ЮВРЦС орган временной высшей церковной власти также был лишь приблизительно вписан в канонические рамки, определенные Всероссийским Собором. В отличие от упомянутого Шавельским не совсем к месту (см. выше) Временного высшего церковного управления на Украине по проекту положения, утвержденного на Поместном Соборе. На Украине копировалась структура центральной высшей церковной власти. Исполнительными органами высшего церковного управления были — Священный Собор всех правящих епископов Украинской епархии и Высший Церковный Совет, состоящий из трех епископов, четырех клириков и шести мирян, под председательством митрополита Киевского и Галицкого³⁶. Прямая аналогия со Священным Синодом и ВЦС под председательством Патриарха очевидна.

Согласно же пункту 2 принятого ЮВРЦС положения о Временном высшем церковном управлении на юго-востоке России, последнее, «возглавляемое епископом, состоит из трех епископов (включая председателя), двух пресвитеров и двух мирян»³⁷.

В сферу высшей церковной власти вводится структура, не предусмотренная определениями Поместного Собора о высшем управлении Православной Российской Церкви и не являющаяся его аналогом.

Действительно, ВВЦУ по своему смешанному составу подобен Высшему Церковному Совету, но наделен гораздо более широкими полномочиями: согласно пункту 8 положения, ВВЦУ ЮВР «ведает и решает все те дела, которые подлежат ведению высшего управления Православной Российской Церкви»³⁸, то есть дела, которые согласно пункту 1 определения о Священном Синоде и Высшем Церковном Совете³⁹ от 7 декабря 1917 г. отнесены к ведению Патриарха и Священного Синода. Члены ЮВРЦС постарались снять эту коллизию в ряде пунктов положения о ВВЦУ. Пункт 9 предписывает «дела, подлежащие Священному Синоду, во Временном высшем церковном управлении» разрешать «одними епископами, состоящими членами оного, без участия пресвитеров и мирян»⁴⁰. Пункт 12 запрещает участие членов ВВЦУ из пресвитеров и мирян

в судах над епископами, если в таковых возникнет необходимость. И, наконец, пункт 10 дает дополнительную гарантию на тот случай, когда объединенные голоса клириков и мирян перевесят голоса находящихся в меньшинстве архиереев в каком-либо принципиальном вопросе: «В тех случаях, когда председателем Временного высшего церковного управления будет признано, что постановленное решение не соответствует пользе и благу Церкви, ему предоставляется право протеста, и в таком случае дело отлагается до решения его Святейшим Патриархом или Поместным Собором»⁴¹.

То есть упрощение конструкции высшей церковной власти, сведением во единый орган структур, ведающих, с одной стороны, преимущественно внутренней жизнью, с другой — преимущественно внешней жизнью Церкви, компенсируется ограничительными пунктами Положения о ВВЦУ, гарантирующими сохранность канонического строя в любых обстоятельствах.

Примечательно, что устройство высшего церковного управления по типу ВВЦУ ЮВР хотя и не получило соборного одобрения на Поместном Соборе, но было рассмотрено в ходе обсуждения на Поместном Соборе вышеупомянутого пункта 1 определения о Священном Синоде и ВЦС. Тогда неоднократно звучало мнение, что вместо создания двух учреждений под председательством одного лица следует ввести клириков и мирян в состав Священного Синода, ограничив их участие в делах, подлежащих рассмотрению только епископами, подачей совещательного голоса. В качестве примера подобного смешанного строя приводилось устройство церковного управления в Черногорской Церкви и в Карловицкой Церкви. На что член Собора П.И.Астров возражал: «Мне совершенно ясно, что маленькие церкви Черногорская и Карловицкая, которые по пространству равняются какому-нибудь нашему уезду, могут иметь одно общее высшее учреждение. А для всей Русской Церкви нельзя опасаться двух учреждений... Если признаётся, что есть два рода дел, то должны быть сохранены два учреждения»⁴². Не той же логике следовали участники ЮВРЦС, проголосовавшие за создание ВВЦУ — одного общего высшего управленческого учреждения для нескольких епархий, составляющих небольшую часть Русской Церкви?

Таким образом, формирование ВВЦУ ЮВР и основания его деятельности не были канонически безупречными с точки зрения соответствия принятым Поместным Собором 1917–1918 гг. определениям о церковном управлении, с одной стороны, но и не были самочинными и незаконными, с другой. В силу чрезвычайных обстоятельств и особенностей существования на территориях антибольшевистского сопротивления, которые никак не мог не учесть Всероссийский Собор, орган временного высшего церковного управления существовал более в области, если так можно выразиться, «канонического предания», и лишь отчасти «канонического писания».

В высшей степени он был, как и ЮВРЦС, его учредивший, по свидетельству профессора П.В.Верховского, явлением «временным, вынужденным, исключительным»⁴³. Главным же условием законности временной церковной власти было признание ее Патриархом, которое предполагалось, по словам Г.Шавельского, из соображений, «что благостный Патриарх, как отец, радеющий о благе Церкви,

не может быть обижен и неблагосклонно посмотреть на установление этой временной церковной власти, которая по установлении связи с Патриархом тотчас же сложит свои полномочия, передав их Св[ятейшему] Патриарху и священному Всероссийскому Собору»⁴⁴. В действительности же прямого признания ВВЦУ ЮВР Патриархом не последовало по понятным причинам — слишком уж явной была связь первого с Белым движением. Недаром десятилетие спустя активист «Союза безбожников» Б.Кандидов Ставропольский собор назвал «церковно-белогвардейским». Однако и в Советской России, и в эмиграции широко было распространено небезосновательное мнение, что Патриарх не только одобрил деяния ЮВРЦС и деятельность ВВЦУ, но и взял их за основу при подготовке известного указа №362⁴⁵.

Серьезные исторические последствия имела эта вынужденная каноническая двусмысленность существования ВВЦУ на юго-востоке России.

Во-первых, она положена в основание Высшего русского церковного управления за границей. Опубликованные в 1922 г. отдельной брошюрой деяния Карловацкого Собора начинаются с введения, в котором подчеркивается связь ВВЦУ ЮВР с Высшим церковным управлением за границей: «Означенное Церковное управление а) является правопреемником Высшего Русского Церковного управления на юго-востоке России, большинство членов которого эвакуировалось с юга России за границу»⁴⁶.

Во-вторых, за нее как за соломинку ухватились последователи архиепископа Григория (Яцковского) в период церковного кризиса 1925–1926 гг., связанного с попытками захвата церковной власти во время ее передачи от Местоблюстителя Патриарха митрополита Петра (Полянского) заместителю Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому). В брошюре под названием «Правда о Временном Высшем Церковном Совете и Нижегородском митрополите Сергии (Страгородском)», выпущенной по постановлению Донского Епархиального Совета №291 от 12.11.1926 г. и с благословения митрополита Донского Митрофана (Симашкевича), в качестве аргумента в пользу каноничности ВВЦС указывается на признание Святейшим Патриархом Тихоном ВВЦУ ЮВР. Последнее, по утверждению авторов брошюры, «признавалось Святейшим Патриархом, всеми архипастырями, в том числе и митрополитом Сергием с настоящими его последователями, не самочинным, а законным и канонически правильным»⁴⁷. И далее приводятся следующие доводы в законности ВВЦС по аналогии с ВВЦУ: «Святейший Патриарх Тихон, узнав об учреждении означенного ВВЦУ, не назвал его самочинным и не стал посылать запрещения архипастырям, организовавшим его, как поступил митрополит Сергей по отношению к членам ВВЦС, но признал его каноническим, все его постановления законными и председателя его, архиепископа Донского Митрофана, за то, что он не растерялся во время церковной разрухи и мудро управлял этим учреждением, наградил саном митрополита. Из указанных оснований... должно быть ясно... что ВВЦС учрежден не самочинно, а согласно постановлению Святейшего Патриарха Тихона, Священного Синода и ВЦС и, имея для себя пример в учреждении на юго-востоке России Временного Высшего Церковного

Управления, является учреждением правильным, законным и каноническим... Не признающие ВВЦС противоречат сами себе: Временное Высшее Церковное Управление, открывшееся в 1919 г., признавали законным и подчинялись ему, а Временный Высший Церковный Совет, открывшийся в 1925 г., законным не признают. Если законно первое, то законно и второе, если же второе незаконно, то незаконно и первое»⁴⁸.

Итак, следует признать опыт формирования органа Временного высшего церковного управления на территориях юго-востока России, изолированных от Патриарха в период Гражданской войны, явлением уникальным и во многом противоречивым. Семя обновленной Всероссийским Собором церковной жизни дало росток, которому в силу обстоятельств не суждено было правильно развиться. Однако самым фактом своего существования в условиях чрезвычайных он подтверждал жизненность и верность Соборных решений.

¹ Жизнь. Ростов-на-Дону. 25 июля (7 августа) 1919 г..

² Название фонда №3696: «Временное Высшее Церковное Управление на юго-востоке России. 1919–1920. Управление Исповеданий Особого Сопещения при Главнокомандующем Вооруженными Силами на юге России. Екатеринодар, Таганрог. 1919–1920. Июль 1919 – июль 1920».

³ Название фонда №440: «Отдел пропаганды Особого Сопещения при Главнокомандующем Вооруженными Силами на юге России. Екатеринодар, Ростов-на-Дону. 1918–1919».

⁴ Название фонда №5827: «Деникин Антон Иванович, генерал-лейтенант, Главнокомандующий Вооруженными Силами на юге России. 1872–1947».

⁵ В течение 1920 г. — в Крыму, а с 1922 г. издавались в Сремских Карловцах при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей.

⁶ *Георгий (Шавельский), протопресв.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: В 2-х т. Репринт. М., 1996.

⁷ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М., 1994.

⁸ *Вениамин (Федченко), митр.* На рубеже двух эпох. М., 1994.

⁹ *Никон (Рклицкий), еп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 1–7. Нью-Йорк, 1956–1961.

¹⁰ *Востоков В.И., прот.* Розы и шипы. Ч. 1–2, Сан-Франциско, 1953–1954.

¹¹ *Трубецкой Г.Н.* Годы смут и надежд. 1917–1919. Монреаль, 1981.

¹² *Кандидов Б. П.* Церковно-белогвардейский собор в Ставрополе в мае 1919 г.: Материалы по вопросу об организации церковной контрреволюции в годы Гражданской войны. М., 1930; *Его же.* Религиозная контрреволюция и интервенция 1918–1920 гг.: Очерки и материалы. М., 1930; *Его же.* Церковь и Гражданская война на юге: Материалы к истории религиозной контрреволюции в годы Гражданской войны. М., 1931.

¹³ *Цытин Владислав, прот.* История Русской Церкви 1917–1925 гг. М., 1995.

¹⁴ *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы. М., 1991.

¹⁵ *Кашеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство: 1917–1922. М., 2005.

¹⁶ Энеева Н.Т. Судьбы Русской Православной Церкви в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) и истоки юрисдикционного раскола // Русский исход. СПб., 2004. С. 293–313.

¹⁷ Кострюков А.А. Временное высшее церковное управление на юго-востоке России как начало зарубежной церковной власти // Вестник ПСТГУ II:3(28). М., 2008. С. 50–60.

¹⁸ Крячко Н.Н., свящ. Учреждение Временного Высшего церковного управления на Юго-востоке России в 1919 г. // Вестник церковной истории. М., 2008. №1(9). С. 5–55.

¹⁹ Георгий (Шавельский), протопресв. Указ. соч. С. 329.

²⁰ Там же. С. 329.

²¹ ГАРФ. Ф. №5827. Оп. 1. Д. 190. Л. 6.

²² «Церковно-просветительного» у Шавельского. Георгий (Шавельский), протопресв. Указ. соч. С. 329.

²³ Крячко Н.Н., свящ. Указ. соч. С. 14.

²⁴ Георгий (Шавельский), протопресв. Указ. соч. С. 324.

²⁵ К концу июля 1919 г. это уже 15 губерний с общей площадью не менее 1 млн кв. верст и населением 23 млн человек / Ростов-на-Дону: Жизнь, 25 июля (7 августа) 1919 г.

²⁶ Крячко Н.Н., свящ. Указ. соч. С. 34.

²⁷ Крячко Н.Н., свящ. Указ. соч. С. 14.

²⁸ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: В 4 вып. Репринт изд. 1918 г. М., 1994. Вып. 4. С. 14.

²⁹ Архивные документы священномученика Кирилла (Смирнова), митрополита Казанского, из фонда митрополита Арсения (Стадницкого) 1907–1918 / Публ. О.Косик, Н.Суховой, Н.Тягуновой // Богословский сборник ПСТГУ. М., 2005. Вып. 13. С. 259.

³⁰ Там же. С. 261.

³¹ Крячко Н.Н., свящ. Указ. соч. С. 16–17.

³² Там же.

³³ ГА РФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

³⁴ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: В 4-х вып. Репринт изд. 1918 г. М., 1994. Вып. 4. С. 9.

³⁵ Крячко Н.Н., свящ. Указ. соч. С. 37. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 4. Л. 31.

³⁶ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: В 4 вып. Репринт изд. 1918 г. М., 1994. Вып. 4. С. 17–18.

³⁷ Крячко Н.Н., свящ. Указ. соч. С. 46.

³⁸ Там же. С. 47.

³⁹ «Управление церковными делами принадлежит Всероссийскому Патриарху совместно с Священным Синодом и Высшим Церковным Советом». Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. В 4-х вып. Репринт изд. 1918 г. М., 1994. Вып. 1. С. 7.

⁴⁰ Крячко Н.Н., свящ. Указ. соч. С. 47.

⁴¹ Там же.

⁴² Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: Т. 4. Деяния XLI–LI. М., 1996. С. 154.

⁴³ Крячко Н.Н., свящ. Указ. соч. С. 28.

⁴⁴ Там же. С. 34.

⁴⁵ Кострюков А.А. Указ. соч. С. 54–55.

⁴⁶ Деяния русского Всезарубежного Собора, состоявшегося 8–21 ноября 1921 года (21 ноября — 3 декабря) в Сремских Карловцах в королевстве С.Х. и С. Сремски Карловци: Српска манастирска штампарија. 1922. С. 3.

⁴⁷ Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти, 1917–1943. Сост. Губонин М.Е. М., 1994. С. 484.

⁴⁸ Там же.

А.С. Мельков

ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

«Описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки»

А.В. Горского и К.И. Невоструева

§1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Среди библиотек и частных собраний, в которых в XIX в. находились рукописные памятники славяно-русской книжности и литературы, Московская Синодальная библиотека занимала первенствующее положение. Начало этого крупнейшего книгохранилища было положено еще Московскими митрополитами. Новгород, Псков, многие монастыри, без сомнения, внесли в фонды библиотеки множество рукописей. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что, когда Великий князь Василий IV показал Максиму Греку, прибывшему в Москву в 1518 г., митрополичье собрание, тот воскликнул: «Государь! Вся Греция не имеет ныне такого богатства, ни Италия, где латинский фанатизм обратил в пепел многие творения наших богословов, спасенные моими единоземцами от варваров магометовых»¹. Максим сделал (не дошедшую до нас) опись непеведенным сочинениям и вручил ее Великому князю.

При Патриархе Иоасафе I (1634–1641) в библиотеку было передано большое количество рукописей из Кирилло-Белозерского и Троице-Сергиева монастырей, в том числе Прологи и Четьи Миней.

В 1652 г. со вступлением на Патриаршество Никона к библиотеке присоединяется большое собрание рукописей и книг, составленное им еще в Новгороде. Основная часть древних пергаменных рукописей Патриаршей библиотеки идет из этого собрания, в которое они попали большей частью из новгородских и псковских монастырей. После того как Никон начал исправление богослужебных книг, по его указу келарь Троице-Сергиева монастыря Арсений Суханов был отправлен на Афон для покупки древних греческих книг, который приобрел около 200 рукописей, вошедших впоследствии в Патриаршую ризницу. В XVII в. Патриаршая библиотека пополняется также и покупкой книг. Таким путем попали в нее рукописи и печатные памятники, оставшиеся после Патриарха Иоакима, митрополита Сарского и Подонского Павла, Епифания Славинецкого, патриаршего казначея Тихона Макарьевского. Патриаршее собрание обогатилось книгами и рукописями Сильвестра Медведева, библиотекой переводчика с греческого языка монаха Евфимия, обширной библиотекой, оставшейся после святителя Димитрия Ростовского, оригинальными сочинениями и переводами

русских духовных писателей XVII — первой четверти XVIII вв. О достоинствах Патриаршей библиотеки восторженно свидетельствует митрополит Газский Паисий Лигарид, называя книгохранилище *«вертоградомъ, заключеннымъ отъ алкающихъ, источникомъ, запечатленнымъ отъ жаждущихъ»*².

С образованием в 1721 г. Святейшего Синода Московская Патриаршая библиотека была переименована в Синодальную. А Указом императора Петра Первого от 16 февраля 1722 г. было определено: «Из всех епархий и монастырей, где о чем курьезные, то есть древних лет рукописанные на хартиях и на бумаге церковные и гражданские летописцы, степенные, хронографы и прочие сим подобные, что где таковых обретаются, взять в Москву в Синод, и для известия оные списать, и те списки оставить в библиотеке, а подлинные разослать в те ж места, откуда взяты будут, по-прежнему»³. Таким образом многие рукописи, присланные по этому указу в Синод, вошли в состав Синодальной библиотеки.

Богатый вклад в библиотеку был внесен при Екатерине II. По повелению императрицы в библиотеку из Московской Синодальной типографии было передано 534 рукописи, из которых *«иные относятся къ древности, а другия къ рѣдкости»*. В то же время были изъяты все печатные книги, в результате чего в Синодальной библиотеке остались одни рукописи⁴.

По каталогу, составленному в 1823 г., в Московской Синодальной библиотеке значилось:

- 1) Рукописей греческих — 467, из них на пергамене 242 и на бомбицине 21. Рукописей славяно-русских — 956, из них 96 пергаменных и 20 на бомбицине;
- 2) Жалованных и послушных грамот и различных выписок — 70;
- 3) Грамот настоящих, разрешительных, жалованных и разных писем — 110.

Затем в библиотеку в 1834 г. поступил Изборник 1073 г., обнаруженный в 1817 г. П.Строевым и К.Калайдовичем в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре, позже поступило еще несколько памятников.

Важнейшими рукописями Московской Синодальной библиотеки в середине XIX в. являлись:

XI века: Изборник Святослава 1073 г.

XII века: Четвероевангелие 1144 г., Синаксарь 1152 г., Служебник Варлаама Хутынского (до 1193 г.), Устав церковный и монастырский (до 1200 г.); «Слово о правой вере» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха Болгарского, Поучение Константина. Пресвитера Болгарского, «Учения» Кирилла Александрийского, Патерик Синайский, Месячная Минейя (в десяти книгах), Стихирарь (два экземпляра), Кондакарь, Триодь постная.

XIII века: Книга Апостольских посланий 1220 г., Трефологий 1252 г., «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского 1280 г., Кормчая 1296 г., Псалтырь и «Слова» Никона Черногорца 1296 г.; Устав церковный, «Антониевский» служебник.

XIV века: Книга Апостольских чтений и книга Евангельских чтений 1307 г., Триодь Цветная (до 1311 г.), Книга Апостольских чтений (до 1312 г.), Ирмологий 1344 г., Сборник и Летопись Манассии 1345 г., Сборник 1348 г., 4 книги Евангельских чтений 1354, 1355, 1357, 1358 гг., Параклит 1369 г., Пандект Антиоха 1381 г., Четвероевангелие 1383 г., Хронограф Георгия Амартола и Параклит 1386 г.,

Служебник митрополита Киприана (после 1389 г.), Служебник преподобного Сергия Радонежского (до 1392 г.), Устав церковный 1398 г., Пролог и Служебник 1400 г.; Два «Слова» Григория Богослова, Житие Панкратия, «Лествица» Иоанна Синайского, Устав Церковный и несколько Служебников, Требников, Прологов.

XV века: Сборник 1403 г., Книга Евангельских Чтений 1409 г., «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского 1411 г., Толкование на книгу Иова 1412 г., Минея месячная (март, апрель) 1413 г., Требник 1423 г., Пролог 1425 г., Минея месячная (ноябрь, декабрь) 1425 г., Трефологий около 1426 г., «Беседы» Иоанна Златоуста 1426 г., Октоих 1436 г., Устав церковный 1438 г., Трефологий 1446 г., Житие Григория Омирита 1452 г., Канонник 1457 г., Сборник Житий 1459 г., Палея 1477 г., Требник 1481 г., Пролог 1493 г., Геннадиевская Библия и Сборник поучений Иоанна Златоуста 1499 г., Толкование на Евангелия от Матфея и Марка 1500 г.

XVI века рукописей, с указанием года написания — 23.

XVII века — 40.

Из краткого очерка истории библиотеки и обзора основных ее сокровищ видно, что столь обширное рукописное собрание нуждалось в систематизации и классификации. Попытки каким-либо образом сгруппировать памятники Патриаршей (Синодальной) библиотеки периодически предпринимались в течение нескольких столетий.

Первая по времени опись книг и рукописей, вошедших впоследствии в состав Синодальной библиотеки, относится к 1630 г. Это опись книг Патриарха Филарета. В ней значится 355 печатных и письменных книг. Рукописи описаны таким образом:

«Книга Иванъ Дамаскинъ, въ дестъ.

Книга Житіе пречистыя Богородицы, въ ней же Зерцало и Лѣтописецъ, въ полдестъ.

Книга Потребникъ въ полдестъ, старо, писанъ на харатьѣ.

Книга Правила святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ, въ дестъ, Іева патріарха. И139 Декабря въ 31 день по указу государя патріарха та книга отдана на списокъ архіепископу Іосифу Суздальскому и Торускому; взята у государя партріарха»⁵.

Затем в 1631 и 1675 гг. составлялись описи отдельных книжных собраний, присоединенных к Патриаршей библиотеке.

В 1718 г. составлена роспись книгам и рукописям, находившимся в Патриаршей ризнице, озаглавленная: «Каталогъ или роспись книгамъ по имяномъ разныхъ языковъ по алѣавиту». В этот каталог было внесено 799 книг и рукописей. Рукописи занесены в каталог следующим образом:

«7. Апостолъ с толкованіемъ, Словенской, письменной, харатейной, в дестъ; в конце писано 6728 году, августа, того 497 лѣтъ.

329. Служебникъ харатейной, письмо Киприяна митрополита, в четверть, 6914 лѣта подписана у задней доски, и того 311 лѣтъ.

393. Служебникъ Словенской, писаной уставомъ, харатейной, Иоанна Новгородскаго чудотворца, писанъ 6694 лѣта, і того 531 лѣто»⁶.

В археографическом отношении представленные примеры далеки от совершенства. Развитие филологии в XIX в. требовало более серьезного подхода для изучения весьма ценного рукописного материала, хранившегося в Синодальной библиотеке. Между тем материал этот оставался научно не востребовавшимся: за неимением полноценного указателя или каталога им почти невозможно было пользоваться, хотя нужда в употреблении всего этого богатства для ученых-исследователей, несомненно, чувствовалась давно.

§2. ПРЕДШЕСТВЕННИКИ А.В.ГОРСКОГО И К.И.НЕВОСТРУЕВА В ДЕЛЕ ОПИСАНИЯ РУКОПИСЕЙ МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Одним из первых, кто обратился к рукописям Синодальной библиотеки с целью их всеобъемлющего научного описания, стал К.Ф.Калайдович. Он пользовался фондами библиотеки с 1813 г. для своих ученых занятий. В декабре 1816 г. Калайдович обращается к графу Н.П.Румянцеву со следующим письмом: «Весьма важным нахожу для нашей древней словесности и истории описание рукописей Московской библиотеки Синодальной и Патриаршей. Сие описание откроет новый свет в древней нашей литературе, покажет непрерывный ряд памятников славянских с самого IX в. (это есть найденный мною перевод Иоанна экзарха Болгарского книги Иоанна Дамаскина «Небеса») до XVIII в. Греческие рукописи описаны уже Скиадою и проф. Матеем; неужели нашим отечественным памятникам суждено скрываться так долго в прахе»⁷. Это предложение было воспринято графом Румянцевым с сочувствием. Однако спустя лишь семь лет, в конце 1824 г. Калайдовичу, по ходатайству канцлера, было дано разрешение приступить к описанию рукописей. Об этом говорит письмо графа Румянцева Востокову: «Г. обер-прокурор св. Синода уведомляет меня, что Синод, снисходя на мое прошение, велел допустить г. Калайдовича составить в Москве ученый каталог всем рукописям патриаршей Синодальной библиотеки»⁸.

В январе 1825 г. Калайдович приступил к работе, к концу марта описал 46 рукописей, к началу мая — еще 12. Но целая цепочка непредвиденных и даже трагических событий помешала завершить начатое предприятие. Сначала в библиотеке сменился ризничий. 4 мая 1825 г. Калайдович писал канцлеру: «Мой труд идет теперь не так удачно по причине сдачи сокровищ патриарших от прежнего ризничего к новому»⁹. Затем в июле того же года тяжело заболел сам Калайдович¹⁰, а в январе 1826 г. скончался граф Н.П.Румянцев. В результате труд Калайдовича был остановлен. Автор успел описать только 101 рукопись. Часть этого незавершенного труда предполагалось опубликовать в 1845 г. в особом издании князя М.А.Оболенского под названием «Архив разнородных и преимущественно исторических сведений», однако книга так и не вышла в свет.

Примечательно, что этот труд Калайдовича следует признать более удовлетворительным, чем предпринятое им в то же время описание рукописей графа

Ф.А.Толстого. В описании Синодального собрания Калайдовичем внимательнее представлено содержание каждой рукописи, палеографические сведения, выписаны важнейшие приписки, снабженные хронологическими и историческими примечаниями, однако нет ни подробных лингвистических исследований, ни сличений, ни выписок.

Для наглядности представляем описание двух рукописей из неопубликованного труда Калайдовича, напечатанных А.Ф.Бычковым в приложении к отчету о первом присуждении Ломоносовской премии:

«№ 1. Рукопись на бумаге, полууставная, подходящая к скорописи (за исключением 1-й статьи), XVII в., на 59 листах. В ней содержится:

1) *Азбука Фряская* (т. е. по иностранным образцам) *Словенского языка*. Вмещает фигурные изображения заглавных букв; некоторые, кажется, оттиснуты с гравированных на дереве. Начальный лист украшен изображением короны, государственного герба и другими фигурами.

2) Л. 15. *Историкъ рекше лѣтописецъ святыя алфы толковыя на пять сотъ на тридцать на два лѣта*. Под сим заглавием содержится круг великий миротворный, или Пасхалия, составленная в 7048 (1540) г. повелением Всероссийского Митрополита Иоасафа в Новгороде тамошнего Софийского собора, церкви св. мучеников Гурия, Самона и Авива, священником Агафоном, с присоединением пасхальных сочинений Геннадия архиепископа Новгородского и игумена Волоцкого Иосифа.

Начало: *Всесвятая Живоначальная единосущная и нераздѣлимая Троица...* Конец: *а въ нощи и во дни къ часы*.

3) Л. 53. Орфографические отрывки.

4) Л. тот же. *Написанія языкомъ Словенскимъ о буквѣхъ и о словесхъ ея разсужденіе и свидѣтельство* — содержат правила Словенской орфографии.

Начало: *Вопросы учителя, отвѣты ученичи. Вопросъ; буква что есть; Конец: въ Греческихъ писменехъ ѿта отъ ферта разликоватъ.*

5) Л. 58. *Толкованіе имяномъ встѣмъ святымъ всего года*. Безъ конца.

Статьи 2, 3, 4 и 5 написаны одним полууставным почерком, подходящим к скорописи.

На 1 белом л. написано: *Videtur seculi 17*. За сим рукою Кн. Щербатова: «Господинъ Матей солгалъ; писано въ 7048 или 1540 году, какъ изъ страницы 1 видѣть можно». Кн. Щербатов трижды ошибся: год 1540 показан не на 1 странице; сие лето означает время сочинения, а не письма; не Матей, а Скиада сделал Латинскую приписку.

№ 16. Апостол (Деян. и Послан.); полууставная рукопись на бумаге XVI в., на 394 листах. В бумаге бычачья голова.

В начале положено:

1) *Въ дѣянихъ Апостольскихъ произвольники: превратится — преложится; пожывемъ — пребываемъ; потомъ: въ соборныхъ посланіихъ произвольники же: просто — обильно* и проч. т.е. так или иначе можно читать.

2) Л. 3. *Евсевія Архіепископа Памфілійскаго предисловіе о первомъ словѣ что есть суббота имущи путь*.

3) Л. 6. *Посланіе Архієпископа Евсевія Памфілійскаго къ Аѳанасію Архієпископу Александрійскому по отъ любви понужденъ отъ него разчинити посланіа чтеніемъ и стиховно размѣрити и главамъ надписана.*

4) Л. 8. *Оглавление.*

5) Л. 9. *И симъ толковникомъ имена имъ знати, который преподобный или святитель или развративы и тѣхъ написати всѣхъ поразно. А толковниковъ Апостолу кѣв. Дидимъ, Христомъ (чит. Хрисостомъ), Оригенъ, Севиръ, Исихій, Аполинарій, Кирилъ, Максимъ, Θεодоритъ, Василіе, Евсевіе Патръскый, Малонъ, Оилонъ, Ефремъ, Аѳанасіе, Доименъ, Икименіе, Сверіанъ, Θεодоръ, Іоанъ Домаскинъ, Исидоръ Пилжсійскый, Генадіе.*

6) Л. тот же. *Первое слово Павла Апостола книгамъ предъчитаемымъ: любовну ученію и тѣщанію. См. №7. Это предисл. м. б. Златоуста.*

7) Л. 22. *Предисловіе Ифѳаліа діакона дѣяніемъ святыхъ Апостолъ.*

8) Л. 27. *Святаго Апостола Петра и Павла и инѣхъ всѣхъ вѣ те святыи Епифаніе Кипръскый Епископъ нѣкоимъ откровеніемъ списа и изъясни, гдѣ кыйждо Апостолъ проповѣдаша Іу Хъ и свята ихъ тѣлеса въ коихъ мѣстохъ скончашася и лежатъ.*

9) Л. 34. *Иже въ святыхъ Дороѳса Епископа Турска мѣжа древняго и богоносна и мученика бывша въ время Ликіанъ и Константинъ царій изѣбраніе святыхъ седмьдесятъ Апостолъ.*

10) Л. 49. *О чудестѣхъ т. е. Апостолъ в 12 статьяхъ.*

11) Л. 51. *Надписаніе главъ дѣяній Апостольскихъ. — Оглавление.*

12) Л. 58. *Іуніа въ кѣ мученіе святыхъ Апостолъ Петра и Павла.*

13) Л. 62. *Апостолъ росписанъ на статіи. Еже статіа червлена симъ образомъ (киноварный кружокъ в немъ: и письмо) въ ней червлено и то чести себѣ въ келіи размѣрено на дѣ недѣли на всю зѣ дній а еже статіа чернильна симъ образомъ (черный кружокъ, в немъ: и письмо въ ней чернильно) и то чести себѣ въ келіи размѣрено на й недѣль а еже червленъ симъ образомъ и то чести размѣрено на дѣ же недѣли себѣ въ келіи послѣ правила по ѣ статей на недѣлю.*

14) Л. 63. *Сказаніе дѣяній Апостольскихъ списана Лукою Евангелистомъ по лѣтѣхъ мнозѣхъ страсти Господня.*

Последняя статья: *сказаніе иже къ Филипписіомъ посланію стго Апостола Павла. Самого же посланія нетъ*¹¹.

На столь богатомъ рукописномъ матеріалѣ авторъ описанія лишь перечислил по источнику названія статей, указалъ типъ почерка, составъ бумаги и датировку памятника. Лингвистическіе данныя о рукописи не сообщаются. Ничего не говорится о характерѣ правописанія, о наличіи и мѣстѣ в рукописи юсовъ, о зияніяхъ и другихъ примѣтахъ второго южнославянскаго вліянія, никакъ не разбираются формы языка, нетъ данныхъ о родинѣ рукописи.

Слѣдующимъ после Калайдовича рукописи Синодальной бібліотеки изучалъ И.М.Снегиревъ. В своемъ обширномъ трудѣ «Памятники Московской древности» (1842–1845)¹² онъ обстоятельно изложилъ исторію Патриаршей бібліотеки и описалъ наиболее важныя славянскія рукописи. Это своеобразное обозрѣніе древнѣйшихъ и ценнѣйшихъ рукописей бібліотеки не имѣло собственно археографи-

ческих целей, оно знакомит читателя с сокровищами библиотеки. Вот примеры описания нескольких рукописей:

«Псалтырь съ поканьны и съ молитвами, 1296 года, повелением княгини Марины писцем Захарием, писанная на пергамене, в малый лист, превосходным уставом, с фигурными заставками, под №285. Скиада относит ее к X веку»;

«Апостол, писанный уставом на пергамене в два столбца, в 4, под №19 лета 6815 (1307) замечателен следующею припискою, на втором столбце последней страницы, где есть сходные места с текстом Игоровой песни:

Въ лѣтѣ 501. а нндикъ лѣтѣ 5 а пѣсѣ законьнон. лѣтѣ кѣ. лѣтѣ крѣг. а. нѣ. въ чѣврьтомъ червѣчн. а солнцѣ. д. го перзета. лѣтѣ 5. іе. а пѣсѣ баше крѣ въ кс. Мрта. а неон лѣтѣ 51 мца ѡвгуст. въ кѣ днь на памѣт стѣа Васѣы, въ кѣ днь лѣтѣ напнсахъ прокъ стѣа Пантелѣмонѣ. Снн же ѡпсѣа Нзосимѣ Нгѣменѣ сего же монастырѣ. Сего же лѣтѣ быѣ бон на Рѣькон землн. Мнханаѣ съ Юрьемѣ ѡ Кнаженѣе Новгородское. При снхъ Кназехъ сѣашеѣа и рѣташе ѡубоѣнцѣамн, гынаше жнзнь наша въ Кназехъ, которы и въѣшн скорѣстншаѣа члвѣм. ѡ ѡмѣзъ в. в. нк. вв. дд. вв. з. рекше. двѣз. органъ. мысль. неѣнна. Млв. вга. Потомъ е. з. з. 333. (в) море: пѣть. земель. двѣ тѣмѣ море мѣдрѣн разѣмееѣа».

«Прологъ сътворенъ Иѡанномъ прозвутерѣмъ, Ексархомъ Болгарѣскомъ, иже іесть и прѣложилъ книги сѣа. Сію харатейную рукопись, в лист, под №107, К.Калайдович относит к IX веку, но другие к XI. Г.Востоков относит список сего манускрипта, содержащего в себе перевод книги С. Иѡанна Дамаскина, к XI или XIII веку. На другой рукописи *Шестодневъ*, сочиненной Ексархом Болгарским, означен 1263 год»¹³.

В 1847 г. был предпринят другой труд по описанию славянских рукописей Синодальной библиотеки — исследование известного библиографа и собирателя древних памятников В.М.Ундольского. Работа над рукописями началась в 1847 г., материалы описания должны были выходить в свет по частям в Чтениях Московского общества истории и древностей Российских. В течение года было подготовлено к изданию описание 110 рукописей, но последовавшее в октябре 1848 г. прекращение выхода в свет Чтений остановило деятельность Ундольского. Его незавершенный труд был издан лишь спустя 20 лет в 1867 г.¹⁴, когда уже были выпущены в свет тома «Описания» Горского и Невоструева.

Исследование Ундольского важно тем, что в нем прослеживается стремление автора систематически располагать рукописи по содержанию, снабжая их библиографическими указаниями. Автор располагал рукописи по своей системе, нумеруя их также по-своему, отмечая номера по описи 1823 г. в скобках. В опубликованных материалах выделяются рукописи по трем разделам богословских книг. Раздел I. Священное Писание: №1–53; раздел II. Толкователи Священного Писания (по порядку книг Библии): №54–107; раздел III. Каноническое право: №108–110... (не окончено). В исследовании Ундольского помимо библиографических указаний к описываемым рукописям встречаются указания на греческий подлинник и выписки. Однако подобные замечания встречаются лишь местами, словно описатель постепенно приходил к мысли о необходимости полнее характеризовать рукопись. Всего Ундольский успел описать 3 рукописные Библии,

16 книг Ветхого Завета, 43 книги Нового Завета (24 Евангелия и 10 Апостолов), 23 рукописи толкователей Ветхого Завета, 31 рукопись толкований на Новый Завет и 3 Кормчих.

Ниже приводятся примеры нескольких рукописей Синодального собрания, описанных Ундольским:

«№45 (722). Апостол апракос, пис. плохим уставом, в 1307 г., на 190 пергаменных листах, в четверку. Апостолы апракос, т. е. по порядку церковных чтений, встречаются в рукописях гораздо реже обыкновенных, несправедливо называемых иногда Апостолами Тетр, в сходственность Евангелию. См. об этом Москвит. 1846 г. №3., стр. 151. Опис. рук. Рум. муз. стр. 12. Руднева рас. О ересьях. М., 1838, 8, прим. 33.

На посл. листе, в первом столпце: «Е. З. З. З. З. З. (в) море — пять земель, двѣ тмѣ, море — мыдрый разумѣть».

Весь другой столбец занят след. приписью: «Въ лѣт. 6815 (1307), а индик. лѣт. 5. а Пас. Законной лѣто 21, лунному круг. а. 18, въ четвьрьтомъ червьчи, а солнцю 4-гоперѣста лѣт. 6-е, а Пас. бѣше Крьс. въ. (чило вымарено) марта, а небесной лун. Лѣт. 19 мѣсяца авгус. въ 21 день, на память святыхъ Вассы, въ 22 день лун. написахъ прок. Святому Пантелѣймону. Сии же Апостолъ книги вда святому Пантелеимону Изосимъ игумень сего же монастыря. Сего же лѣт. быс бои Руськой земли, Михаилъ съ Юрьемъ княженье Новгородское. При сихъ князехъ сѣяшется и ростяше усобицами, гыняне жизнь наша въ князѣхъ которы и вѣщи скоротишася человѣкомъ. А Пс. мѣ В. В. Н. К. К. К. Д. Д. В. В. ѣ, рекше Давидъ, органъ, мысль, истина... (отрезано).

Эта приписка, как заметил К.Ф.Калайдович, имеет сходство с местом «Слова о Полку Игоревъ» (см. Труды Общ. Ист. и Древн. Росс. Ч. 2, М., 1824, стр. 41, слич. Снегирева, Пам. Моск. Древн. Стр. 185.)»¹⁵.

«№49 (16). Апостол, полууст. XVI века, на 394 л. в лист.

Начинается: «Въ Дѣянихъ апостольскихъ произвольники превратится — предложится», — далее: «Въ соборныхъ посланіихъ произвольники же: просто — обильно» и т. д. Подобные варианты из Требника можно видеть в Опис. Рук. Рум. Муз. стр. 3. л. 9. «И симъ толковникомъ имена имъ знати, который преподобный или святитель или развративы и тѣхъ написати всѣхъ поразно. А толковниковъ Апостолу 22. Дидимъ, Хри(со)стомъ, Оригенъ, Севиръ, Исихій, Аполинарій, Кирилъ, Максимъ, Ѳеодоритъ, Василие, Евсевіе Патръскый, Малонъ, Ѳилонъ, Ефремъ, Аѳанасіе, Доименъ, Икимение, Сверіанъ, Ѳеодоръ, Іоанъ Домаскинъ, Исидоръ Пилусійскый, Генадіе». Л. 62. Апостолъ росписанъ на статіи. Еже статія червлена симъ образомъ (киноварный кружок в нем: и письмо въ ней червлено), и то чести себѣ въ келіи размѣрено, на 4 недѣли на всю 7 днѣй. А еже статія чернильна симъ образомъ (черный кружок, в нем: и письмо въ ней чернильно), и то чести себѣ въ келіи размѣрено на 8 недѣль. А еже червень, симъ образомъ, и то чести размѣрено на 4 же недѣли себѣ въ келіи послѣ правила по 5 статей на недѣлю».

Едва ли не единственный экземпляр, в котором чтения Апостольские распределены для монашеского келейного чтения. Оканчив. сказанием к Филиппином посланию св. ап. Павла; а самого послания нет»¹⁶.

УЛУЕ НЕ ВЪ МЪНЖЕ
 ГЛѢШН. НАБННѢЩЕ
 ГЛѢЩОУ ЕМОУ. ВЪ
 ЗГЛАСНКОУРЪ. НО
 БРАЩЪСА ГЪ. ВЪЗЪ
 РѢ НА ПЕТРА И ПО
 МАНА ПЕТРЪ. СЛО
 ВО ГНѢ ЯКО ЖЕ РЕЧЕ
 ЕМОУ. ЯКО ПРѢЖДЕ
 ДАЖЕ НЕ ВЪЗГЛА
 СНТЬ КОУРЪ. ТРИ
 КРАТЪ ІОТЪ ВРѢЖЕ
 ШН СЛМНѢ. НІШЪ
 ДЪ ВЪНЪ ПЛА КА
 СА ГОРЬКО. НМЖ
 ЖН ДРЪЖАЩЕ И ГЪ
 САРЖАЛАХЪ СЛЖМ
 БНЖЩЕ. И ЗАКРЪ

ВЪШЕ Н БНЛАХЪ ПО
 ЛИЦА. ВЪПРАШАА
 ХЪ ЖЕ Н ГЛѢЩЕ. ПРО
 РЪЦН КЪ ТОКСТЪ
 БУДАРННТА. НН
 НАМЪ НОГАХОУЛА
 ЩЕ ГЛАХЪ НАНЪ.

УѢ. Ф. ЕУШНОА. ВЪ ОНО. КЪ
 ДОША ОТЪ КАНАФЪ ВЪ ПРЕТОР.
 КЪ. ДАН РАСПАНЪТЪ. НЩН. ВЪ
 ТАПА-ФН. А. ЕУЛНА.

СЛАВА ТЕБѢ ГНЦЮ И ВСѢМЪ ИМЪ ИСХОДЪ ПОЛО
 БИМА НА ПИСАТИ ЕУЛНЕС. ПОВАХЪ ЖЕ
 ПИСАТИ. ВЪЛѢ. С. Ф. УД. ДОКОНЪА
 ХЪ ЕВЪЛѢ. ФЪЗЕ. НА ПИСАХЪ ЖЕ БУ
 ЛНѢ СЕ. РАБОУ ЕЖИЮ НА РЕЧЕНОУ СЛЩОУ
 ВЪКРЩЕННИ НА СЛФЪ. АМИРЪ СЪЗІОСТРА
 МНЪ. БЛИЗКОУ СЛЩОУ НЪЗМЪ ВОУКЪ НА

В 1855 г. появилось исследование Ф.И.Буслаева «Палеографические и филологические материалы для истории писем славянских, собранные из 15 рукописей Московской Синодальной библиотеки»¹⁷. Автором подробно описано 11 памятников: Изборник Святослава 1073 г., Евангелие 1144 г., Стихирарь Месячный 1157 г., Апостол Толковый 1220 г., Псалтирь 1296 г., Евангелие 1307 г., Евангелие 1355 г., Служебник 1400 г., Евангелие 1409 г., Библия 1499 г., Евангелие 1537 г.

Все рукописи Буслаев описывает по следующей схеме. Вначале указывается вещество (материал) рукописи, размер, тип почерка, палеографические особенности памятника, краткое содержание. Затем указывается тип правописания и следует лингвистический разбор рукописи по пунктам: 1) звуки гласные, 2) звуки согласные, 3) спряжения и склонения 4) синтаксические замечания.

Для примера представим фрагмент описания Изборника 1073 г.: «Изборник Святославов писан на пергамене, в лист, уставным письмом. Содержит в себе 266 листов, в два столбца...

Этот памятник отличается от Остромирова Евангелия значительным преобладанием русского правописания, а сверх того и многими особенностями, как это явствует из следующего:

1. Звуки гласные.

1) Носовые звуки не отличаются от простых. Хотя и встречаются постоянно буквы *ѡ*, *ѣ*, *ѧ*, и *Ѩ*, но употребляются, по большей части, неправильно; напр. по *дѣйствѣ*, 8. по *изволкннѣ*, 8. об. *надежда* *видома* *нѣсть* *надежда*, 6. Но гораздо чаще заменяются они простыми гласными *оу*, *ю*, *а* и *ѧ*; напр. *въ правѣдоу*, 4. об. *азъ*, *рекоу*, *рекоутъ*, *идоутъ*, *идоу*, *бѣжоу*... На одном и том же листе одно и то же слово иногда написано правильно по-болгарски, иногда изменено по русскому правописанию; напр. *мѣдростиѣ* и *мѣдростию*, 7. Мало того, в одном и том же слове, то соединены оба способа начертания; напр. *оуселеноуѣ*, 9. об.; то употреблены не на своем месте; напр. *къ моужѣ*, 169.

Носовые при шипящих и при *ц* заменяются и твердыми, и мягкими гласными; напр. *отъ тройца* и *отъ тройцѣ*, 8 об. *овѣца моя* — *слоушѣтъ*, 10».

«2. Звуки согласные.

1) Относительно согласных замечательнейшее отличие от Остромирова списка предлагает Святославов Изборник в употреблении *шт* и *ци*; напр. *приходашта*, 8. *оуѣсьныѧ* *ради* *немошти*, 8. *дѣштери* *ихъ* *оутворены*, 80. Впрочем, довольно часто встречается и *ци* *нѣмоцинѣ* *оуи*, 8. Иногда рядом употребляются оба эти способа начертания; напр. *къ моужѣ* *твоѣмоу* *обращение* *твоѣ* *рекѣше* *подѣбѣжице* *твоѣ* *пристаниште* *твоѣ*, 169».

«3. Спряжения и склонения.

...Полные формы прилагательных большею частью употребляются по-болгарски. Напр. *въ пѣрвыихъ*, 6. *приходащоуоумоу*, 6. *огноуоумоу* *иждегоу*, 83 об. *четвѣрътааго* *рода*, 146. об. Но довольно часто попадают и русские формы; напр. *оубогыхъ*, 88. *отъ четвѣрътаго* *же* *надесѣте*, 196. *поконште* *дѣньныхъ* *тѣдовъ*, 197 об. по *притѣчномоу* *образоу*, 243 об.»¹⁸.

Из представленных примеров видно, что исследование Буслаева в научном отношении стоит значительно выше прежних трудов по описанию рукописей. По своей схеме оно напоминает описание рукописей Румянцевского музея Востокова. Чувствуется, что Буслаев хорошо знаком с методами и принципами Востокова. Стилль Востокова отчетливо виден в работе Буслаева. Несомненно, в описании одиннадцати рукописей Синодальной библиотеки историк языка открывает для себя много интересных данных. Но при всех своих достоинствах работа Буслаева не может претендовать на исчерпывающее исследование. Описана ничтожно малая часть Синодального собрания, при этом описываются те памятники, которые до Буслаева уже были обстоятельно изучены: например, Изборник 1073 г.

Реальную пользу ученым принес труд, составленный архимандритом Саввой (Тихомировым). Впервые изданный в 1855 г. «Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки»¹⁹ был существенно доработан в 1858 г. архимандритом Саввой: был подготовлен прекрасный алфавитный указатель всех произведений, находящихся в рукописях Московской Синодальной библиотеки²⁰, кроме того, в книге помещен исчерпывающий очерк истории самой библиотеки, даны необходимые краткие пояснения к каждой из рукописей, приложен пояснительный словарь слов и названий предметов, встречающихся в этом пособии.

Для примера рассмотрим, как внесены в указатель рукописи Кормчей книги:

«Кормчая книга — собрание церковных правил или канонов, —

№132, перг., л., уст., 629 л.; ркп. писана в 1282 г. для Новгородского архиеп. Климента. Подробно описана Калайдовичем в Рус. Достоп. ч. 1., стр. 18 и И. Екз. прим. 108, и далее, см. также Вестн. Евр. 1820 г. №5., Словарь митр. Евгения, Бар. Розенкампа о Кормчей, Калачова о Значении Кормчей книги.

№227, перг., уст., XIII, 310 л.

№131, перг., уст., XIII–XIV, 148 л.

№222, л., скрп., XVI, 397 л.

(Из) Кормчей извлечения, —

№375, 4, полууст. XVII, 38 (Церк. правила относительно Таинства брака).

№821, 4, скрп., XVII, 132 (Сборник разных канонических правил и канонического содержания статей о Св. Крещении, о четырехдесятнице, о пасхе и проч. Здесь же Пасхалия и слово Максима Грека против Латин)»²¹.

Из данного фрагмента видно, как полезен Указатель для ученых, изучающих рукописи Синодальной библиотеки. Однако в некоторых местах, например в разделе, касающемся рукописей Кормчей книги, не хватает полноты. Так, не встречаются специальные указания на те статьи, помещаемые иногда в Кормчей, которые не повторяются во всех ее списках. Таким списком, например, является т. н. «Климентовская» Кормчая 1280 г., включающая в себя древнейший список Русской правды пространной редакции²². В итоге у читателя складывается мнение, что в Синодальной библиотеке нет ни одного списка Русской правды, хотя ей принадлежал важнейший из сохранившихся списков этого памятника. В целом Указатель Саввы (Тихомирова) представляет хоть и краткое, но указание рукописей всей Синодальной библиотеки.

И, наконец, все в том же 1855 г. вышел в свет первый том «Описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» протоиерея А.В.Горского и К.И.Невоструева — самое важное и исчерпывающее во всех отношениях исследование Синодального собрания.

§3. ПРОТОИЕРЕИ А.В.ГОРСКИЙ — ЦЕРКОВНЫЙ ИСТОРИК, БОГОСЛОВ И АРХЕОГРАФ

Строгий научный метод А.Х.Востокова²³ применил к необычайно богатому собранию памятников русской старины — к рукописям Синодальной библиотеки — в 50-х гг. XIX столетия протоиерей Александр Васильевич Горский²⁴. Его труд, написанный совместно с Капитоном Ивановичем Невоструевым, был построен на основании выработанного Востоковым метода.

А.В.Горский родился 16 августа 1812 г. в семье костромского протоиерея Василия Сергеевича Горского. В 1828 г. юный шестнадцатилетний Горский поступил сразу из философского класса Костромской Духовной семинарии на два года раньше нормального срока в Московскую Духовную Академию. В Академии у молодого Горского проявился интерес к «мистической» стороне христианства. В его религиозном облике было немало черт Александровского времени: внимательность к снам и приметам. Поверх этого западнического мистического влияния ложится отеческая волна. И она была сильнее. Это было влияние Филарета (Гумилевского), впоследствии архиепископа Черниговского, который впервые ввел исторический метод в преподавание догматики и сумел пробудить у своих слушателей не только интерес, но и любовь к историческим занятиям.

В Горском поражает его впечатлительность, его восприимчивость, его ненасытная способность к познанию. Он много читал. Больше любил читать, чем писать. Но это не было пассивностью или вялостью мысли, таков был его образ мышления.

В 1832 г. Горский оканчивает Московскую Духовную Академию. А уже в 1833 г. он становится бакалавром церковной истории в родной Академии. Горский предпочитал работать по первоисточникам, чтобы затем вводить их в научный оборот. Он не только собирал материал, но сразу же придавал ему научно-образную форму. Это была любознательность исследователя, а не любопытство любителя.

Будучи ревностным служителем науки, Горский себя не жалел. Ему приходилось одному прочитывать слишком многое: от библейской истории до позднейших времен. И хотя по обязанностям службы он занимался библейской и общей церковной историей, у него очень рано обнаружилась и стала развиваться склонность к изучению русской старины и рукописей. В академической библиотеке того времени хранилось много рукописей, а библиотекарь, друг Горского Филарет (Гумилевский), сам с большим интересом изучал их. Александр Васильевич совместно с Филаретом очень внимательно и с большим увлечением исследовал рукописные тексты. Об этом свидетельствует любопытное письмо

Боже иже хоще иже иже иже
 млыта иже млыта иже расж
 жа иже млы. иже же уаже
 уаже болни иже стн болъ
 воу то иже конь конане з
 протаре шти правна прн
 кладьно иже иже нородны
 плъстро иже тьса. да иже оу
 бо сновни иже дръзъ роспыто

Авотже попушта иже
 штъ. дѣиствоу
 иже тьне иже сн. тако
 бо иже фараон иже влѣ
 сн иже жъ уаже иже нрѣ
 тьно иже. иже жакно иже
 сътворнша. посла
 бн иже шъ жъ оу. вла
 доушта иже агоране
 зоуланя. прострѣ
 тьно иже млы. повелѣ
 бо пагоу иже нъ иже ра

пърѣни иже нъ забнсть
 поплъти иже бсе иже дѣи
 нласкѣ иже дн иже нн иже
 днѣ. да иже кыдѣ иже ма оу
 бо соуште иже ма. тѣ иже сн
 иже дн иже сн да иже ма сн
 иже нб иже оу иже нн. иже ма
 соу иже тьсн иже ма сн да иже ма
 расн. иже же коу иже жъ иже дѣ

иже нъ. раздрѣ иже шти
 иже нхъ иже нъ иже ма жъ оу.
 иже же бо иже ма иже попу
 стн иже бѣ. то иже нко же
 тѣ иже ть иже съ иже творн
 ша. се же оу бо иже сн да иже о
 бак иже рекъ иже нъ. аште
 вѣ иже стане иже вѣ иже те иже бѣ
 ро иже кѣ. на иже нн да иже нъ
 нъ. иже да иже стѣ иже зна иже
 нн иже иже нъ иже жъ оу. иже да
 прн да иже тѣ иже зна иже нн
 иже

священника Павла Петровича Птицына, мужа сестры Горского Юлии Васильевны, который звал Горского в Москву на Пасху 1834 г. «Ужели вам не наскучит пустыня и одиночество, запылившиеся фолианты и полусгнившие рукописи? Дайте покой хоть своему мозгу, если не уму и воображению. Да и что празднование Пасхи среди борьбы с такими скучными собеседниками, каковы Нестор и Амартолос? Не значит ли это в собственном смысле праздновать в квасе ветсе, так как на нашем языке нет рукописи ветше Нестора? Итак, просим пожаловать к нам праздновать Пасху в безквасии чистоты и истины; у нас нет ни споров с немymi историками, ни заблуждений от пути истины! Если угодно взять вам с собою книжки, то у меня — в большом сундуке, в каковом едва ли удавалось когда-либо лежать им. Как бы то ни было, но в столице несравненно лучше можно провести Светлый праздник, нежели в пустыне. Вы можете у нас заняться делом и в свободное время посетить своих знакомых. А это оживит вас и даст вам сугубую силу на подлежащие подвиги. Положим, что опустите половину занятий, зато после отдыха вдвое можете перенести и сделать...»²⁵

Так с раннего времени своей профессорской деятельности и до конца жизни изучение рукописей стало одним из любимых занятий Горского.

Одаренный профессор с каждым годом получал все более ответственные должности, совмещая их с прежними обязанностями. 11 октября 1842 г. начальство назначило его библиотекарем Академии. В этом звании он проработал двадцать лет, положив множество трудов для процветания библиотеки.

Хорошо знакомый с нуждами библиотеки, Горский в качестве ее начальника с особым рвением заботился о пополнении фондов. Он выписывал массу книг, самых нужных и редких. Благодаря Горскому академическая библиотека значительно увеличилась приобретением книг богословского и исторического содержания. Все лучшее, что выходило по истории за границы, все, что издавалось в России, обязательно поступало в библиотеку. Поэтому самыми богатыми в библиотеке стали фонды с собранием богословских и исторических книг. При этом каждая из вновь поступивших книг, не только исторических, но и по другим наукам, всегда внимательно прочитывалась Горским. Он даже имел обычай оставлять на этих книгах критические замечания, которыми были испещрены и книги его собственной библиотеки²⁶.

Драгоценным приобретением для Академии стала передача главнейших рукописей из собрания Иосифо-Волоколамского монастыря, поступивших в библиотеку по ходатайству Горского в 1861–1863 гг. Среди них поступили три рукописи на пергамене: Евангелие в лист XIV в., Октоих XIV в. и Стихирарь. Из рукописей, написанных на бумаге, поступили среди прочих: Пятикнижие 1494 г., 4 экземпляра Евангелия XV в. и 9 экземпляров XVI в., 6 экземпляров Апостола, из них один — XV в., остальные — XVI в.; 7 Служебников, несколько Служебных Миней, Следованная Псалтирь, Ирмологион, Канонник, Устав церковный (Типикон), службы святым, Часослов, три Требника XV в., писания отеческие в сборниках (59 экземпляров), из них три — XV в., остальные — XVI в., поучения воскресные и праздничные XIV в., несколько экземпляров Четых Миней и житий русских святых XVI в.²⁷

Ранее, в 1854 г. по инициативе Горского, вследствие ходатайства митрополита Филарета перед Синодом в академическую библиотеку из Московской Синодальной библиотеки и из Московской Духовной консистории были переданы изъятые у старообрядцев старопечатные книги в количестве 224 единиц и 240 рукописей.

Из книг особенно ценными являются: Евангелие, напечатанное в Москве в XVI в., видимо, Иваном Федоровым, Кутеинское Евангелие 1561 г., Виленское юсовое Евангелие 1600 г., два Виленских Апостола 1575 и 1576 гг., две Псалтири XVI в., Служебник Виленский XVI в., Требники, Часословы, Уставы церковные, Октоихи, Триоди, Канонники, Прологи, Отчники, Служебные Минеи — большей частью XVIII в., Катехизис Великий, перепечатанный в Гродно с издания 1627 г., «Кириллова книга», «Книга о вере», «Собрание краткое науки об артикулах веры», «История об отцах и страдальцах соловецких» и другие.

Из рукописей особо важны: богослужебные книги XVI и XVII вв.; «Разглагольствие Никона патриарха с Павлом Коломенским», «Виноград российский», «Поморские ответы», «Рассуждение о браке», беспоповские Требники с чином крещения и исповеди, «Рассуждение о таинствах», «Сказание о картофии», «Сказание о лестовке», значительное число сборников XVII и XVIII вв. преимущественно полемического содержания, стихотворения старообрядцев, письма, картины и т. п.²⁸

Своими трудами и заботами Горский сильно способствовал обогащению академической библиотеки. Александр Васильевич не только собирал книги, но знал и любил их. Недаром большая часть книг академической библиотеки наполнена его пометками. И когда у Горского спрашивали одну книгу по какому-нибудь вопросу, он доставал и выкладывал изумленному читателю десятки, указывал нужные листы и страницы. Это был идеальный библиотекарь. В то время академическая библиотека не имела ни печатных, ни карточных каталогов и очень бедна была справочными пособиями. Библиотекарь заменял эти пособия и каталоги, потому что знал книги не только по названию, но и по содержанию. Обязанность библиотекаря иногда портит нервы и настроение, и сообразно с этим происходит общение с посетителями. Александр Васильевич был библиотекарь в высшей степени благодушный и предупредительный. Он не отказывался идти за книгами ни днем, ни ночью. И даже в вечернюю и ночную пору Горский ходил в библиотеку из предосторожности без огня и отыскивал нужные книги ощупью. Свои библиотечарские обязанности он понимал очень широко. Он не только подыскивал требуемые книги, но и рекомендовал их на темы по всем предметам.

Процесс развития в Горском археографического дара представляет много интересного и поучительного, особенно для теоретического и практического осмысления приемов, направленных на исследования в области истории языка и литературы. Горский, как и всякий начинающий исследователь, приступая к изучению памятников древней литературы, шел неуверенно, на ощупь, вырабатывая себе приемы, сбиваясь с пути, недоумевая, что взять и что отбросить; останавливался на пустом, незначительном и пропускал важное, серьезное. К

тому же тогда почти совсем не было критически обработанных изданий памятников, которые могли бы облегчить работу ученого.

Когда Горский в первый раз с одним только «Словарем духовных писателей» митрополита Евгения (Болховитинова)²⁹ в руках начал заниматься изучением церковных и литературных памятников древней Руси, в научном обществе был большой интерес к книге Н.А.Полевого «История русского народа»³⁰. После «Истории Государства Российского» Н.М.Карамзина³¹ это сочинение послужило для молодого исследователя источником знакомства с русской стариной. В Духовной Академии Горский встретил человека, который сумел направить его интерес к изучению старины — рукописей библиотеки Академии и Троице-Сергиевой лавры. Это был его друг Филарет (Гумилевский), ставший к тому времени известным историком русской Церкви, автором «Обзора духовной литературы»³². Поступив под научное руководство Филарета, Горский сразу почувствовал слабую сторону исторического труда Полевого, поспешность выводов исследователя, так что сам уже мог указать на пробелы в этом труде³³.

Первые занятия Горского были направлены на изучение истории Русской Церкви, он поставил задачу проследить, как христианское учение прививалось к русскому народу в различные периоды. «Во всей истории христианской церкви, — говорит Горский, — раскрывая историю ее учений, мы следим, собственно, за постепенным раскрытием христианского учения. Здесь должно смотреть на то, как учение прежде распространялось, как прилагалось к уму, как раскрывалось и в чем обнаруживало свое действие»³⁴. С этим и связан постоянный интерес Горского к внутренней жизни самого церковного народа: как принималось христианское учение в быту, в повседневной жизни. Поэтому его интересовали не столько официальные документы, сколько памятники литературы, особенно жития и проповеди, приоткрывавшие доступ в этот внутренний мир церковной старины. И именно от этих занятий Горского исходит его определение задачи русской церковной истории: изложить жизнь русского народа как общества верующих. Но, к сожалению, эта задача не осуществлена до настоящего времени.

Работая над этой проблемой, Горский обратил внимание на важный проводник христианских идей в языческую массу русского славянства — на литературу и проповедь. Таким путем он подходил к изучению литературных памятников русской старины. Касаясь жизни греческой Церкви в то время, когда русские заимствовали христианство, и находя и там и здесь «скудность учительных людей», Горский путем строго научного изучения русской истории пришел к выводу, что христианское просвещение утверждалось на Руси главным образом при помощи славянской Библии. «В Греции X века обязанность проповедовать лежала на епископах, а не на пресвитерах. То же было и у нас. Проповедников сравнительно с потребностью было мало. Греческие проповедники изгнали всякую простоту. Славянский перевод книг Иоанна Дамаскина не мог быть книгой народной, ибо здесь много было непонятного. Истинной драгоценностью оставался один перевод Св. Писания»³⁵.

Так, если отечественные памятники не содержали достаточно сведений об отдаленных фактах русской церковной истории, он обращался к документам

П А П П И С А П П И Е
 К О Р И Н Ф И И С К Ы Г А И П И
 С Т О Л И Г А . С Ф И Л И П П Ъ .
 П А В Л Ъ М Ы А П Л Ъ М Ъ . О
 М Н О З Ъ Х Ъ Н Р А З Л И Ч Н Ъ
 Н Ы И Н Х Ъ Г Р Ъ С Ъ Х Ъ . Г Л А . А .
 Т А В Л Ъ З В А Н Ъ А П О
 С Т О Л Ы С Ъ Х Ъ . З В А
 Н А С Е Б Е И М Е Н О В А . И
 С П Р А В Л А Г А И Н Х Ъ . А
 С Ъ С А М Ъ В Ъ Ц А . Н Е С А
 М Ъ П О С Т А В Л Е Н Ъ А П Л Ъ .
 И К А К О В Ы С А М О П О С Т А
 В Л Е Н И И О Ц У И Т Е Л И .
 Б О Л Е Ю Б Ж И Ю . О Ц У И
 Т Е Л Ъ В А Ш Ъ Х Ъ И С Т Ъ В Ъ
 Ц А . П О У Т О У Л В И С Ы С Ъ
 Т В О Р И Т Е В А М Ъ О Ц У И
 Т Е Л А . И С Е В О Л Е Ю Б Ж И
 И Ю Н А М И П Р О П О В Ъ Д А
 И Т Ъ С А А П Л Ъ . И С О С Т Ъ
 Н Ъ Б Р А Т Ъ .

Константинопольской Церкви и там находил объяснение. Таким методом объяснил Горский утверждение святителя Алексия в сане митрополита. Памятники русской церковной литературы, наоборот, объяснили ему темные вопросы в истории Константинопольского патриаршества. Митрополит Киприан, описывая жизнь святителя Московского Петра, говорит о перемещении тогдашнего Константинопольского патриарха — факт, не известный по греческим источникам. Таким образом, без дополнений митрополита Киприана не узнали бы о насильственном свержении с престола патриарха Филофея³⁶. С самого начала изучение литературы и истории Русской Церкви идет рука об руку с изучением истории Византии. Слабое распространение просвещения в народной массе вскрывает одну из коренных причин явления, известного в России под именем раскола, а сравнительное изучение судеб Русской Церкви и Церкви Греческой еще более проливает свет на это явление.

В 1841 г. Горским было составлено «Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры»³⁷, выдержавшее несколько изданий и по сей день служащее лучшим руководством для всякого образованного человека, желающего получить отчетливое представление об исторических судьбах этой дорогой русской святыни. Примерно в это же время Горский начал интересоваться вопросами древнейшей славянской письменности, о чем свидетельствует его переписка с М.П.Погодиным по поводу найденной им приписки Упыря Лихого³⁸. В связи с этим вопросом стоит изучение житий Кирилла и Мефодия по так называемым Паннонским легендам³⁹, которые Горский нашел в Лаврской рукописи. На основании этих легенд он подготовил анонимную статью для «Москвитянина», опубликованную в 1843 г.⁴⁰ (статья переиздана в Кирилло-Мефодиевском сборнике в 1865 г.)⁴¹.

Главное достоинство историко-филологических исследований Горского придает то обстоятельство, что он работал по рукописным источникам и руководствовался при этом строго научной методой. Поэтому ученые труды его носят печать редкой самодостаточности. Прилагая свои знания к сокровищам древней русской словесности, которые находились в библиотеках Лаврской, Академической и Синодальной, Горский находил в этих неизданных памятниках истории объяснение минувших судеб Русской земли. Узкие пределы одной научной специальности не удовлетворяли исследователя. Горский освоил все пособия для филологической и исторической критики источника, палеографию, изучил славянские языки и русский язык в его историческом развитии.

Как только в печати появилось «Описание рукописей Румянцевского музея» А.Х.Востокова⁴², Горский сразу же воспользоваться этим трудом. Усвоив сравнительно-исторический метод Востокова, Горский превзошел его глубиной и широтой своего богословского образования, столь необходимого для верной оценки памятников древнерусской литературы. Превосходное знакомство с византийской литературой помогло Горскому критически оценивать ее влияние на литературу славян: сербов, болгар и русских. «Великий труд славянского слависта» (так называли А.Х.Востокова современники) Горский встретил обширной рецензией, в которой сумел исправить и дополнить его изыскания⁴³.

Как богослов, Горский в труде Востокова на первом месте выделяет переводы Священного Писания, состав и особенности языка переведенных на славянский язык памятников. Затем дается разбор творений отцов Церкви, переведенных с греческого языка. В рецензии Горский уделяет значительное место памятникам собственно древнерусской литературы «учительного и повествовательного содержания». Будучи историком Церкви, в отдельную группу памятников Горский относит Кормчие, Прологи, Хронографы и творения русских святителей.

Образование Горского и его палеографическая опытность были так значительны, что без труда он объяснил алфавитную таблицу, пред которой в бессилии остановился Востоков⁴⁴. В рукописи №II «Описания русских и славянских рукописей Румянцевского музея»⁴⁵ имеется алфавитная таблица, которую автор оставил необъясненной. В своей рецензии Горский так расшифровал эту таблицу: «В сорока клетках точно заключается тайнописный алфавит с объяснением некоторых грамматических замечаний. Жаль, что он напечатан с рукописи не совсем исправной. По сличении с другими рукописями открывается, что в первой клетке должны быть *ψ* и заменяющая ее в тайнописании *а*, во второй *ξ* и *б*, в третьей *ч* и *в*, в четвертой *а* и *е*. Таким образом, эта двойная азбука продолжается до конца. Должно еще заметить, что по окончании первого ряда клеток на одной странице следует соответствующий ему на другой, потом второй на первой и второй на обратной странице, и т.д. Что второй порядок букв тайнописных, которые и пишутся в алфавите черными чернилами, тогда как прочие — красными, начинается именно с четвертой клетки, это замечено и в надписях, окружающих всю таблицу, где сказано *черные слова ритор.*, а починается *Д-мъ словомъ*». Известно, что тайнописная азбука называлась риторской. В грамматических прибавлениях к таблице Горским установлено, как определяются гласные и согласные буквы. Гласная буква называется «*прикладъ и душа*», согласная — «*столпъ и плоть*». Горский поясняет: «Литера *А* называется *начальное прикладное*, как первая из гласных; соответственно сему в других списках буква *А* называется *конецъ прикладомъ*; литера *б* *начало столпъ*, как первая из согласных; а литера *щ* — *конецъ плоти*, т. е. последняя из согласных. Буквы *ъ* и *ь* причисляются к гласным, как заметил и автор (стр. 5); также *ы*, а к буквам *ξ* или *ψ* не приписано *конецъ плоти*, потому, что они сложные несамостоятельные буквы, или потому, что они поставлены в начале алфавита. Четыре гласные: *а*, *и*, *ѣ* и *ѡ* названы царями, вероятно, как главные звуки. Притом буква *ѣ* в отличие от прочих названа: *царь подъ корупою*: это, между прочим, может служить к объяснению, откуда перенесена к нам сия таблица. О букве *а* сказано: *женскому имени совершение*; о буквах *Е*, *о* и *ѣ* сказано: *среднего рода совершение*; о буквах *ъ* и *ь*: *мужскому имени совершение*, о букве *и* — *мужскому и женскому имени совершение*»⁴⁶. Это означает, что в данной тайнописи на букву *-а* заканчиваются имена женского рода; на *-е*, *-о*, *-ѣ* — среднего рода, на *-ъ* и *-ь* — мужского рода, на *-и* — мужского и женского родов. На многих буквах в таблице написано слово «число», это значит, что указанные буквы имеют числительное значение. При каждой букве написано «сила». Силой назывались в древних славянских грамматиках надстрочные знаки — ударения и придыхания. Именно к этим надстрочным знакам, по

мнению Горского, относятся помещенные в таблице в различных клетках знаки и их названия: *апострофъ, варія, закрытая, отрикаль, кендима, камора*. «По каким законам присвоены каждой литере свои знаки, не умеем сказать: впрочем, в древнейших рукописных грамматиках, может быть, найдется объяснение»⁴⁷. Выражение «*общему естеству*», встречающееся в клетках таблицы, где поставлены буквы *е* и *у*, *ю* и *ы*, означает, что обе буквы «одного рода», т. е. гласные.

Обширная эрудиция Горского была связана не только с тем, что он, будучи археографом, оставался богословом и церковным историком, но и с тем, что спектр изучаемых им источников был шире, чем у Востокова. Последний изучал те славянские рукописи, которые находились в собрании графа Н.П.Румянцева и немногие рукописи, принадлежавшие прежде А.С.Норову и Д.А.Толстому. Горскому же были открыты библиотеки Троицкой Лавры, Московской Духовной Академии, Волоколамского монастыря и, наконец, Синодальная библиотека.

§4. ПРИЧИНЫ, ПРИВЕДШИЕ А.В.ГОРСКОГО И К.И.НЕВОСТРУЕВА К ОПИСАНИЮ СЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Как было сказано выше, попытки описания Синодального собрания предпринимались несколько раз в первой половине XIX в., но безуспешно. Представляется, что препятствием этому были не только и не столько роковые случайности, но, прежде всего, нежелание церковного начальства предоставить фонды библиотеки светским исследователям. Консервативный и мудрый митрополит Московский Филарет считал, что развитие науки, как светской, так и духовной, в современной ему России требовало того, чтобы славянские рукописи Московской Синодальной библиотеки были введены, наконец, в научный оборот. Но, по его мнению, заниматься описанием памятников Синодальной библиотеки должны были только церковные люди, имеющие духовное образование. Иначе ценный богословский материал, заключенный в рукописях, мог быть неверно истолкован светскими описателями или же просто затеряться. Но святитель понимал и другое: среди деятелей богословской науки трудно было найти человека, способного предпринять столь ответственный труд. Поручить описание Синодального собрания необходимо было исследователю в равной степени компетентному и в вопросах церковной истории, и в знании Священного Писания, и в археографии. Тогда-то и пал выбор святителя на личность А.В.Горского.

В мае 1849 г. митрополит Филарет писал ректору Московской Духовной Академии архимандриту Алексию (Ржаницыну), впоследствии архиепископу Тверскому: «Говорят, чужие люди предпринимают без нас для Синодальной библиотеки то, о чем я давно думаю, не достигая дела, — именно составление отчетливого каталога, и даже помышляют о напечатании. Посему скажите цензорам, чтобы, если что в сем роде явится в цензуру, удержать от пропущения, без представления Св. Синоду. И я желаю знать, если что такое встретится. Но как желательно нам самим, так и нужно сделать дело, за несделание которого могут

укорить: поговорите с г. Горским, не возьмется ли он за сие дело с несколькими сотрудниками, которых можно было бы взять в Москве и которых дело он направлял бы и поверял, посещая Москву по временам. Займитесь сею мыслию и дайте мне ответ»⁴⁸. Очевидно, что замысел митрополита Филарета относительно Синодального собрания состоял в том, чтобы ввести весь этот новый рукописный материал в научный оборот сразу же с надлежащим толкованием в русле церковной традиции. Поэтому и хотел он это поручить «своему» человеку, которым являлся А.В.Горский, не желая допустить вмешательства «чужих», светских исследователей, какими являлись Калайдович или Ундольский. Письмо иерарха Московского решило дело. После разговора ректора с Горским последний взялся за дело⁴⁹.

Сначала необходимо было найти способного помощника. Будучи профессором, Горский знал всех студентов — и заканчивающих Академию, и уже окончивших ее. Но выбрать одного из них себе в сотрудники было делом непростым. Наконец внимание Горского остановилось на преподавателе Симбирской Духовной семинарии Капитоне Ивановиче Невоструеве (1815–1872). Когда Невоструев был студентом Академии, он уже обнаруживал склонности к занятиям историей и археологическим изысканиям. Став преподавателем, он начал с усердием заниматься отечественной стариной, изучая архивы и составляя описания монастырей Симбирской епархии. Горский же, с которым Невоструев по окончании Академии вел частую переписку, был ему деятельным советником в этой работе. Именно такого талантливого ученика и решил привлечь Горский к труду по описанию рукописей Синодальной библиотеки.

В письме от 31 июня 1849 г., Александр Васильевич писал К.И.Невоструеву: «...По поручению нашего Владыки я должен был принять на себя составление отчетливого описания славянских рукописей Синодальной библиотеки и для этого избрать себе сотрудника, который бы на месте мог вести это дело под моим надзором и распоряжением. Выбор мой пал на Вас. Для этого Владыка согласился представить высшему начальству о вызове Вас в Москву... и с производством Вам тех же окладов, какими Вы пользуетесь ныне на службе при семинарии.

Для этого же даны будут Вам в Москве и помещение в Чудовом монастыре и два писца из окончивших курс воспитанников семинарии. Я же буду по временам приезжать в Москву, вместе с Вами рассматривать, какие рукописи как нужно описывать, помогать Вам в Ваших исследованиях и пр. и пр.

Теперь я прошу Вас уведомить меня, согласны ли Вы будете принять назначенный труд, — не выпуская, впрочем, из виду и того, что начальство властно распоряжается нами для своих целей и без нашей воли.

О Вашем описании монастырей не пишу также теперь ничего; но Вы видите из дела, что труды Ваши полагают Вам путь к новым занятиям, след. достигать своей цели.

Жду от Вас скорого ответа.

Ваш усерднейший слуга А.Горский»⁵⁰.

В ответном письме Горскому 11 июля 1849 г. К.И.Невоструев писал: «Всепокорнейше и глубочайше честь имею благодарить Вас, Александр Васильевич,

за благую о мне память и то избрание, какого Вы благоволите удостоить меня, вполне сознаю великость дела и особенную для меня его трудность: ибо к описанию синодальных рукописей я не имею ни исторических и археологических сведений, ни зрения и здоровья, которые у меня заметно слабы, особенно первое. Напротив, чувствую большую способность и имею средства к занятиям по богословским наукам, — и грустно мне теперь оставлять их. Но Ваша рекомендация и обязанность беспрекословно повиноваться начальству, Промыслом движимому, определяют меня к назначенным трудам, а надежда на помощь Божию, Вашу [и] от других друзей науки успокаивает таящуюся немощь мою. И так да будет мне по мысли Вашей, за кою паки сердечно и нижайше Вас благодарю. Желательно и нужно мне, чтоб вызов мой из Симбирска последовал не ранее августа или второй половины июля и чтоб на пути можно мне было дней с пять пробыть в Нижнем для окончания на месте описаний моих и необходимых же по ним справок в Нижегород. дух. консистории...»⁵¹

И вскоре, 30 июля 1849 г., последовал указ Священного Синода о поручении А.В.Горскому и К.И.Невоструеву составить описание славянских рукописей, хранящихся в Синодальной библиотеке⁵². А уже с осени того же года началась усердная работа по описанию собрания. Архиепископ Филарет (Гумилевский) 7 августа 1849 г. по этому поводу писал Горскому: «То, что Вы пишете о поручении Синода относительно Синодальной библиотеки, для меня новость, и новость весьма отрадная, весьма приятная. Подвизайтесь, подвизайтесь усердно. Дело, как очевидно для всех, весьма нужное, дело такое, которое давно следовало сделать. Сколько упреков проглочено? Право, неприятные вещи. Пожалуйста, не подражайте предшественникам: будьте настойчивы в труде и терпении. Будут препятствия и остановки то от толков кривых, то просто от самолюбия. Переносите терпеливо и идите, не останавливайтесь по голосу внутреннему. Прибавлю и то: не увлекайтесь и своими предположениями, и желаниями сделать труд образцовый. Иначе и своя мнительность может делать много помех и остановок»⁵³.

§5. ПЛАН, СХЕМА И СОСТАВ ОПИСАНИЯ СЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Понятно, что такое большое и необходимое дело, за которое принялся Горский вместе с Невоструевым, требовало обстоятельных предварительных обсуждений задачи, способов и порядка его ведения. Поэтому исследователи выяснили сначала цель своего труда и составили потом для него особые правила.

По их планам, описание должно было явиться не в виде простой описи, служащей к сохранению рукописей, или подробного перечня заключающихся в них статей, а в виде серьезного ученого археографического и лингвистического труда. Цель работы заключалась в том, чтобы «представить более отчетливое о них (то есть рукописях и статьях. — А.М.) понятие в соображении по вопросам ученой изыскательности, обращающей внимание и на содержание, и на язык

древних памятников письменности. При этом по характеру этих памятников, большею частью церковных, ученые изыскания преимущественно должны были служить к объяснению истории церкви, ее литературы и древностей»⁵⁴.

Сама работа велась по таким правилам. 1) Рукописи располагались по их содержанию, а затем распределялись в соответствии со временем написания. 2) Каждую рукопись описывали подробно, выделяя при этом ее особенности, свойства, не повторяющиеся в рукописях аналогичного с ней содержания: отмечали библиографические приметы, в том числе и правописание; раскрывали содержание тем подробнее, чем оно более отлично; разбирали несколько рукописей сходного содержания с выделением древнейшего образца; выписывали все приписки и т. п. 3) С разбором рукописей, заключающих в себе замечательные памятники литературы, соединяли разбор самих памятников, обращая внимание на соответствие содержания и языка; а при разборе переводов — на правильность передачи подлинника. 4) Для оценки переводов и извлечений из греческих и других иноязычных произведений всегда отыскивали источник, которым пользовался переводчик или извлекатель, и если не было его в печатных изданиях, искали в рукописях Синодальной библиотеки или других доступных. 5) Все, что заслуживало особенного внимания и исследования, как в главном содержании рукописи, так и во вставных статьях и в приписках, должно было быть по мере возможности исследовано и объяснено. 6) Все выписки из рукописей, как бы ни были они велики или малы, должны были передаваться в описании с буквальной точностью⁵⁵.

Работа исследователей шла приблизительно по такой схеме. Первоначальное описание определенной рукописи делал на месте Невоструев, который работал в Московском Кремле, в Чудовом монастыре. Он анализировал рукописи, делал сличения, высказывал свои предположения и соображения. Тетрадь с такими описаниями пересылалась затем к Горскому, и тот, где требовалось, исправлял их и снабжал дополнительными филологическими, историческими и др. замечаниями. Переписанная набело в Москве тетрадь опять отправлялась в Сергиеву Лавру к Горскому, уже для окончательного им утверждения. Иногда описание производилось по-иному: Горский брал сам из Синодальной библиотеки какую-нибудь рукопись, делал по ней заметки и переправлял ее к Невоструеву, который приступал тогда к самому описанию. И опять из Чудова монастыря тетрадь с изученным материалом отправлялась в 60-километровое путешествие в Лавру к Горскому.

Всегда эти тетради описания, составленные Невоструевым, возвращались Горским испещренными замечаниями, дополнениями и вставками Александра Васильевича. Эти исправления, которые пересылались вместе с многочисленными письмами, полны такими же указаниями и сообщениями⁵⁶. Пересматривая снова все это, К.И.Невоструев мог понять, чему он уделял слишком много внимания, а что не учел; как лучше пользоваться данными, которые он сам извлекал из рукописей; как анализировать и изучать рукописи дальше. Невоструев обдумывает эти выводы и на основании их в очередной раз переделывает свою работу.

Хотя Невоструев и был подготовлен к делу описания своими симбирскими занятиями стариной, но недостаточно. Горский на первых порах разъяснял ему, на что необходимо обратить внимание при чтении и изучении рукописей, советовал опускать неважные подробности вроде описок, перестановок слов, учил, как определять древность перевода и особенности языка, как производить сличения и выборки. «Ученические ошибки пестрят в первой тетради Невоструева. Он видит древность там, где представляются испорченные, непонятные переписчику формы; он видит древность там, где выказывается местный выговор. Горский устраняет эти ученические ошибки своего сотрудника, но с той скромностью и осторожностью, которая не может оскорбить ничьего самолюбия, он видит в своем сотруднике промахи грубые, обмолвки ученические, но постоянно третирует их как ученые мнения, с которыми он не соглашается. На всех этих, так сказать, интимных внушениях лежит постоянно печать самой широкой гуманности»⁵⁷. Письма, тетради, поллистики, вшитые и вложенные записочки и личные беседы с Горским имели большое значение для Невоструева. Он постепенно совершенствовался, учился, приобретал навык и умение разбираться в рукописях, чтобы работать с пользой и плодотворно. Совместный труд и общение с Горским развили, воспитали и усовершенствовали Невоструева как ученого. В свободное от работы с рукописями Синодальной библиотеки время Невоструев много занимался также изучением древнерусских памятников⁵⁸. «Не забывал Невоструев и материалы, собранные им во время работы в Симбирске. Он подготовил и выпустил ряд исторических описаний и публикаций документов по истории монастырей, соборов и храмов Симбирско-Самарского Поволжья»⁵⁹. И это, конечно, была школа Горского, в основе которой лежали те принципы археографической работы, которые были выработаны при Описании собрания рукописей Московской Синодальной библиотеки.

В этой связи интересны черновые тетради «Описания»⁶⁰. Больше половины текстов, выписок, материалов Невоструева перечеркнуто; погрешности, промахи, догадки устранены; все это Горский сопровождает новыми цитатами, длинными критическими комментариями взамен выписок ученических, незначительных и незрелых. Посылая Невоструеву ряд своих многолетних наблюдений, основанных на глубоком критическом изучении как синодальных, так и лаврских рукописей, Горский ставит ряд новых, частных вопросов: «поищите, справьтесь, отметьте, объясните, докажите».

В труде Горского и Невоструева рукописи распределены не в алфавитном (как в «Описании» Востокова⁶¹) и хронологическом порядке, а в систематическом, по содержанию. Это более удобно и практично, учитывая и то, что списки одной и той же рукописи или одного и того же произведения расположены по времени их написания.

Само «Описание» разделено на три отдела.

Первый отдел составляет Священное Писание и содержит 53 рукописи: 19 Ветхого и 34 Нового Завета. Из этих рукописей по времени написания к XII в. принадлежит 1 (1144 г.); к XIII в. — 1 (1296 г.); к XIV в. — 9 (две 1307, двенадцать 1309, 1354, 1355, 1357, 1358, 1383); к XIV–XV вв. — 3; к XV в. — 3 (из них

одна 1409 г., другая — 1499 г.); к XV–XVI вв. — 1; к XVI в. — 22 (из них одна 1537 г., другая — 1588 г.); к XVI–XVII вв. — 2; к XVII в. — 3; к XVIII в. — 8.

Второй отдел состоит из писаний святых Отцов и делится на 3 части.

Первую часть составляет толкование Священного Писания, во второй части рассматриваются рукописи догматического и духовно-нравственного характера; третья часть описывает разные богословские сочинения.

В первой части второго отдела описано 53 рукописи (№54–106). Из них к XIII в. относятся 2 (1120 и 1263 гг.), к XV в. — 6 (в том числе одна 1412 г.); к XVI в. — 26 (среди них: 1500, 1546 и 1599 гг.); к XVI–XVII вв. — 1; к XVIII в. — 18 (среди них 1617, 1623, 1645, 1647, 1692 и 1697 гг.).

Во второй части второго отдела описано 110 рукописей (№107–216). К XI в. относятся 1; к XII–XIII вв. — 1; к XIII в. — 2; к XIV в. — 3; к XIV–XV вв. — 2; к XV–XVI вв. — 2; к XVI в. — 30 (из них одна 1512 г., другая 1525 г.); к XVII–XVIII вв. — 1; к XVI в. — 51 (среди них: 1630, 1641–1642, 1671, 1675, 1693 гг.); к XVIII в. — 7.

В третьей части второго отдела описано 125 рукописей (№ 217–341). Из них к XIII в. принадлежит 1; к XVI в. — 1 (1381 г.); к XIV–XV вв. — 1; к XV в. — 6; к XV–XVI вв. — 2; к XVI в. — 20 (из них одна 1518 г.); к XVI–XVII вв. — 2; к XVII в. — 83 (среди них: 1623, 1634, 1652, 1658, 1670–1671, 1675, 1686, 1693, 1695 гг.); к XVII–XVIII вв. — 2; к XVIII в. — 7 (из них одна 1728 г.).

Третий отдел представляет описание богослужебных книг и распадается на две части.

В первой части третьего отдела описана 91 рукопись (№342–432). Из этих рукописей к XII в. принадлежат 3; к XII–XIII вв. — 1; к XIV в. — 12 (среди них: 1311, 1369, 1386, 1398 гг.) к XIV–XV вв. — 3; к XV в. — 14 (среди них: 1400, 1436, 1438, 1481 гг.); к XVI–XVII вв. — 1; к XVI в. — 22 (среди них: 1653, 1665, 1682 гг.).

Во второй части третьего отдела описано 144 рукописи (№433–576). К XII в. относится 13; к XIII в. — 3 (среди них одна 1260 г.); к XIV в. — 2 (1344 и 1352 гг.); к XIV–XV вв. — 1; к XV в. — 11 (среди них: 1424, 1425, 1445, 1457 гг.); к XV–XVI вв. — 2; к XVI в. — 48 (среди них: 1504, 1553, 1570 гг.); к XVII в. — 56 (среди них: 1604, 1653, 1696 гг.), к XVIII в. — 8 (среди них одна 1712–1719 гг.).

При издании «Описания» все рукописи пронумерованы по порядку с указанием нумерации по описи 1823 г. и с новой нумерацией каждой рукописи, которая обозначена на каждой странице сбоку. Однако здесь нет того, что присутствует в труде Востокова — указания на каждой странице названия описываемой рукописи. В конце каждого тома, для пользы читателя, следовало бы разместить общий список рукописей и краткий к ним указатель. Эта оплошность была исправлена отчасти И.И.Срезневским, который представил в «Приложении» к отчету о первом присуждении Ломоносовской премии две таблицы: «Список описанных рукописей с обозначением времени написания каждой и страниц тома, где какая описана» и «Азбучный перечень писателей и книг»⁶². А в 1915 г. Е.М.Витошинский выпустил обширный «Указатель именной и предметный к труду А.В.Горского и К.И.Невоструева» для пяти книг «Описания»⁶³.

Для каждой рукописи обозначается *вещество, т. е. материал* — на чем она написана, в какую долю (т. е. *формат*), письмо или *почерк* памятника, его время написания — *век* или *год*. Например: «№163 (по прежнему каталогу 262.) Константином пресвитером Болгарским составленные поучения на воскресные дни из бесед св. Иоанна Златоустого и др. Пергам. в лист, уставом, в два столбца, XIII в. 264 л.»⁶⁴. Из этого примера видно, что палеографические данные в описании рукописей Синодальной библиотеки представлены поверхностно. В рукописях отмечаются и описываются особые изображения, но не характеризуются заставки, инициалы, вязь и другие украшения текста.

§6. ЦЕНЗОРСКАЯ КРИТИКА В АДРЕС «ОПИСАНИЯ» И «АПОЛОГИЯ» А.В.ГОРСКОГО

Описание рукописей растянулось на целых 14 лет. Результатом такой долгой работы было появление в печати с именем Горского и Невоструева шести довольно объемистых томов, в которых было подробно описано более 340 рукописных книг. Первая книга «Описания» вышла в 1855 г. В этом первом томе рассмотрены все славяно-русские рукописи Священного Писания Ветхого и Нового Заветов и, прежде всего, Библия архиепископа Новгородского Геннадия по спискам XV–XVII вв., а также отдельные списки XII–XVII вв. Евангелия, Апостола, Псалтири, Пророчеств и так далее. Рассмотрены они в сравнении с печатными Библиями, начиная с Острожской 1581 г., и параллельно с библейскими греческими, латинскими и еврейскими текстами⁶⁵.

Но именно этой первой книге, да и всей обширной серии «Описания», грозила печальная участь остаться навсегда в неизвестности. Широта, многосторонность, критическое направление устроенного авторами предприятия по изданию описания рукописей, научная новизна и смелые решения, к которым они пришли, едва не послужили главным препятствием к появлению их труда в печати.

Дело обстояло так. Когда первый том «Описания» был подготовлен, то его окончательный вариант был представлен Горским святителю Филарету в сентябре 1852 г. Митрополит отправил рукопись для рассмотрения в Синод, снабдив исследование своей рецензией. Труд Горского и Невоструева был представлен ординарному профессору Санкт-Петербургской Духовной Академии архимандриту Иоанну (Соколову), состоявшему членом Комитета духовной цензуры. Этот цензор отличался двумя чертами: придирчивостью и полным неуважением к чужим мыслям, сумев вооружить против себя даже самых безобидных людей. И к порученной ему на рассмотрение первой части «Описания» он отнесся со свойственными ему приемами. Архимандрит Иоанн дал отрицательный отзыв об «Описании» и высказался против его публикации⁶⁶.

Не отвергая научной эрудиции и талантов авторов, цензор именно в их учености и усмотрел опасность для самой Церкви и в своем отзыве принял на себя обязанность не допустить выхода книги в печать. Два пункта в «Описании» показались ему особенно крамольными и неблаговидными: убедительные доказа-

тельства того, что во всем множестве славянских списков Священного Писания авторы не нашли ни одного исправного, и указание на то, что полное собрание Ветхозаветных книг на славянском языке появилось на Руси в XV в. с заимствованиями из Вульгаты, латинских и немецких изданий. Первый тезис цензор считает хулой на Русскую Церковь, наводящую на мысль, что в продолжение нескольких веков наша Церковь не имела слова Божия в чистом, целостном виде, а принимала и благовествовала его в поврежденном виде. Второй пункт он находит неблагоприятным для суждений о нашей Церкви, особенно со стороны инославных конфессий, и неблагоприятным, бесполезным для всеобщего чтения. Сама же попытка описателей критически исследовать славянский текст Библии представляется цензору дерзостью, посягающей на Священное Писание: «Описатели предложили в своем труде цель не только собственно библиографическую, но учено-критическую. Если бы они ограничились одной первой целью, то довольно было бы описать время и место происхождения каждой рукописи, состав ее, особенности языка... В таком случае несовершенства наших древних переводов Св. Писания не были бы обнаружены, а могли бы быть обличены разве только при нарочитом чтении каждой рукописи, если бы кто захотел читать рукописи в самой библиотеке. Но описатели пошли далее. Они вооружились ученой критикою и стали исследовать и судить о достоинстве самих переводов Св. Писания, сличая их с греческими и другими изданиями его. В таком случае уже невозможно скрыть всех неисправностей в наших переводах Библии. Но нужно ли это в предложенном описании рукописей библиотеки?»⁶⁷

Отзыв архимандрита Иоанна поставил вопрос о публикации «Описания» довольно серьезно. При недоверчивости, с какой в то время относились к опубликованию древнерусских церковных памятников, такой отзыв мог вызвать серьезное сомнение в том, нужно ли и полезно ли такое описание. К счастью для нашей Церкви и нашей науки, дело описания рукописей было близко и дорого митрополиту Филарету, а у архимандрита не было сил бороться с авторитетом святителя. Отзыв не решил исход дела, а митрополит Филарет решил проучить заносчивого цензора. По благословению владыки Горский должен был составить подробное объяснение на возражения и требования цензорской рецензии. Он взялся за дело, и уже летом 1853 года после тщательной, кропотливой работы и постоянных консультаций с митрополитом Филаретом ответ был готов. Сам документ озаглавлен так: «Апология «Описания славянских рукописей Синодальной библиотеки» и Слово обличительное на отца Иоанна (ныне Казанской Духовной Академии ректора)»⁶⁸.

В итоге из-под пера Горского вышло то, что с полным правом можно назвать шедевром полемического искусства. Ответ на рецензию архимандрита Иоанна был дан компетентный и исчерпывающий, в серьезном, научном стиле, но не только как отпор всем замечаниям критика. Здесь видно, как Горский буквально преследует цензора до конца, изобличая преувеличенность его выводов и коварность замыслов. Этот ответ действительно является не только апологией «Описания», но и своеобразным обличительным словом на отзыв цензора. Отстаивая все выводы «Описания» относительно истории Священного текста, Горский с

особенной энергией защищает научную постановку труда, непоколебимыми доводами доказывая, что неблагоприятным и бесполезным для общего чтения рассматриваемый труд может признать только придирчивый взгляд, отягощенный ложными суждениями. В некоторых местах «Апология» оставляет свой официальный тон и возвышается до лирического воодушевления. На требование цензора устранить научно-критическую составляющую Горский отвечает энергичными словами с чувством исполненного долга перед Церковью и наукой: «Под благоприятным предлогом прикрытия недостатков древнего текста рецензия устраняет из описания и все другие исследования, тогда как при известном мнении об утрате первоначального перевода ветхозаветных книг представляются необходимыми вопросы: откуда же взялись у нас переводы ветхозаветных книг в полных списках Библии и в отдельных рукописях? Что составляет первоначальную основу нынешнего нашего кодекса св. книг? В какой мере древние переводы могли удовлетворять спасительному желанию знать Слово Божие? Все эти вопросы, разрешаемые сличением списков между собою ближайшим рассмотрением древности перевода каждой книги, поверкою перевода с подлинником, автор рецензии хочет изгнать из описания под наименованием учено-критической работы. Описание представляет убедительные доказательства, что Пятикнижие Моисеево, книги Иисуса Навина, Судей, Руфь известны у нас в переводе глубокой древности; что текст книг пророческих извлечен из перевода толкований на Пророков, который известен у нас еще в первой половине XI столетия; что также извлечен из древних переводов и текст книги Иова и Песни Песней, что книга Есфирь переведена с еврейского языка. Автор рецензии, не опровергая ничем этих доводов, не хочет дать им места в описании. Ужели лучше оставаться при той мысли, что первоначальный перевод ветхозаветных книг потерян, а новый явился неизвестно как и когда?»⁶⁹ Далее Горский говорит о том, что «любопытность ученых то в своих филологических исследованиях, то в разысканиях исторических уже касается вопросов, которым дано место в описании: когда и светские ученые обращают внимание на разности списков библейских, на отношение их к греческому тексту; когда исследования о древнем переводе Св. Писания могут быть производимы и по рукописям других библиотек, кроме синодальной: прилично ли и полезно ли будет духовным ученым устранять себя от дел, ближайшим образом относящихся к области их занятий?.. Если [дело] примет ложное направление, не представит ли новых трудностей в борьбе за истину, борьбе, для которой нужно приготовление?»⁷⁰

Как видно из всего выше сказанного, цензор отрицает необходимость полноценного научного анализа всего рукописного собрания. В угоду личным амбициям и нездоровой мнительности автор отзыва отрицает саму возможность использования сравнительно-исторического и критического методов в библейской текстологии, выставляя против истины явный подлог, предлагая сознательно утаивать важные научные факты, низводя само «Описание» до простого библиографического указателя.

Тем же летом 1853 г. «Апология» была отправлена в Синод, а в первых числах ноября митрополит Филарет сообщил Горскому через Невоструева, что

«представленное в Синод описание разрешено к напечатанию так, как оно есть и защищено Вами, без исключения исследования»⁷¹. После получения разрешения к изданию первой книги «Описания» работы в типографии затянулись. Нужно было отлить новый шрифт для славянского текста, затем много времени отняла ревизия Синодальной библиотеки, производившаяся в 1854 г. Поэтому «Описание» увидело свет только осенью 1855 г.

Так благополучно закончилась история с первой книгой «Описания». Своим благоприятным исходом она обязана блестящим ответом А.В.Горского на отзыв цензора, но и в не меньшей степени святителю Филарету. Не будь его во главе всего предприятия, такой цензорский отзыв, как отзыв архимандрита Иоанна, мог вполне погубить все дело. Поручая К.И.Невоструеву преподнести митрополиту первую часть «Описания», Горский писал: «Прошу покорнейше представить ее от нас Святителю, который указал нам этот труд и постоянно руководил нас своими советами и ободрял милостивым вниманием. Мы помним, и будем помнить, что без его сильного слова не видать бы нашей книге света. Представляя книгу, прошу все изъяснить нашему Покровителю смелым голосом чистой, искренней благодарности, чтобы он видел в этом не один формальный обряд, но чтобы в душе его ясно сказались наши чувства»⁷². И это искреннее чувство благодарности к святителю Филарету за защиту «Описания», выраженное А.В.Горским, должно быть близко всякому, кто дорожит успехами русской науки.

В дальнейшем публикации остальных томов был дан зеленый свет. В 1857, 1859 и 1862 гг. вышли из печати, соответственно, вторая, третья и четвертая книги «Описания», в которых охарактеризованы рукописи, содержащие различные сочинения отцов Церкви — экзегетические, догматические, учительные и т. п.⁷³

Наконец, в 1869 г. была напечатана пятая книга «Описания», посвященная рукописям с богослужебными текстами⁷⁴. На этом публикации результатов труда Горского и Невоструева прекратились, хотя работа с рукописями продолжалась вплоть до смерти К.И.Невоструева в 1872 г. и к печати был подготовлен еще один том, также посвященный богослужебным славяно-русским книгам. И только в 1917 г. его издал заведующий Синодальной библиотекой Николай Петрович Попов⁷⁵.

Последние два тома «Описания» впервые в отечественной археографии содержат очень подробную характеристику состава и текстов Служебников, Требников, Уставов, Октоихов, Триодей, Миней.

Добросовестный труд, которым по праву нужно назвать «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки», оказал большую услугу развитию славянской филологии. Об «Описании» говорили тогда все: говорили, что по полноте, основательности, глубине и подробности с ним не могут сравниться даже аналогичные описания старейших библиотек Европы, составленные западными учеными⁷⁶.

В 1867 г. Академия наук удостоила «Описание» первой Ломоносовской премии. Сообщить Горскому это радостное известие поспешили его друзья. Академик А.Ф.Бычков, извещая Александра Васильевича, писал ему 2 декабря 1867 г.: «Поспешаю передать Вам приятное известие об увенчании Ломоносов-

скою премиею во вчерашнем заседании Академии наук Вашего описания рукописей Синодальной библиотеки, этого многолетнего труда, обогатившего славянскую филологию и нашу литературу многими новыми данными. Академия наук на основании подробных отчетов, составленных мною и И.И.Срезневским, единогласно присудила Вам и К.И.Невоструеву премию и таким образом сумела воздать должное и заслуженное труду, которому подобных немного и в западно-европейской литературе»⁷⁷. В официальном отчете о полном присуждении Ломоносовской премии говорилось о том, что «Описание» представляет собой «такое произведение нашей научной литературы, которого достоинства ставят его в небольшой ряд самых важных явлений нашей нынешней научной литературы и дают ему право на особенное уважение Академии... явление важное, как в отношении к знаменитому книгохранилищу, заключающему в себе произведения древнего и старинного письма, необходимые для всякого, изучающего язык и литературу русского и всего славянского православия, так и по своему научному значению не только русской и славянской литературы, но и вообще в научной литературе европейской». «Таких произведений ума, учености, трудолюбия, внимательности в научной литературе нашей очень немного; немного таких произведений и в литературе западной Европы»⁷⁸.

§7. ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Первый том содержит описание синодальных рукописей Священного Писания. Ядро этого тома образуют три полных списка Библии, из которых старший написан в 1499 г. в Новгороде, при архиепископе Геннадии, «повелением его архидиакона».

При изучении данного разряда памятников описатели столкнулись с целым рядом вопросов. 1) Не сохранилось ли в этих рукописях остатков древнего, не дошедшего до нас перевода Священного Писания, сделанного славянскими первоучителями Кириллом и Мефодием? 2) Как образовалась та полная рукописная Библия на славянском языке, которая существовала до первых печатных изданий? 3) В каком виде вообще было известно Слово Божие нашим предкам?⁷⁹

Имея перед собой три полных списка Библии XV–XVI вв. — весьма редких памятников славянской письменности, а также небольшое количество отдельных списков книг Ветхого Завета, описатели занялись разрешением поставленных вопросов. Ответы на эти вопросы могли быть даны лишь при сличении списков между собой, сличением перевода с подлинником, т. е. сопоставлении славянского текста с греческим, латинским и еврейским текстами по различным редакциям. Необходимо было сверить текст рукописей и с Острожским печатным изданием Библии.

Такое сличение библейских текстов между собой должно было показать, по замыслу описателей, «один ли перевод Ветхозаветных книг дошел до нас в разных списках? Из сличения перевода с подлинным текстом должно было от-

крыться, все ли книги в полных списках Библии и в дошедших до нас списках тех или других книг Ветхозаветных переведены с греческого, или некоторые переведены с еврейского, или латинского. Все ли переводы одинаковы по своему достоинству? Особенности языка должны показать, к какому времени надлежит отнести перевод тех или других книг? Наконец, сличение рукописей с Острожским изданием Библии должно было определить, в каком виде текст рукописей перешел в первое печатное издание, откуда заимствован последующими?»⁸⁰

Важным открытием описателей стало то, что в Синодальном собрании ими был установлен древнейший полный рукописный свод книг Священного Писания (№1) — т. н. Геннадиевская Библия 1499 г. В подтверждение своего открытия Горский и Невоструев тщательно просмотрели печатные каталоги описанных в их время собраний: Румянцева, Толстого, Царского и Московского исторического общества, осмотрели библиотеки Троицкой Лавры, Московской Духовной Академии, Московского Чудова монастыря, Синодальной типографии, Успенского собора, Воскресенского, Ново-Иерусалимского, Иосифо-Волоцкого монастырей и некоторые частные собрания рукописей. Но нигде они не нашли полного списка Библии — ни до, ни после архиепископа Геннадия созданного. Описатели встретили только отдельные собрания библейских книг, тех же и в том же виде, в каком они были представлены в Синодальной библиотеке — книги Соломоновы, Иова и Пророков с толкованиями. Однако исследователи не нашли ни книг Пророков, ни других ветхозаветных книг в отдельном, древнем и первоначальном переводе, ни следов от книг Паралипоменон, Ездры, Товии, Юдифи, Премудрости Соломоновой и Маккавейских⁸¹.

Описатели установили, что текст ветхозаветных книг в трех полных списках Библии Синодального собрания (№1–3) один и тот же. Поэтому при исследовании текста ими за основу был взят древнейший список 1499 г. — Геннадиевская Библия. Несмотря на это, две копии Геннадиевской Библии все же охарактеризованы в «Описании». Это список 1558 г., написанный по распоряжению царя Ивана Васильевича иноком Иоакимом, и список приблизительно 1570–1571 гг.⁸² Постатейный обзор этих трех экземпляров показывает мелкие отличия в составе, ряд разночтений говорит о том, что они скопированы с общего списка, но не с рукописи Геннадиевской Библии⁸³.

Подробно исследуя особенности библейского текста, Горский и Невоструев определили, что Пятикнижие Моисеево представляет в переводе следы глубокой древности, и должно быть отнесено к остаткам первоначального перевода священного Писания на славянский язык.

Это подтверждается древними грамматическими формами, оборотами речи и словами, например: Исх. 9:37. *йчмы* (камень, ячмень); Числ. 20:14. *солъ* (посоль); Втор. 5:14, 16:11. *приходъ* (προσηλύτος), Исх. 13:15. *оужесточи ѣрце Фараѡново* (ожесточится — ἐσχήρυνε Φαραώ); Исх. 43:26. *прнде іѡеиѡѡ домовъ* (домой), *да вы повѣде* (да повѣдаю вамъ)⁸⁴.

Из древних старославянских слов встречаются: Быт. 6:16. *изтворнши пождѣ* (κατάγαια — помость) *из ѣтрѣпы ѣгѣбы*; Исх. 22:17. *мнло двѣико* (ἡ φερνὴ τῶν παρθενῶν — приданое); Исх. 27:8. *и трѣбникъ* (олтарь) *дрѣпль* (κοῖλον — полость)

доцѣнѣ створиши; Исх. 32:22. нарон (ὄρη — *ярость, устремление*); 20:10. да ѿи ѿ каменн сего ѿведемъ ваи водѣ (μή — ἐξάξωμεν — *ужели изведем?*); Втор. 18:3. ѿ кладѣщѣхъ громѣхъ (παρὰ θυόντων τὰ θύματα — *от приносящих жертвы*)⁸⁵.

Описатели установили, что перевод Пятикнижия представляет собой много других особенностей, указывающих на его древность, и несогласие с нынешним, что особенно ярко выражено в следующих примерах:

Быт. 38:19. ризы оустрѣ (τὸ θερὶςρὺν — *летние, нарядные*); Быт. 40:1. старѣишина медареккѣ (ὁ ἀρχιοινοχόος — *начальник виночерпиев*); Числ. 13:45. ризы его да бѣдѣхѣ оутлы (παράλελυμένα — *раздраны*); Числ. 34:3. ѿ краѣ моря лѣчькаго (τῆς ἀλυκῆς — *соленого*); Втор. 10:2 и впишу на таблѣ слова (от лат. tabula, ἐπὶ τὰς πλάκας)⁸⁶.

Говоря о тексте Пятикнижия в Геннадиевской Библии, следует заметить, что в современной науке существуют мнения, опровергающие вышеизложенные выводы Горского и Невоструева о глубокой древности перевода. Так, А.М.Камчатнов, ссылаясь на А.В.Михайлова⁸⁷, считает, что описатели неправильно определили редакцию Пятикнижия в Геннадиевской Библии. «К сожалению, А.В.Горский и К.И.Невоструев не привлекли к сравнению паримейники; если бы они это сделали, то сравнение доказало бы, во-первых, что текст Пятикнижия в Геннадиевской Библии отнюдь не древнейший, и, во-вторых, что перевод этих книг в паримейных частях сходен с переводом в цитатах у Илариона. Таким образом, цитаты как критерий древности текста и перевода не были использованы авторами «Описания» до конца, поэтому их заключение о том, что перевод Пятикнижия из Геннадиевской Библии является остатком кирилло-мефодиевской литературной деятельности, неверно»⁸⁸. В то же время А.А.Алексеев считает текст Пятикнижия Геннадиевской Библии болгарским переводом X в.⁸⁹ Алексеева поддерживает Р.К.Цуркан, который вслед за И.Е.Евсеевым относит Пятикнижие в геннадиевском своде к текстам 1-й группы симеоновской школы X–XI вв.⁹⁰ Несмотря на эти заявления авторитетных ученых, мы остаемся на стороне Горского и Невоструева. Описатели нигде прямо не заявляют о том, что Пятикнижие представляет собой именно кирилло-мефодиевский перевод, не указывают и век, когда появился текст, они говорят лишь о его «глубокой древности». Такая относительная датировка оставляет пути для различных вариантов определения хронологии текста — что же можно понимать под терминами «древнейший», «глубокая древность»? Представляется, что мнение Алексеева о болгарском переводе X в., с учетом представленных Горским и Невоструевым лингвистических данных на материале самой рукописи, ближе всего соответствует пониманию текста Пятикнижия как «древнейшего».

Примечательно, что ни в одном из полных списков Библии не помещена обличительная песнь пророка Моисея (Втор. 32:2–43). Описатели считают, что она «опущена во избежание двойного перевода, так как по церковному употреблению она помещается вместе с другими библейскими песнями после Псалтири, которая, как известно, была переведена отдельно, ранее Пятикнижия»⁹¹.

Аналогичным образом (сверяя рукопись с греческим текстом) Горский и Невоструев установили, что книга Иисуса Навина принадлежит к числу древних

переводов по Александрийскому и Ватиканскому спискам, а книги Судей и Руфь следуют Александрийскому кодексу. Но текст четырех книг Царств и Притчей Соломона представляет меньше следов древности и менее точен в переводе. Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова и Екклесиаст имеют правильный перевод, но язык текста новее.

Книга псалмов, несомненно, дошла до нас в древнейшем переводе. Древность текста показывают старославянские грамматические формы, слова и правописание: Пс. 50:14. *дѣхомъ влѣчомъ* (твор. пад. ед. ч.); Пс. 2:8, 50:21. *кѡнцѣмъ, телцѣмъ* (вин. пад. ед. ч.); Пс. 50:18. *далъ бѣмъ* (старая форма сослагат. накл.); Пс. 7:8. *сѣнемъ* (*сонмъ*), 109:2. *Ѹделѣши* (*будешь владычествовать* — *катакуріеуе*).

В правописании употребляются редуцированные *ѣ* и *ѵ*: *ѡ тѣмъ людѣмъ, плѣтѣ*; и сочетания редуцированных с плавными: *растрѣгнѣмъ, ѡбръземъ, вѣрѣмъ, вѣ грѣдогнѣмъ, тѣмъ*. Часто встречается большой юс: *лѣжѣ, тѣмъ, ѡгнѣ, ѡтѣмъ*. Однако большой юс употребляется не везде правильно, например, в аористе 3 л. ед. ч. *жѣ* стоит вместо *ѣ*: Пс. 17:5, 8. *одѣжѣмъ, смѣтѣмъ* и т. д.; Пс. 11:6. *не ѡбѣмъ*. И наоборот *жѣ* заменяется *ѣ*: Пс. 6:1. *гарѣтѣмъ твоемъ*; Пс. 15:7, 17:1. *бѣмъ, вѣмъ* (вместо *благословѣмъ, возлюбѣмъ*)⁹².

То, что в полных списках Библии Синодальной библиотеки помещена Псалтирь с древнейшего списка, видно также из сравнения ее с рукописью №131 собрания графа Н.П.Румянцева (Псалтирь с толкованием, приписываемым святителю Афанасию Александрийскому)⁹³ и с рукописью Псалтири 1296 г. Синодального собрания №13 (235).

Все вышеперечисленные книги вошли в состав полных списков Библии из рукописей, содержащих один текст. Но книга Иова, Песнь Песней и шестнадцать Пророческих книг, по данным описателей, извлечены из переводов, содержащих текст Священного Писания с толкованием святых отцов. Это доказывают уцелевшие местами посторонние слова, относящиеся к толкованиям, опущения и перестановки текста, а также сами списки толкований, из которых толкование Пророческих книг было известно на Руси еще в первой половине XI в.

По всей видимости, первоначальный кирилло-мефодиевский перевод этих книг утратился в связи с тем, что в древности чаще читали, а значит, и списывали не отдельный текст Священного Писания, а в соединении с толкованиями и объяснениями его святых отцов. Поэтому неудивительно, что именно вместе со святоотеческими толкованиями, а не отдельным переводом, указанные ветхозаветные книги были распространены на Руси в конце XIV в. Вот как об этом говорят сами описатели: «Утрата отдельного перевода некоторых книг ветхозаветных объясняется распространением списков, в которых содержался тот же текст с толкованием. Для церковного употребления при богослужениях собственно нужны были собрания паремий. Для частного употребления более могли быть полезны книги с толкованием Св. Отцев. Потому вероятно, что книги Св. Писания с толкованием чаще были переписываемы, нежели книги без толкования. Оттого при составлении полного списка Библии нужно было прибегнуть к извлечению текста книг пророческих и других из толкований»⁹⁴.

Славянский перевод книги Иова, за исключением первых глав, позднее исправленных, имеет признаки глубокой древности, об этом говорят старославянские грамматические формы и сами слова. Иов 11:8. *высоче, глѣбѣ* (сравнит. степень); 15:14. *бѣдын* (полн. прич.); 40:8. *лнчеса* (указывает на смешение склонений на *jo и *es); 41:12. *пламы* (им. пад. ед. ч.); *домшве нѣ гоѣзѣн сѣть* (*обильны* — ἐυθηνέσι); 22:3. *бреже* (печется); 2:8. *бръзель* (черепок — ὄσραков); 7:14. *прежасашн* (*ужасаеши*); 7:20. *поѣмникъ* (*доносчик*); *прнтокъ* (*кольцо* — κρίков); *гостинница* (*стези, пути* — ἀτραπές)⁹⁵.

Перевод книги пророка Исаии принадлежит глубокой древности. Текст книги, вошедший в полный список Библии вместе с толкованием, извлеченным из разных писаний святых отцов, известен был на Руси еще в первой половине XI в. В подтверждение этих выводов описатели ссылаются на список книг пророческих, сделанных попом Упырем для Новгородского князя Владимира Ярославича в 1047 г.⁹⁶ Горский и Невоструев установили единство текста в списках Библии и в толковании на пророческие книги, а также заимствования библейского текста из толкования.

Признаком глубокой древности славянского перевода книги пророка Исаии служат элементы старославянского правописания, сохранившиеся даже в поздних списках XVI в. Это употребление редуцированных *ѣ* и *ь*: *быѣ, дньѣ, оьлѣ, о дзѣрьѣ, градѣ, начатъкъ, вьнѣ* (*въ онѣ*), *зълѣ* (*золѣ*), *сѣвѣпрашаемъ*; и сочетания плавных с редуцированными: *сѣдѣемъ, чръвленн, вьзна, хълмъ, кръчѣмьницы*. Примечательно употребление неполногласных старославянских форм в словах *прѣдѣ, прѣднѣ, прѣпошешнѣ*. Часто встречается *ж*, например: *ржкъ, хоцѣж, жидовьскѣ, погѣбѣж, мздож*. Признаками старославянизмов служит употребление *ы* в сочетаниях с буквами *к, г, х*⁹⁷. Следующие написания: Ис. 1:4. *нѣдранѣва*; 11:13. *вѣздрѣвнѣть*; 45:1. *раздрѣшѣ*; 60:5. *вѣзѣрадѣшнѣ*, отражают действие закона восходящей звучности.

О древности текста говорят и грамматические формы, восходящие к старославянской традиции: Ис. 11:9. *морѣа* (вин. пад. мн. ч.); 2:8. *дѣлѣа* (род. пад. мн. ж.); 23:15. *блѣдница* (род. пад. ед. ч.); 9:9. *высокомѣ рѣцѣмѣ* (твор. пад. ед. ч.); *сѣкрывагѣа* (повел. накл.)⁹⁸. Пример старой формы в 7:14. *родитѣ ѿнѣ* объясняется тем, что это существительное первоначально принадлежало к склонению с основой на -й⁹⁹.

Старославянские слова: Ис. 1:6. *ѡбѣжъ* (*обаяние* — катаδέμος); 1:14. *алканіѣ* (*постѣ*); 1:15. *молѣа* (*молитва*); 2:16. *ѡзрьѣ* (*видение* — θέα); 3:2. *цѣдѣа* (*исполн* — γίγας), *гатаѣцаѣго* (*гадателя* — σοχαστήν); 9:10. *сѣмрѣчѣ* (*кедр* — κέδρος); *мѣръ* (*мурин, эфион*); *болѣдѣть* (*болит, страдает* — ὀδυμάται). Неоднократно в тексте встречается частица *ѡто* (*и так*), которой ничто не соответствует в греческом оригинале, например: 23:7. *нѣ бѣ ли ѣ ѡто. ѡкоризнѣ вамѣ* (ἐκ αὐτῆ ἢν ὀμῶν ἢ ὀβρις)¹⁰⁰.

Описатели установили, что в полных списках славянской Библии содержатся переводы не только с греческого языка. Книга Есфирь переведена с еврейского, а две книги Паралипоменон, три Ездры, Товии, Юдифи, Премудрости Соломоновой и две Маккавейские переведены с латыни. Кроме того, с Вульгаты

были переведены предисловия блаженного Иеронима к перечисленным выше книгам, за исключением Есфири и Иеремии, а также безыменная третья статья в предисловии, посвященная делению Священного Писания на два Завета¹⁰¹. По Вульгате же проведена разбивка на главы всего библейского текста.

Книга Есфирь состоит из 16 глав. Описатели определили, что первые девять глав переведены прямо с еврейского языка. Перевод соответствует подлинному еврейскому масоретскому тексту, отступая как от греческого, так и от латинского вариантов. Например: 9:5. *и ѿдолша юден всѣмъ врагомъ своимъ раною мечною и ѿбненіемъ и погубленіемъ, и створиша всѣмъ вразѣ своимъ волю свою.* Евр.: *קָרַב וְהָרַג וְהָבִיטוּ בְּשָׂאֵיהֶם בְּרֵעֵיהֶם וַיַּחַדּוּ וַיִּכּוּ כָּל אֹיְבֵיהֶם מִבָּרֶחַק*. На греческом языке ни по Ватиканскому, ни по Александрийскому спискам этого стиха нет. Вульг.: *itaque percusserunt Judaei inimicos suos plaga magna, et occiderunt eos, reddentes eis quod sibi paraverant facere*¹⁰².

Собственные имена передаются в еврейской традиции, а не так, как они известны в греческом и латинском переводе. Так, царь Артаксеркс постоянно называется *Ἀρταξερξης* (1:1, 2:9, 2:1) евр.: *אַרְטַחְשֶׁרֶשׁ*, греч.: *Ἀρταξέρξης*, Вульг.: *Asserus*; Индия (1:1, 8:9) — *Ἰνδία*, евр.: *יִנְדִּיָּה*, греч.: *Ἰνδική*, Вульг.: *India*. Эфиопия — *Ἰθιοπία*, евр.: *אֶתְיוֹפְיָה*, греч.: *Αἰθιοπία*, Вульг.: *Aethiopia*¹⁰³.

После еврейских названий месяцев прибавляются и общепринятые. 2:16. *въ мѣсѣ. і. глѣущіа тебѣдѣ, по жидовскомъ. а по греческы декабрь; 3:7. къ мѣсѣ. в. иже есть адаръ рекомыи мартъ; 8:9. въ мѣсѣ. г. и то е мѣсѣ сиванъ рекомыи июнь.* В 3:9. переведено: *ѣ. капѣи сребра, вместо девять тысячъ талантовъ* (*שֶׁשֶׁתּ כֶּסֶף קֶרֶבַח*)¹⁰⁴.

Обилие лексических полонизмов в тексте позволило описателям сделать вывод, что перевод книги сделан, вероятно, близ Польши или выходцем из этой страны. Например: 1:19. *аще црѣви оулюбѣе (угодно); 2:4,9. оулюбѣи — оуборзи пристрою ей (постышилъ къ приготовленію ея); 2:10. мардохан заповѣдалъ ей абы (чтобы) не повѣдала; 3:5, 5:9. прикажѣа (припадая); 5:11. расповѣда ѿма (повѣдалъ); 1:17. не оубрѣдѣти (uradzić) мѣжъ своимъ (не почитать); 8:16. ѡхота (веселіе)*¹⁰⁵.

Вторая часть Книги Есфирь с 10 по 16 главы, сохранившаяся только на греческом языке и в латинском переводе, была переведена с Вульгаты. Описатели установили, что русский перевод буквально сходен с текстом Вульгаты, где часто латинские слова транслитерируются русскими буквами¹⁰⁶.

При сопоставлении текста книг Паралипоменон, Ездры, Товии, Юдифи, Премудрости Соломоновой и Маккавейских выяснилось, что славянский перевод практически целиком соответствует тексту Вульгаты, отличному от греческого текста LXX:

1 Пар. 16:30. *да подвижѣтсѣ ѡ лица его всѣа земля. тѣ бо сзда вселеннѣю неподвижнѣ.* Вульг.: *Commovetur a facie ejus omnis terra: ipse enim fundavit orbem immobilem.* Греч.: *φοβηθήτω ἀπὸ ροσώπου αὐτοῦ πᾶσα ἡ γῆ, ατορθωθήτω ἡ γῆ, καὶ μὴ σαλευθήτω.* 2 Пар. 35:3. *Левити же къ которомъ наѣченію весь іѣль ѡсѣти шѣа гѡѣ: глѣаъ ѣ поставите кивотъ въ стѣльство црѣкви что сзда соломонъ.* Вульг.: *Levitis queque, ad quorum eruditionem omnis Israhel sanctificabatur Domino, locutus est: ponite arcam in sanctuario temple, quod aedificavit Salomon.* Греч.: *καὶ*

ἔειπε τοῖς λευítaις τοῖς δυνατοῖς ἐν παντὶ Ἰσραὴλ, τοῦ ἁγιασθῆναι αὐτοὺς τῷ κυρίῳ. Καὶ ἔθηκαν τὴν κιβωτὸν τὴν ἀγίαν εἰς τὸν ὄικον, ὃν ὠκοδόμησε Σαλωμῶν. Τοῦ. 1:1.
 ТОВАІА ѿ КОЛѢНА Н ГРАДА НЕПТАЛИМА НЖЕ Е ВЪ ВѢШННѢ ГАЛІЛЕИ СЪБЫШЕ НААЗОНА ПО
 ПДѢТИ НЖЕ ВЕДЕТЪ КЪ ЗАПАДЪ ѡШДЮЮ НМЕЮЩИ ГРАДЪ СЕФЕТЪ. Вульг.: Tobias ex tribu et
 civitate Nephtali, quae est in superioribus Galileae supra Naasson, post viam, quae
 ducit ad occidentem, in sinistro habens civitatem Sephet. Γρεχ.: βίβλος λόγων Τωβιτ,
 τοῦ Τωβιήλ, τοῦ Ανανιήλ, τοῦ Αδεήλ, του Ταβαήλ, ἐκ τοῦ σπέρματος Ἀσιήλ, ἐκ τῆς
 φυλῆς Νεφθαλεὶμ¹⁰⁷.

Многие латинские слова из Вульгаты написаны в русской транслитерации без перевода в самом тексте, иногда с объяснениями на полях, при этом не совсем точными. Приведем примеры: 1 Пар. 1:48. близъ амнемъ (iuxta amnem); 13:1. нача же избѣтъ дѣдъ кѣмъ трнебѣннѣхъ (cum tribunes), на полях: из законники; 13:7. на плауѣстрѣмъ (super plavstrum), на полях: плаѣстрѣмъ ꙗко колесо; 16:3. тор-та хлѣба (torta); 16:5. лигасъ (lygas); фѣнникѣмъ достоѣнїа (funiculum), на полях: разлѣченїе; 2 Пар. 6:13. избвори соломонъ базимъ меданъ (basim) ѿ постави ѿ посреѣдѣ базилисе (basilicae), на полях: цркъмъ полаты; 20:36. класемъ (classem), на полях: вонико морское; Неем. 2:16. магистратосъ (magistratus); 12:42. вѣктимасъ (victimas)¹⁰⁸.

Как видно, ветхозаветные книги, переведенные с Вульгаты, пестрят лексическими латинизмами, которые иногда сопровождаются славянскими соответствиями на полях. Горскому и Невоструеву это обстоятельство дало основание для того, чтобы сделать вывод о недостаточном знании переводчиком латинского языка или же о его желании украшать свою речь латинизмами, как это было в моде у польских писателей XVI–XVII вв.¹⁰⁹

Сам перевод с Вульгаты был сделан в России в конце XV в., в одно время с появлением старшего списка полной Библии. Это доказывается из соответствующих речевых оборотов и слов:

1 Пар. 10:3. стрелцы; 2 Пар. 18:7. ѿ мѡжз ѣдннхъ вь которѡмъ можемъ взыскати гнѡю волю; 35:15. да ни точки бо ѡходниѡ ѡ слѡжбы (ita ut nec puncto quidem discederent a ministerio); 1 Езд. 6:2. кремль (castrum); 2 Езд. 2:10, 11. ѡстѡлз, взылз, предалз и т.п.; 3 Езд. 1:9. доколѣ нѡ потерпѡю которыѡ толѡко добротвореніе взыдалз; Тов. 4:20. таможникз; Юдиф. 2:2. взывалз же всеѡ боевѡдз бранныѡ своиѡ. ѡ ѡмелз сь нѡми тѡниѡ свѣѡта; 16:12. ѡдальство (audacia).

По компетентному и справедливому мнению описателей, основанному на представленных выше лингвистических данных, «собрание ветхозаветных книг, какое имеем в полных списках Библии, справедливо можно назвать Новгородским, и должно отнести к концу XV столетия и приписать заботливости архиепископа Новгородского Геннадия. Несомненно, известно, что он, имея дело с еретиками и жидовствующими, отыскивал по монастырям русским разные книги Ветхого Завета. Известно также, что он поручал переводить некоторые книги Ветхого Завета с латинского языка. И при нем же, спустя шесть лет после перевода последних книг ветхозаветных, в Новгороде писан старший из списков полной Библии, какие имеем в рассмотрении, и при этом списке помещен тот же самый перевод с латинского»¹¹⁰.

Что касается предпочтения, отданного в Новгороде латинскому оригиналу, то его следует признать закономерным. С одной стороны на Руси действительно не знали в это время греческого языка. Известно, что несколькими десятилетиями позже Максим Грек должен был делать свои переводы на латынь. А уже с латыни на церковнославянский переводили приставленные к Максиму переводчики. С другой стороны, полного греческого текста в это время напечатано еще не было, полные библейские рукописные кодексы были в редкость, так что обращение к печатному тексту Вульгаты следует признать естественным¹¹¹.

Говоря в целом о ветхозаветных книгах в Геннадиевской Библии и ее списках, следует согласиться с мнением Горского и Невоструева о том, что состав книг образовался в конце последнего десятилетия XV в. под влиянием людей, положивших за основу латинский перевод Священного Писания. Это доказывают: «порядок, в котором ветхозаветные книги расположены в наших списках и потом в изданиях, отчасти различающийся от порядка, в каком представляют их греческие рукописи, и вполне согласный с порядком Вульгаты. Это особенно может быть определено по тому месту, какое занимают в целом составе ветхозаветных книг и во взаимном порядке книги 3-я Ездры и Маккавейская; порядок, в какой приведены главы в некоторых книгах ветхозаветных, например, в книге Притчей и Сираха... предисловия к Библии, переведенные с латинского и немецкого»¹¹².

Действительно, рассматривая предисловие и оглавление в Геннадиевской Библии, описатели выяснили, что они переведены с немецкого оригинала, о чем говорят встречающиеся здесь ссылки на немецкую традицию Священного Писания. А.А.Алексеев, считает, что «по всей вероятности, было использовано кёльнское издание немецкой Библии 1478 г. (Miller 1978). Как кажется, из толкований Николая Лиранского (его *Postilla* были изданы в Нюрнберге в 1493 г.) заимствовано одно замечание на Маккавейские книги»¹¹³.

Описатели выяснили, что князь Константин Острожский, издавший в 1581 г. первую в России печатную славянскую Библию, пользовался списком, текст которого был одинаков с текстом Геннадиевской Библии. Но издатели подвергли его пересмотру и новому сличению с греческим и латинским текстом. Там, где перевод Вульгаты сходен с греческим вариантом, там Острожское издание совпадает с Геннадиевской Библией, а где разнится — печатный текст совпадает с греческим текстом. При этом острожские издатели «исправляли и слог, заменяя поздние и народные слова списков древними и церковными»¹¹⁴.

В описании Синодального собрания указывается дальнейшая судьба славянского перевода ветхозаветных книг, помещенных сразу же за тремя полными списками Библии. Описателями изучены рукописи, содержащие в себе список Ветхого Завета с исправлениями, сделанными в первой четверти XVIII в. по повелению Петра I учеными богословами во главе с архимандритом Феофилактом Лопатинским и греком Софронием Лихудом. Описатели установили, что исправление состояло в замене устаревших, непонятных и неточных слов. Были устранены грамматические неточности в согласовании перевода с греческим текстом по Ватиканскому и Александрийскому спискам. Вместе с исправлением перево-

да по греческому тексту исправители пользовались Вульгатой и еврейским переводом, но только тогда, когда это способствовало более ясной и в смысловом отношении верной передаче ветхозаветного текста¹¹⁵.

Эти исправления 1714–1720 гг. с некоторыми дополнениями были почти полностью приняты в исправление текста Елизаветинской печатной Библии 1751 г.

Из представленного обзора мы можем сделать вывод о том, что на материале библейских рукописей Синодальной библиотеки объясняется как древнейшее состояние славянского текста ветхозаветных книг, так и его особенности в переходный к современному состоянию период. По компетентному свидетельству И.И.Срезневского, «эта часть Описания принадлежит к числу лучших филолого-литературных исследований в нашей литературе, представляя, можно сказать, образец подобного рода трудов»¹¹⁶.

§8. ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ НОВОГО ЗАВЕТА

В Синодальном собрании текст Новозаветных книг исследован Горским и Невоструевым как в полных списках Библии, так и в отдельных списках Евангелия и Апостола, расположенных или в порядке книг (тетры), или в последовании церковных чтений (апракосы). Среди отдельных списков книг Нового Завета встречаются рукописи всех столетий, от XII в. до XVII в.

Все рукописи подвергнуты описателями обширной лингвистической критике. Сначала исследуется по отдельности каждый памятник, а затем дается общая характеристика славянского текста с обобщающими выводами о судьбе новозаветного перевода в его отечественной рукописной традиции.

Анализ отдельных списков Евангелий описатели производят по схеме, предложенной Востоковым: устанавливается тип правописания, выявляются особенности грамматических форм, определяются лексические разночтения, славянский текст сопоставляется при необходимости с греческим или латинским вариантом.

Вот какие данные описатели получили при анализе старейшего Галицкого Четвероевангелия 1144 г. (№20): «Правописание Евангелия русское, без юсов, употребляется **к**, **и** — правильно, но вместо **ка** почти всегда пишется **ѡ**; не всегда соблюдаются и древние полугласные **з** и **ь**, напр., вопреки правописанию списка Остромирова: **никто**, **никде**, **чо**; но постоянно: **кѡгда**, **чѡгда**. Иногда над гласными, имеющими ударение, также чистыми, пишется знак **^**: **рахѣль**, **гѣта** (вм. **iota**). Сей знак употребляется и после **л** и **н**, как знак выбрасывания еря: **к нѣм**, **дрѣвѣльнѣмъ**, а при прочих согласных — ера: **пѣано**, **хрѣщахѡуѣмъ**, **аггѣзъ**, **возмоуѣтъмъ**»¹¹⁷.

В рукописи после **ж**, **ч**, **ш** и **щ** пишется по-старославянски **ѡ** вместо **а**, что свидетельствует о том, что шипящие к этому времени еще не отвердели. После **ж** вместо **ѡ** употребляется **ѣ**. Матф. 5:11, 45. **нѣѣноуѣтъ**, **дѣжѣнѣтъ**, что подтверждает юго-западное происхождение памятника. Именно в галицко-

двинулись в средненебную зону без изменения основной артикуляции¹²⁵. Отмеченные в памятнике примеры написания шипящих и *ц* с *ы* и *а* указывают на завершившееся отверждение этих согласных в языке XIV в.¹²⁶

В правописании употребляются черты билабиального произношения: *вотъ* вместо предлога *отъ*: Ин. 1:13. *вотъ* бѣ. Примеры в Мк. 6:36. *да шѣдшо*; 37:38. они же отражают изменение *е* > *о* в положении после шипящих и *ц*. Отражением русского произношения служит написание в Ин. 1:6. *їванъ*¹²⁷.

По аналогии с представленными выше примерами Горский и Невоструев исследовали остальные списки Евангелий и Апостола, находившихся в Синодальном собрании. Затем описатели приступили к сравнению списков между собой. Для того чтобы это сравнение было максимально эффективным, они решили взять за основу тексты памятников, наиболее приближенных к первоначальному тексту Нового Завета на славянском языке. Таким списком для Евангелия был принят Остромиров, несмотря на то, что он представляет собой неполный апракос, ибо расположен по церковным чтениям от Пятидесятницы только на субботные и воскресные дни. Для Апостола был выбран текст рукописи 1220 г. (№95), содержащий в себе толкование на первые пять посланий апостола Павла. «Текст апостольский в этом толковании, как открылось из сличения с греческой рукописью Синодальной библиотеки, содержащей в себе тоже изъяснение, переведен не вместе с самим толкованием, но взят уже готовый и, следовательно, принадлежит древнейшему времени»¹²⁸.

Сличение Синодальных списков Евангелия с Остромировым и между собой привело к следующим результатам.

Большая часть древних списков полнее Остромирова, т. к. содержит чтения на все дни года. При этом только два списка 1144 (№20) и 1383 (№26) годов (Тетроевангелия) представляют текст каждого евангелиста в полном и правильном варианте. Большими неточностями и разночтениями отличались Евангелия-апракосы, расположенные по порядку церковных чтений, которые «в начале сих чтений иное опускали, другое прибавляли, иногда соединяли сказанное в разных местах, даже у разных евангелистов»¹²⁹.

Значительная разность списков Евангелия между собой произошла от разночтений греческого текста, или от замены одних слов другими вследствие исправления древнего перевода, казавшегося неточным или неясным, или от ошибок самих переписчиков. Разнообразие евангельских списков, расположенных по церковным спискам (апракосов), с течением столетий так возросло, что в конце XIV в. были введены в употребление Четвероевангелия, вновь сличенные с греческим текстом. Описатели выдвинули следующую гипотезу: «Вероятно, это разнообразие списков, не позволявшее в сомнительных случаях остановиться ни на каком чтении с достоверностью, и желание читать слово Христово в переводе более-менее удостоверительном, побудили св. Алексия, митрополита Всероссийского, заняться вновь переложением с греческого всех книг Новозаветных в полном виде, не по церковным чтениям. Но не этому труду назначено было исправить распространявшееся повреждение. Совершенный келейно, он не оставил видимого влияния на улучшение списков»¹³⁰.

В то же время тетры, не будучи в общем церковном употреблении, реже переписывались и, следовательно, более сохраняли первоначальный исправный текст. Оставалось сличить такие тексты с греческим вариантом. Опыт такого исправления представляет пергаментный список Тетроевангелия (№26), списанный в Константинополе в 1383 г.¹³¹ Объясняя данный факт, описатели приводят следующую историческую справку: «Русские живали тогда в Цареградском Студийском монастыре и занимались списыванием книг, как упоминает паломник Стефан Новгородец, бывший в Константинополе при Патриархе Исидоре (сконч. около 1349 г.). Одним из таких пришельцев написано сие Тетроевангелие. Вероятно, оно здесь же было исправлено и могло быть вывезено отсюда митр. Пименом, Киприаном, архиеп. Дионисием Суздальским, Феодором Ростовским или кем другим. Тогда пастыри русские часто ездили в Константинополь по своим делам»¹³².

Описатели замечают, что примерно в то же время, вероятно при митрополите Киприане, в России появились списки тетров из южных славянских стран с предисловиями Феофилакта Болгарского, с нынешним счетом зачал, но отличные от русского правописания и по исправлениям очень близкие пергаментному списку 1383 г. Как известно, в этот период на Руси начинается второе южнославянское влияние, и оно, несомненно, сказывается на евангельских текстах русской рукописной традиции. В итоге появляется более единообразный евангельский текст вместе с распространением тетров и уменьшением числа апракосов. На переходе к позднему, более исправному и единообразному тексту стоит как раз Константинопольское Четвероевангелие 1383 г.

Такое же явление представляют и списки Апостола. В апракосных списках наблюдаются значительные расхождения в тексте. Но с постепенным распространением списков, содержащих Деяния и Апостольские Послания по порядку, текст становится единообразным.

Говоря о тексте позднейших списков Евангелия и Апостола, распространившихся в четвѣм варианте, следует указать, что он тот же самый, что и в полных списках Библии.

Отдельных рукописей Апокалипсиса в Синодальном собрании не оказалось, а находящийся в полных списках Библии Апокалипсис извлечен из Толкования на него Андрея Кессарийского по рукописям XIII в.¹³³

Подводя итог вышеизложенному обзору описания рукописей Синодальной библиотеки, содержащих Священное Писание, следует отметить следующее. По наблюдениям и соответствующим доказательствам Горского и Невоструева нужно признать, что: 1) перевод Пятикнижия Моисеева носит следы глубокой древности; 2) древний перевод книг Пророков сохранился лишь частично в объеме книг Софонии, Аггея, Захарии и Малахии; 3) книги Иова, Песни Песней, Пророков (за исключением названных четырех) и Апокалипсиса извлечены из толковых версий; 4) первая половина книги Есфирь переведена с еврейского языка; 5) служебный текст Евангелия переписывался чаще и в древности был распространен шире, чем четий текст; 6) в XIV–XV вв. у южных славян была проведена правка новозаветного текста по греческим оригиналам, и в резуль-

тате второго южнославянского влияния распространился единообразный текст и в России; 7) те библейские книги, которые отсутствовали в славянской рукописной традиции, были переведены для Геннадиевской Библии с латинского оригинала.

Однако относительные датировки, предложенные в «Описании», лишены исторической точности. Тексты характеризуются как «древние», «древнейшие» или «менее древние» без достаточной убедительности. При этом, по мнению А.А.Алексеева, в «Описании» не хватает южнославянского литературного фона: «Отмечаемая близость славянских текстов к Ватиканскому или Александрийскому кодексам Септуагинты, конечно, не дает права на какие-либо выводы. Эти недостатки отражают состояние науки в ту эпоху, когда славянская библейская филология делала свои первые шаги»¹³⁴.

§9. ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ ТВОРЕНИЙ СВЯТЫХ ОТЦОВ

Следующий раздел описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки включает в себя писания святых отцов и учителей Церкви¹³⁵. В первой части разобраны толкования на Священное Писание, во второй — писания догматические и духовно-нравственные, в третьей — богословские сочинения.

Описание рукописей, содержащих толкование на Священное Писание, следует по порядку библейских книг. Горский и Невоструев рассмотрели «Шестоднев», толкования на книгу Бытия, Иова, на Псалмы, книги Пророков и весь Новый Завет. При описании и разборе данного рода памятников исследователи руководствовались методами, примененными в первом томе «Описания». Они обращались к подлинному тексту толкований по изданиям святых отцов на греческом и латинском языках. Для анализа неизданных на греческом языке памятников описатели пользовались греческими рукописями Синодального собрания. При рассмотрении переводов обращалось внимание на их близость к подлиннику, а в древнейших — на язык перевода.

Так, при описании «Шестоднева» Иоанна Экзарха Болгарского, в дополнение к исследованиям Калайдовича, описателями было указано, что некоторые фрагменты взяты Иоанном из творений Василия Великого и Севериана¹³⁶. При описании рукописей, содержащих толкование Псалтири Афанасия Александрийского, Горский и Невоструев заметили, что это толкование отличается как от помещенного в творениях святителя Афанасия, так и от греческих рукописей, где оно встречается под именем Оригена¹³⁷.

При рассмотрении писаний догматических и духовно-нравственных, как и в предыдущих томах, для сочинений, переведенных с греческого или латинского языков, описатели восстанавливали первоначальный текст по изданиям и рукописям. При этом устанавливались статьи, содержащие подложные сочинения.

Так, например, «Слово на Пасху», переведенное Константином Болгарским, приписываемое в русских рукописях Афанасию Александрийскому и изданное

на греческом языке между подложными сочинениями Иоанна Златоуста, не принадлежит ни тому, ни другому, что доказывается внутренними и хронологическими признаками¹³⁸.

Было установлено, что замечательные приложения Иоанна Экзарха к переводу «Богословия» Иоанна Дамаскина, не имеющие в надписании имени сочинителя, принадлежат различным писателям: Феодориту Кирскому, Григорию Нисскому и Епифанию Кипрскому¹³⁹.

Руководствуясь данной методой, Горский и Невоструев смогли сделать важные открытия. Вот как сами описатели об этом пишут: «Но трудности дела вознаграждаются своего рода приобретениями. Сличение славянских переводов с греческим текстом открыло некоторые новые, ныне не известные, или еще неизданные писания отцов. Так, по нашим рукописям, к писаниям св. Мефодия Патраского должно причислить еще четыре «Слова», у западных издателей не встречающихся; и, сверх того, значительно дополняются и приводятся в правильный порядок другие сочинения того же отца, известные ныне в отрывках. Открылась новая редакция христианской переделки сочинения стоика Эпиктета, приписываемая св. Максиму Исповеднику во 100 главах. Ему же (св. Максиму. — А.М.) присволяется в наших рукописях еще сочинение духовно-нравственного содержания под названием «Кормчий». В славянском переводе сохранился древний патерик, по главам описанный Фотием, патриархом Константинопольским, и изданный только на латинском языке»¹⁴⁰.

Описатели смогли установить, что и в отношении к изданным святоотеческим творениям славянские переводы имеют большое значение — подтверждением или исправлением их текста. Это видно при разборе «Огласительных бесед» Кирилла Иерусалимского¹⁴¹, при сличении списков «Лествицы» с греческим текстом¹⁴² и в других местах¹⁴³.

Второй раздел «Описания» по сравнению с первым имеет меньше выписок и лингвистического анализа, что обусловлено спецификой исследуемых памятников, однако в некоторых случаях Горский и Невоструев используют всю широту своих археографических и лингвистических интуиций. Для примера укажем на древнейшую славянскую рукопись Синодальной библиотеки — Изборник 1073 года, которая прежде была внимательно изучена Востоковым в его «Описании рукописей Румянцевского музея»¹⁴⁴ по копии, сделанной Ратшиным для графа Н.П.Румянцева.

Описание Изборника 1073 г. у Горского и Невоструева строится по следующей схеме. После общих палеографических известий о рукописи представлено ее содержание по листам. В заметках к первым трем листам, заключающим в себе изображения и предисловие писца, представлено рассуждение описателей о записи на 263 л., где находится следующий текст: *въ лѣто. 5781. написа ѿ ѿвѣдника ѿборника. ѿ. великоуумоу князю сѣтославу*. Описателей в этой записи заинтересовал следующий факт: «В этом прибавлении все слова, начиная с *ѿвѣдника* до *сѣтославу*, так и встречающееся в самой подписи имя князь *сѣтославъ*, писаны по скобленому; между тем год письма 6581-й означен первоначальною рукою и не претерпел изменения. Отсюда можно догадаться, что рукопись первоначально была писана не для Святослава»¹⁴⁵.

«Слов» приписана не тем святым отцам, которым они принадлежат, а другим. При этом между «Словами» встречается немало сочиненных русскими проповедниками¹⁶⁰.

Обстоятельно разобраны «Слова» митрополита Даниила (237) и впервые указаны источники, которыми пользовался проповедник, также подробно изложено содержание сочинений Максима Грека и сочинения полемические, отражающие внутренние споры в Русской Церкви и полемику против католиков и протестантов. Описание всех этих рукописей представляет больше сведений для истории литературы, нежели чем историю языка по лингвистическим данным.

Наиболее замечательной рукописью из данного раздела следует признать Сборник (№318), содержащий в полном виде «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона¹⁶¹. Именно этой рукописью пользовался Горский в своей знаменитой статье: «Памятники духовной литературы времен Великого Князя Ярослава» при первом издании «Слова» Илариона в 1844 г.¹⁶²

§10. ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ БОГОСЛУЖЕБНЫХ КНИГ

Третий отдел славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки составляют богослужебные книги¹⁶³. По содержанию эти рукописи представляют собой Служебники, Требники, Церковные Уставы, Псалтири, Октоихи, Параклитики, Триоди Постные и Цветные, Трефологии (службы избранным святым), собрания канонов, молитв, Стихирари, Кондакари, Ирмологии, нотные Обиходы, Святцы, различные чины и последования, Синодики, сборники богослужебного содержания.

Вот как определяют сами исследователи приемы и методы описания рукописей в данном отделе: «Кроме некоторых исключений, не входя в филологические исследования о переводе и языке их, здесь мы ограничились только взаимным отношением списков, сличением текста с греческим и славянскими изданиями богослужебных книг — нынешними и, где было нужно, старопечатными, тщательно означая отступление от них описываемых рукописей»¹⁶⁴.

При описании богослужебных рукописей Горский и Невоструев показали отмены в молитвах, стихирах, песнях в сравнении с современными текстами. Было указано, как, вследствие различных неисправностей, вкрадывавшихся в переводы отечественных богослужебных книг, возникла при Патриархе Никоне необходимость сличения их с греческим подлинником для последующего исправления или/и вовсе замены новым переводом.

При разборе рукописей Синодальной библиотеки, содержащих богослужебные тексты, Горский и Невоструев положили начало труду сличения состава богослужебных книг по рукописным и печатным изданиям, что, к сожалению, до нашего времени так и не было завершено.

§11. ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ОПИСАНИЯ
РУКОПИСНЫХ СОБРАНИЙ ПОСЛЕ «ОПИСАНИЯ»
А.В.ГОРСКОГО И К.И.НЕВОСТРУЕВА

После выхода в свет фундаментальных томов «Описания» А.В.Горского и К.И.Невоструева исследования в области описания рукописных собраний продолжились, но менее добросовестно. В отношении археографического описания выходившие впоследствии труды о рукописях выглядят намного слабее разысканий А.Х.Востокова и А.В.Горского — К.И.Невоструева. Среди появившихся работ следует отметить следующие.

Труд В.М.Ундольского «Славяно-русские рукописи В.М.Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания»¹⁶⁵, изданный в 1870 г., является, по существу, обыкновенным каталогом с краткими палеографическими данными без минимального лингвистического анализа памятников.

Исследования архимандрита Леонида (Кавелина): «Описание славяно-русских рукописей книгохранилища ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря»¹⁶⁶ и «Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой лавры»¹⁶⁷, вышедшие в 1871 и 1880 гг. соответственно, представляют собой обыкновенные описания книгохранилищ в виде каталогов с краткими палеографическими сведениями о рукописях и не сообщают сведений о языке памятников.

Замечательным по своему содержанию предстает «Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И.Хлудова», изданное А.Н.Поповым в 1872 г.¹⁶⁸

По компетентному приговору И.В.Ягича, это — «описание большого числа (всего 361) преимущественно южно-славянских рукописей, попавших в собрание богатого купца Хлудова покупкою от А.Ф.Гильфердинга, соперничает содержательностью своей с Описанием рукописей Румянцевского музея А.Востокова; если несколько уступает ему в меткости критико-палеографических наблюдений, зато превышает значение его многими очень важными, отчасти довольно обширными выписками текстов»¹⁶⁹.

К этим словам следует добавить, что структура описания собрания Хлудова выстроена по примеру «Описания» А.В.Горского и К.И.Невоструева. Попов представляет описание церковнославянских и древнерусских рукописей по разделам: 1) Священное Писание (XIII–XIX вв.); 2) толкование Священного Писания XVI–XIX вв.; 3) творения святых отцов (XIV–XVIII вв.); 4) каноническое право (XV–XVIII вв.); 5) разные богословские сочинения (XV–XIX вв.); 6) богослужебные книги (XIII–XVIII вв.); 7) церковно-исторические и литературные сочинения (XIV–XIX вв.); 8) полемические сочинения (XIII–XIX вв.).

Филологический и лингвистический комментарий соединяется с публикацией обширных отрывков из рукописей. Так, описывая сербскую рукопись пророческих книг (полуустав начала XVI в.), Попов делает сличение и сравнение с материалами из «Описания» А.В.Горского и К.И.Невоструева: «По сличению с

Синодальными списками и рассматриваемый сербский представляет также заимствование из древних толковых пророчеств»¹⁷⁰.

Разбирая ту же рукопись пророков в другом месте, Попов указывает: «В пророчестве Иеремии (л. 254об.) после 12 стиха 2-й главы прямо следует 15 стих 25 главы, а после главы 45 (л. 287об.) — прямо 52-я. Пророчество же Даниила начинается 12-ю главою о Суссане.

Все эти пропуски произошли оттого, что были сделаны первоначально в толковании на пророков. Таким образом, и южнославянская рукопись вполне подтверждает мнение составителей Описания Синодальных рукописей об отношении текста библейских пророческих книг к толкованию на оные.

В образец языка, сохранившего следы глубокой древности и правописания, приводится отрывок: бѣ мужъ живѣи въ вавѣлоне. ѿме же емоу ѿвакимъ. ѿ пое же ноу еѣ же ѿме соусана. дщи хелкѣва. сестра же іереміе пррка добраа зѣло ѿ боещиса бѣ. родители же еѣ правдива. ѿ наущиста дщиерь свою по законоу моѿеевѣ. бѣше ѿвакимъ богать зѣло. ѿ бѣ емоу ѿграда блѣзь двора егѣ. ѿ ѿхождаахоуе къ нѣмоу жидове ѿме бѣше славнее нхъ въсехъ. ѿ ѿбраше два старца ѿ людѣи сдѣе въ то лѣто. ѿ нѣоже гла вѣка. ѿко ѿзыдетъ безаконіе ѿ вавѣлона. ѿ старьць. соудын. ѿже мнѣхоу строѣще людѣи еѣ. прѣвиста въ домоу ѿвакимѣи ѿ прихождаахоу к нѣмоу въси прѣщенсе»¹⁷¹.

Пример лингвистического комментария к рукописи Служебного Апостола (полуустав XIII–XIV вв. на пергамене): «В отношении языка рукопись замечательная. Носовые звуки употреблены смешанно. Звук **ы** имеет местами начертание **ѣ**, **ѥ** вместо **ѣ** по преимуществу. Губные не смягчаются посредством **л**, **ѣ** и **ь** употребляются смешанно; заменяет иногда **м**. В 3-м лице местами опускается флексия: например **издѣдѣ**, вм. **издѣдѣтъ**»¹⁷².

В своем труде Попов отмечает, но не во всех случаях, и типы правописания по восточковской классификации, в том числе и элементы смешанного правописания.

Следует признать, что «Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И.Хлудова», успешно предпринятое А.Н.Поповым, наиболее близко следует традиции А.Х.Востокова — А.В.Горского и К.И.Невоструева в области археографического описания рукописных собраний. Соглашаясь с Востоковым, Попов обращает внимание на необходимость определения такого важного фактора, как тип правописания при критике языка и текста рукописей, превзойдя описание рукописей Румянцевского музея более обширными выписками. Следуя традиции описателей Синодального Соборания, Попов разделил рукописи по содержанию, сгруппировав их по тематическим разделам, снабжая лингвистическими и текстологическими комментариями. Важной заслугой Попова является и то, что рукописи одинакового содержания с памятниками собрания Н.П.Румянцева и Синодального собрания снабжаются ссылками на соответствующие труды А.Х.Востокова — А.В.Горского и К.И.Невоструева.

Но, несмотря на все свои достоинства, «Описание» Попова уступает трудам указанных классиков. Приводя объемные выписки, автор не дает должного, исчерпывающего лингвистического анализа текста рукописи (а некоторые па-

мятники и вовсе оставляет без всякого комментария). Попов не использует археографический материал в полной мере. Из комментариев к рукописям трудно определить исторические процессы в языке или выявить рукописную традицию какого-либо памятника.

В 1875 г. архимандрит Амфилохий (Сергиевский) представил свое «Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки, с приложением снимков со всех пергаменных рукописей и некоторых писанных на бумаге»¹⁷³. К сожалению, данный труд, снабженный объемными выписками из рукописей, подобно описаниям архимандрита Леонида, сообщает мало сведений из истории языка. Такое же достоинство следует придать исследованию ученых монахов Арсения и Илария о славянских рукописях библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, изданному в 1878–1879 гг.¹⁷⁴

Выписки фрагментов и краткие палеографические сведения о рукописях представлены в исследованиях А.Е.Викторова «Собрание рукописей В.И.Григоровича»¹⁷⁵ и «Собрание рукописей П.И.Севастьянова»¹⁷⁶, вышедших в свет в 1879 и 1881 гг. соответственно.

В 1910 г. В.И.Срезневским и Ф.И.Покровским было издано «Описание рукописного отделения библиотеки Императорской Академии Наук»¹⁷⁷, в котором было разобрано 554 рукописи (68 пергаменных и 486 бумажных). Данный труд открыл новую веху в вопросе археографического описания рукописных собраний, к сожалению, приведшую к регрессу в области научного изучения рукописей с лингвистических, историко-филологических позиций.

Описатели сообщают данные о времени написания рукописи, о ее формате, числе листов, о материале, на котором написана рукопись, затем даются краткие палеографические сведения о памятнике.

Вслед за этим внешним описанием дается постатейный перечень содержания рукописи. Вот тут то и начинаются отступления от правил, заложенных еще А.Х.Востоковым и А.В.Горским. В.И.Срезневский и Ф.И.Покровский откровенно пишут во введении: «Для упрощения набора в типографском отношении, при передаче подлинных текстов вместо славянского шрифта взят русский, с заменой не имеющих в русском алфавите славянских букв (Ѧ, ѧ, Ѩ, ѩ, Ѫ, ѫ, Ѭ, ѭ, Ѯ, ѯ, Ѱ, ѱ, Ѳ, ѳ, Ѵ, ѵ, Ѷ, ѷ, Ѹ, ѹ, Ѻ, ѻ, Ѽ, ѽ, Ѿ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ) соответствующими русскими, с употреблением вместо сложных букв (оу) простых, с употреблением *и* и *і* согласно современному русскому правописанию, с изображением славянских чисел арабскими цифрами, с расстановкой знаков препинания по правилам современного правописания, с раскрытием титл и введением в строку надстрочных букв, с добавлением в конце слов ѣ и ѥ, если они пропущены вслед за согласной в строке или должны следовать за согласной, надписанной над строкой (исключения допускаются только в тех случаях, когда согласная, за которой они должны следовать, изменилась в зависимости от следующего за ней звука), и с добавлением (в скобках) утраченных или случайно пропущенных букв.

Что касается передачи правописания, то в силу необходимости описатели принуждены передавать правописание только приблизительно, руководствуясь общим правописанием рукописи; всего труднее было разобраться в рукописях

со смешанным правописанием, и, конечно, в этом отношении описание дает исследователям очень немного. Замечания библиографического характера допущены только в тех случаях, когда сообщают сведения именно о данной академической рукописи или о статье, входящей в состав данной рукописи, но не о памятнике, одним из списков которого является академическая рукопись или ее статья»¹⁷⁸.

Описатели отказались от труда передавать текст рукописи буква в букву, знак в знак, как они говорят, «для упрощения набора в типографском отношении». Весьма странное оправдание, учитывая то, что Востоков еще в 40-е гг. XIX в. при издании своего «Описания Румянцевского музеума» использовал славянские буквы, титлы и словосокращения в выписках из рукописей, в точности воспроизводя все особенности памятника. Вызывает сожаление и то, что «в силу необходимости описатели принуждены передавать правописание только приблизительно». Непонятна такая «необходимость», неясно и то, кто же «принуждает» исследователей специально искажать правописание рукописи до новых грамматических норм. Описатели заявляют, что им было трудно «разобраться в рукописях со смешанным правописанием». Трудно было в свое время разбираться Востокову, Горскому и Невоструеву, Попову, но они разбирались. Однако Срезневский и Покровский, видимо, решили не утруждаться и представили в итоге свой труд в сыром виде.

Вот примеры описания памятников:

«Евангелие апракос, отрывок. — 4. 5. 22. (Сырк. 1)

XII в. F0, 1 л. (в 2 стлб. по 26 стр.). Пергам. — Устав. Русск.

На об. листа заглавие второго Евангелия написано киноварью, начальная буква узорная двумя красками. На нижнем поле лицевой стороны листа рукою П.А.Сырку записано карандашом: !Отъ Края (-ю) Рѣзка изъ Тиги!.

Отрывок включает в себе Лук. XV. 24-32 и Мр. XI. 1-11»¹⁷⁹.

«Псалтырь. — 21. 2. 27 (Нов. 825).

XVIII в. (втор. пол.). 80, 369 лл. — Скоропись. — Перепл. — Русск.

Листы 1-12 написаны в XIX в. На л. 34об. изображение царя Давида, в красках. В начале кафизм и прибавочных статей наклеены заставки из цветной с золотом бумаги.

Л. 1. О крестном знамении Максима Грека.

Л. 5 «Преп. Отца нашего Иоанна Дамаскина о покланіи на востокъ».

Л. 13. Список с псалтыри (учебной) издания 1651 г.»¹⁸⁰

В дальнейшем (в том числе и в советский период) исследователи рукописей руководствовались именно такими упрощенными примерами описания памятников.

В 1913 г. Г.П.Георгиевским был представлен обзор рукописного собрания Н.С.Тихонравова¹⁸¹. Издание представляет собой обычный указатель, даже без минимальных палеографических указаний о рукописях.

Из трудов советских ученых в области описания рукописей следует назвать «Описание русских и славянских пергаменных рукописей»¹⁸², составленное в 1953 г. Е.Э.Гранстрем на материале фондов отдела рукописей Государственной

Профессор протоиерей Александр Васильевич Горский
(1812–1875)

публичной библиотеки имени М.Е.Салтыкова-Щедрина. В основе исследования, выполненного в стиле своего времени — в духе классовой борьбы и презрения к «феодалному богословию», лежит неконструктивный метод, заложенный еще Срезневским — Покровским.

Вот как об этом пишет сама Гранстрем: «При передаче приписок и помет на рукописях соблюдались следующие правила: графия (термин Е.Э.Гранстрем. — *А.М.*) писца сохраняется; выносные буквы вносятся в строку курсивом за исключением букв славянского шрифта...; титла раскрываются, причем восстанавливаемая часть слова передается по современной русской орфографии и заключается в круглые скобки; пунктуация рукописи не соблюдается, но употребляется пунктуация ныне принятая... Буквы, пропущенные писцом или утраченные в результате повреждения пергамента, восстанавливаются курсивом в прямых скобках. Малый юс в виде ё определяется как «треугольный малый юс». Слова и отдельные буквы, не поддающиеся прочтению, обозначаются многоточием.

Характеристика языка памятника дается нами постольку, поскольку это позволяет литература о данном памятнике»¹⁸³.

При описании рукописи автор приводит следующие сведения: «Указание на наличие приписок и помет к рукописи, текст их, датировка и краткое определение типа письма приписок; незначительные приписки или пометы (например, пробы пера, случайные отдельные слова, поправки или добавления к богослужебным текстам и т. п.) не приводятся, отмечается лишь наличие таковых незначительных приписок»¹⁸⁴.

«Библиография рукописи; не претендуя на полноту (так как библиография описываемых в предлагаемом издании рукописей составила бы предмет особого исследования), мы указывали труды советских ученых, труды, дающие библиографию рукописи, важнейшие исследования о рукописях, издания рукописей»¹⁸⁵.

Аналогичные упрощения при изучении памятника проявляются в следующем: автором вводятся «примечания — например, указание на наличие житий русских святых, а для богослужебных песнопений, посвященных русским святым или русским праздникам, ввиду своеобразного содержания подобных текстов, подробное раскрытие этих указаний не представляется необходимым»¹⁸⁶.

В качестве примеров представим описание рукописи Галицкого Евангелия и Служебника (XIII в.):

«*F n I 64*. «Галицкое Евангелие». Евангельские чтения. 1266–1301 гг. Галич. Устав. Инициалы и заголовки киноварные. На л. 1. об. заставка в красках. На л. 175 об. приписка: «В лѣт(о) с [6] м(е)с(я)цѣ февралѣ въ вѣ [12] д(е)нь, в д(е)нь четве(рто)к, при Лвовѣ кнѣжѣньи и с(ы)на кго Юрыѣ, при ихъ тишинѣ, хвалѣ ихъ съдоровьѣ роукою грѣшнаго раба б(о)жыѣ Георгыѣ прозвоутора скончашасѣ книги сѣѣ въ честь г(осподе)ви, собѣ на сп(а)сѣньѣ, ѡт своѣго довола. А вы, гоподо, и братьѣ, и о(т)ци, исправлеваюче чѣтѣте, не кльноуче, но поминаюч[е]... цѣ зда боудоу кде опѣсалсѣ, хоудымъ [о]умомъ грѣшнымъ, простѣте бл(а)го(сло)вѣѣе, аминь, амин(ь), [ам]инь». 175 лл. 2 столбца. 32 x 22.

Соболевский А.И. Очерки из истории русского языка. Ч. 1. Киев, 1884. С. 20 след.; Карский. Палеография. С. 46, 130, 202; Стасов. Л. XLIV»¹⁸⁷.

«Соф. 519. Служебник. XIII в. Устав. В языке — особенности новгородского говора. Инициалы и заставки написаны киноварью и чернилами. Сохранилась нижняя крышка старого переплета. 54 лл. 22 x 12,5. Нач. утрачено. Куприянов. Обозрение. С. 31; Срезневский. Др. пам. С. 119; Стасов. Л. LXIV. Есть русский материал»¹⁸⁸.

Из данных примеров видно, как искажается первоначальный вид рукописи сложным нагромождением различных графических знаков и передач текста современной орфографией. Из такого представления читателю совершенно невозможно определить ни графику букв, ни тип правописания, ни особенности почерка писца, ни грамматические особенности памятника. Следовательно, в таком описании нет достаточного материала, на котором возможно проводить лингвистический анализ памятников.

В 1970–1973 гг. в двух частях вышло исследование Т.Н.Протасьевой «Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В.Горского и К.И.Невоструева)»¹⁸⁹. Достоинство уважения то, что спустя более чем сто лет было принято решение составить описание оставшихся 477 рукописей уже бывшего Синодального собрания, хранящихся теперь в Государственном историческом музее в Москве.

Причины, побудившие Протасьеву заняться описанием, определены во введении к изданию: «Отсутствие полного описания Синодального собрания представляет до сих пор значительные затруднения для работающих над ним, тем более, что остались неизданными, главным образом, рукописи исторического содержания. Завершение описания Синодального собрания явилось насущной задачей Отдела рукописей ГИМ»¹⁹⁰.

Далее автор честно признается, что выполнить работу на уровне А.В.Горского и К.И.Невоструева ему не удастся: «Сознавая, что наши возможности далеки от глубоких знаний и опыта, которыми обладали А.В.Горский и К.И.Невоструев, мы все же решили приняться за работу, считая, что даже более краткое описание будет не бесполезно. Начинание это было горячо поддержано и одобрено покойным академиком Михаилом Николаевичем Тихомировым»¹⁹¹.

В результате Т.Н.Протасьева смогла разыскать в архивах материалы А.В.Горского и К.И.Невоструева, оставшиеся неопубликованными. Таким образом, наследие описателей Синодального собрания, считавшееся исчезнувшим более восьмидесяти лет, сохранилось к началу семидесятых годов XX в. в трех хранилищах: Государственной библиотеке им. В.И.Ленина, Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР и архиве Института истории Академии наук СССР¹⁹². Из общего количества неизданных памятников (477) нашлось 123 описания. Остальная часть рукописей потребовала составления описаний заново.

Во введении Т.Н.Протасьева пишет: «За годы, протекшие с тех пор, как труд А.В.Горского и К.И.Невоструева исчез из поля зрения научного мира, многие исследователи работали над рукописями Синодального собрания и включили

в свои труды неизданные раньше рукописи. Это значительно облегчило нашу работу, так как мы могли ссылаться на эти позднейшие труды, делая указания на них в библиографии к каждому памятнику»¹⁹³.

Протасьева активно пользовалась описанием сборников Синодального собрания, составленным сотрудником отдела рукописей ГИМ А.Д.Седельниковым в 1920-х гг. Это подробное описание, к сожалению, не издано до сих пор. Из работы Седельникова автор выбирала статьи исторического и литературного характера.

Порядок самого описания выполнен в русле традиции, заложенной еще в начале XX в. и продолженной в советский период. В начале каждой статьи приводятся краткие палеографические сведения о рукописи. Выписки из текста приводятся в современной орфографии, буквы славянского алфавита заменяются современными, выносные буквы вносятся в строку, раскрываются словосокращения. Публикуется краткое содержание памятника, описывается орнамент.

Вот примеры такого описания:

«№ 706 /Син. 227/ Кормчая «Ефремовская», XII, XIII вв., на пергамене, в большой лист /38,5 x 27/. В языке новгородские особенности /смена Ц и Ч/. Русский устав разных рук, 310 л. Начала и конца рукописи нет, л. 1–6 переписаны в XIII в.

Записи:

Л. 101. Уставом писца на полях: «О Офреме държи си крепко // оумъ грешнице».

Л. 145. Рукою писца, мелким уставом: «Офреме // не държи у // мА кроме».

Л. 246. Тем же почерком: «так Офреме грешнице не ленися».

Л. 251 об. Тем же почерком: «Офреме грешнице что не помяниши дне того како ленишися».

Л. 54. Скорописью XVIII в.: «По велицей милости».

На л. 1 /XII в./ жгутовая киноварная заставка; в тексте киноварные инициалы того же типа /см. л. 1–3 и 54/. В почерке XII в. — простые заглавия и небольшие инициалы чернилами/.

Переплет XVIII в. — картонный»¹⁹⁴.

Далее приводится краткий библиографический список трудов, посвященных описываемой рукописи.

«№588 /Син. 362/ Апофегмата. Сборник изречений древних философов и сказаний /перевод с польского/, 2-я пол. XVII в., 4⁰, русский полуустав, 277 л.

Водяные знаки: 1/ Герб Амстердама, кон. XVII в. 2/ Буква W под короной, №1052, 1683 г. 3 /Почтовый рожок, Кам. №286, 1693 г.

В конце, на л. 277об., полууставом писца запись: «Трудивыйся многогрешный Никита Усачев».

Л. 278об. Черченая пером эмблема — вера, надежда, любовь.

На переплетенных листах — пробы пера.

Л. II–VIII. Оглавление.

Л. 1. /второго счета/. Заглавие книги «Апофегмат» заключено в гравированной заставке-рамке. В тексте заголовки написаны киноварью.

Переплет XVII в. — доски в тисненой коже»¹⁹⁵.

Из представленных примеров видно, что Т.Н.Протасьева в своем значимом и необходимом труде все же не смогла следовать традиции А.В.Горского и К.И.Невоструева. Представленное описание рукописей Синодального собрания является в большей степени исследованием в области палеографии рукописей, но не исследованием лингвистических особенностей памятников.

Подводя итоги представленного обзора, следует сказать, что в течение всего XX в., в том числе и в советское время, исследования рукописей в области археографического описания сводились к составлению обыкновенного каталога с краткими палеографическими справками без надлежащих лингвистических комментариев. Выписки из рукописей передавались в виде упрощенного текста, адаптированного к нормам современной орфографии, что лишало исследователя и читателя возможности выявления лингвистических особенностей памятника и его изучения в лучших традициях дореволюционной археографии.

§12. ВЫВОДЫ

Для славянской филологии и отечественной археографии «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» представляет богатые материалы из истории языка, как русского, так и старославянского. По широте плана и достигнутых результатов «Описание» не имеет ничего подобного в нашей научной литературе даже сегодня. Впервые после описания Румянцевских рукописей, предпринятых Востоковым, Горский и Невоструев поставили своей задачей представить не сухое описание многочисленных рукописей, сведенное до обычного каталога или указателя, но проследить историческую судьбу тех литературных произведений, списки которых попали в Синодальную библиотеку, определить их место в русской рукописной традиции, дав памятникам надлежащий лингвистический комментарий.

Доведенное до конца в соответствии с первоначальным планом и исполненное с тем критическим тактом, при той громадной эрудиции, какой обладал А.В.Горский, «Описание» представляет собой историю всей допетровской словесности. Собранный и переработанный Горским совместно с Невоструевым материал дал неоценимые сведения не только в области археографии, но и среди историко-литературных изысканий, обогатив не только историю нашей литературы, но и византийской. Держась сравнительно-исторического метода изучения, выработанного еще А.Х.Востоковым, описатели, прежде всего, стремились разыскать начальный греческий и латинский текст, затем подвергнуть подробному рассмотрению их переводы, из сочинений неизданных сделать подробные извлечения.

При описании славянских рукописей Синодальной библиотеки Горский и Невоструев сделали неоценимый вклад в изучение этого вопроса: они открыли, собрали и обозрели огромный материал и наметили новые перспективы для плодотворной научной работы по генезису и реституции славянской Библии.

По справедливому и компетентному мнению профессора Г.А.Воскресенского, это «есть, можно сказать, неисчерпаемая сокровищница критически очищенных фактов для истории священного библейского текста»¹⁹⁶.

Ведущую роль в деле описания Синодального собрания сыграл профессор протоиерей А.В. Горский, сумевший подыскать себе надежного помощника — преподавателя семинарии К.И.Невоструева. Так, два человека с совершенно разной ученой подготовкой приступили к общему труду. С одной стороны, Горский, в совершенстве владевший всеми методами филологического, исторического и богословского знания, приступивший к делу после долговременной научной практики, с другой стороны Невоструев, трудолюбивый преподаватель Симбирской Духовной школы, без всякой подготовки в области описания древних славянских памятников. И, несмотря на такую первоначальную разницу в ученой эрудиции и опыте исследования рукописей между двумя исследователями, они в итоге блистательно завершают описание Синодального собрания. Представленные в настоящей работе сведения убедительно доказывают, что Горский и Невоструев постоянно работали над описанием рукописей как единый организм, успешно разрешая сложные лингвистические вопросы. В истории археографии есть печальный опыт совместного описания рукописей, когда Строев и Калайдович свели исследование Толстовского собрания до простого библиографического указателя. Противоположного результата достигли Горский и Невоструев: взаимно дополняя друг друга, описатели во главу угла поставили не личные амбиции, а стремление достойно завершить начатый труд. Ученая переписка Горского и Невоструева, насчитывающая несколько сот писем, ярко об этом свидетельствует.

Ведущую роль в «Описании» играл Горский, именно благодаря его указаниям история славянского текста Библии затрагивается во всех томах «Описания». Он доказал, что из ветхозаветных книг в славянской рукописной традиции были известны далеко не все. Горский определил, что библейские книги, которые отсутствовали в славянской рукописной традиции, были переведены в конце XV в. с латинского оригинала, кроме книги Есфирь, принятой в переводе с еврейского. В то же время Горский продолжал следить по славянским письменным памятникам за текстом Священного Писания. В итоге он установил, что в святоотеческой литературе древнейшего периода приводятся тексты Священного Писания отличные от греческого оригинала, а именно в собственном переводе отдельных авторов. Это явление было установлено в сочинениях Иоанна Экзарха Болгарского, в переводе творений Афанасия Александрийского, сделанном одним из учеников равноапостольного Мефодия — Константином Болгарским, в переводе «Огласительных» поучений Кирилла Иерусалимского и творений Григория Богослова.

Таким образом, Горский установил следующую закономерность: чем древнее памятник славянской литературы, тем более славянский текст Священного Писания отличается несогласием и самостоятельностью по отношению к древнему греческому оригиналу и древнейшим славянским переводам. Он отметил это замечательное явление, поднимая вопрос об объеме и судьбе кирилло-

мефодиевского перевода Священного Писания. Он не решил этот вопрос до конца, но успел определить важнейшие фазы в истории славянского текста Нового Завета и с помощью тонких критических наблюдений смог выявить древнейший первоначальный текст Пятикнижия, Псалтири, Деяний и Посланий Апостольских. Во главу угла в «Описании» Горский поставил анализ текста, причем этот анализ отвечал всем требованиям как филологической, так и исторической науки и подкреплялся колоссальной богословской эрудицией ученого.

«Описание» включает драгоценные материалы для изучения истории славянского текста Священного Писания, богослужебных и святоотеческих книг, для всей славянской филологии. По компетентному и авторитетному свидетельству Г.А.Воскресенского, «здесь собрано и подготовлено много соображений и указаний, драгоценных для филолога. Так, в выписках приведены особенности грамматических форм древнего церковнославянского языка и древнего правописания по наречиям; объяснены невразумительные слова через сличение с позднейшими, принятыми в их замену, или через сопоставление славянского текста с греческим; отмечено много слов древних, неизвестных дотоле, или имеющих новые значения, отсутствующие в словарях»¹⁹⁷. В подтверждение последнего следует указать на появление новых слов, которые взял Миклошич из «Описания» во второе издание своего словаря и которые не находились ни в первом его издании, ни в словаре церковнославянского языка Востокова¹⁹⁸.

Из недостатков «Описания» следует указать на отсутствие подробных палеографических сведений, как о почерке рукописей, так и об изображениях, к ним приложенных, об инициалах, вязи, водяных знаках — тех средствах, по которым определяется датировка памятника. Описатели не выбирали из рукописей (особенно в последних томах) всего грамматического и лексического материала, что, правда, было бы и не всегда уместно. Тем не менее, лингвистических данных в «Описании» представлено столько, что историк языка и древней литературы может пользоваться материалами рукописей, даже лично не перечитывая сами памятники.

Все тома «Описания» начинаются предисловиями, в которых представлены обобщающие сведения и факты, в полном виде рассредоточенные в разных частях книги. Эти предисловия уже сами по себе представляют исследование, снабженное новыми данными, выводами. Исследование, из которого видно, что многолетние разыскания описателей не остались бесплодными. В предисловиях указаны общие сведения о рукописях каждого отдела по частям, раскрывается история славянского библейского и богослужебного текстов, по столетиям указано время перевода толкований на славянский и русский языки, обозначен хронологический порядок появления переводов святых отцов.

Последующие исследования в области археографического описания рукописных собраний показали, что, к сожалению, опыт и традиции А.В.Горского и К.И.Невоструева не были усвоены учеными описателями. Археография в своем развитии не смогла достичь больших высот. Позднейшие исследователи пошли по пути упрощения, что негативно сказалось на уровне разработки археографи-

ческих разысканий и выявления лингвистических особенностей в исследуемых рукописях.

Именно поэтому до наших дней описание собрания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, предпринятое А.В.Горским и К.И.Невоструевым, сохраняет научную актуальность и служит ценным пособием при изучении литературных памятников и славянских древностей.

¹ Снегирев И.М. Памятники Московской древности. М., 1842–1845. С. 178.

² Там же. С. 179.

³ Полное Собрание Законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. VI. С. 510–512. №3908.

⁴ Бычков А.Ф. Записка акад. А.Ф.Бычкова [О труде г.г. Горского и Невоструева «Описание славянских рукописей Патриаршей, ныне Синодальной библиотеки»]. Прилож. 1-е к «Отчету о первом присуждении Ломоносовской премии» // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1870. Т. VII. №1. С. 83.

⁵ Иванов П. Описание Государственного Архива старых дел. М., 1850. С. 290–292.

⁶ Бычков А.Ф. Записка акад. А.Ф.Бычкова [О труде г.г. Горского и Невоструева «Описание славянских рукописей Патриаршей, ныне Синодальной библиотеки»]... С. 86; См.: Полуденский М. Опись Патриаршей библиотеки 1718 г. // Русский Архив. 1864. 1. №3–4. С. 2–47.

⁷ Цит. по: Срезневский И.И. Записка акад. И.И.Срезневского [О труде г.г. Горского и Невоструева «Описание славянских рукописей Патриаршей, ныне Синодальной библиотеки»]. Прилож. 1-е к «Отчету о первом присуждении Ломоносовской премии» // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1870. Т. VII. №1. С. 30. К.Ф.Калайдович — Н.П. Румянцеву от 10 декабря 1816 г.

⁸ Переписка А.Х.Востокова в повременном порядке с обстоятельными примечаниями // Сборник II отделения Императорской Академии наук. СПб., 1873. Т. V. Вып. 2. С. 145. Н.П.Румянцев — А.Х.Востокову от 7 ноября 1824 г.

⁹ Цит. по: Срезневский И.И. Записка акад. И.И.Срезневского [О труде г.г. Горского и Невоструева «Описание славянских рукописей Патриаршей, ныне Синодальной библиотеки»]... С. 31. К.Ф.Калайдович — Н.П.Румянцеву от 4 мая 1825 г.

¹⁰ Переписка А.Х.Востокова в повременном порядке с обстоятельными примечаниями // Сборник II отделения Императорской Академии наук. СПб., 1873. Т. V. Вып. 2. С. 232. К.Ф.Калайдович — А.Х.Востокову от 15 июля 1825 г.

¹¹ Бычков А.Ф. Записка акад. А.Ф.Бычкова [О труде г.г. Горского и Невоструева «Описание славянских рукописей Патриаршей, ныне Синодальной библиотеки»]... С. 87–89.

¹² Снегирев И.М. Памятники Московской древности. М., 1842–1845.

¹³ Там же. С. 183–184, 187.

¹⁴ Ундольский В.М. Описание славянских рукописей Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. Отделение I. Богословие: священное писание,

толкователи священного писания и каноническое право (кормчие). Составленное покойным д. членом В.М.Ундольским. С предисловием О.М.Бодянского // Чтения в Обществе истории древностей российских. 1867. Кн. II; *Он же*. Описание славянских рукописей московской Патриаршей библиотеки. Неоконченное сочинение В.М.Ундольского. М., 1867.

¹⁵ Ундольский В.М. Описание славянских рукописей Московской Патриаршей библиотеки. Неоконченное сочинение В.М.Ундольского. М., 1867. С. 13.

¹⁶ Там же. С. 14–15.

¹⁷ Буслаев Ф.И. Палеографические и филологические материалы для истории писем славянских, собранные из 15-ти рукописей московской Синодальной библиотеки // Материалы для истории писем восточных, греческих, римских и славянских. Изготовлены к столетнему юбилею Имп. Московского университета трудами профессоров и преподавателей Петрова, Клина, Меншикова и Буслаева. М., 1855.

¹⁸ Там же. С. 6–7.

¹⁹ Савва (Тихомиров), архим. Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. М., 1855.

²⁰ Савва (Тихомиров), архим. Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. Изд. 3-е, значительно дополненное. М., 1858.

²¹ Там же. С. 194.

²² Протасьева Т.Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В.Горского и К.И.Невоструева). Ч. I. №577–819. М., 1970. С. 95–97.

²³ О лингвистических методах и приемах А.Х.Востокова при описании рукописного собрания графа Н.П.Румянцева. См.: Мельков А.С. Лингвистические аспекты археографического описания рукописных собраний. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., Тип. МПГУ, 2007. С. 12–15.

²⁴ О протоиерее А.В.Горском подробно см.: Мельков А.С. Жизненный путь и научное наследие протоиерея А.В.Горского. М., 2006.

²⁵ ОР РГБ. Ф. 78. К. 30. Ед. хр. 30. Л. 3–3об. П.П.Птицын — А.В.Горскому от 11 апреля 1834 г.

²⁶ Протоиерей Александр Васильевич Горский в воспоминаниях о нем Московской Духовной Академии в двадцать пятую годовщину со дня его смерти, 11 и 22 октября 1900 г., с приложением некоторых неизданных бумаг из архива А.В.Горского. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900. С. 61–62.

²⁷ Смирнов С.К. История Московской Духовной Академии. М., 1879. С. 287–288.

²⁸ Там же. С. 289.

²⁹ Евгений (Болховитинов), митр. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской Церкви. В 2-х т. СПб., 1827.

³⁰ Полевой Н.А. История русского народа. В 6-и т. М., 1829–1833.

³¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. В 3-х кн., заключающих в себе 12 т. с полными примеч. 5-е изд. СПб., 1842–1843.

- ³² *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Обзор русской духовной литературы. В 2-х кн. Харьков, 1859–1861.
- ³³ *Мельков А.С.* Жизненный путь и научное наследие протоиерея А.В.Горского. М., 2006. С. 92.
- ³⁴ *Тихонравов Н.С.* Горский и Невоструев // У Троицы в Академии, 1814–1914 гг.: Юбилейный сборник исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914. С. 343.
- ³⁵ Там же. С. 343–344.
- ³⁶ *Мельков А.С.* Жизненный путь и научное наследие протоиерея А.В.Горского. М., 2006. С. 93.
- ³⁷ *Горский А.В.* Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1842; 1852; 1857; 1873; 1890; 1996. См. черновые записи: ОР РГБ. Ф. 78. К. 10. Ед. хр. 4–5; К. 11. Ед. хр. 1–2.
- ³⁸ *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П.Погодина. Кн. V. СПб., 1892. С. 351.
- ³⁹ См.: *Мельков А.С.* О Паннонских житиях святых Кирилла и Мефодия // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых. Материалы третьей международной конференции молодых ученых. М. – Ярославль, 2004.
- ⁴⁰ *Горский А.В.* О святых Кирилле и Мефодии // Москвитянин. 1843. Ч. 3. №6.
- ⁴¹ *Горский А.В.* Жития св. Кирилла и Мефодия // Кирилло-Мефодиевский сборник: в память о свершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России / Изд. М.П.Погодиным. М., 1865.
- ⁴² *Востоков А.Х.* Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842.
- ⁴³ *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. С. 345; *Ягич И.В.* История славянской филологии. СПб., 1910. С. 643; См. рецензию А.В.Горского: Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное А.Востоковым // Москвитянин. 1843. Ч. 2. №4. С. 500–516.
- ⁴⁴ Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное А.Востоковым. С. 511–512. Прим.
- ⁴⁵ *Востоков А.Х.* Описание... С. 5. Рукопись II.
- ⁴⁶ Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное А.Востоковым. С. 512. Прим.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ *Филарет (Дроздов), митр.* Письма к покойному архиепископу Тверскому Алексию. 1843–1867. М., 1883. С. 45–46.
- ⁴⁹ *Горский А.В.* Дневник / Под ред. С.К.Смирнова // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 34. 1884. С. 315, 319, 330.
- ⁵⁰ *Воробьев М.Н.* А.В.Горский и К.И.Невоструев (к вопросу о соавторстве) // Богословский сборник. М., 1997. №1. Вып. 1. С. 278.
- ⁵¹ Там же. С. 279.
- ⁵² ОР РГБ. Ф. 78. К. 39. Ед. хр. 22. Л. 1–6.
- ⁵³ Письма Филарета, архиепископа Черниговского, к А.В.Горскому // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 36. М., 1885. С. 411.

⁵⁵ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855–1917. 3 Отд.: Отд. 1. Священное Писание. М., 1855. С. I.

⁵⁶ Срезневский И.И. Отчет о первом присуждении Ломоносовской премии // Записки Импер. Акад. Наук. СПб., 1868. Т. 12. Кн. 2. С. 202–203.

⁵⁷ ОР РГБ. Ф. 78. К. 20. Ед. хр. 22. Л. 1–71.

⁵⁸ Тихонравов Н.С. Указ соч. С. 350–351.

⁵⁹ Невоструев К.И. Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века. М., 1868.

⁶⁰ Невоструев К.И. Описание Симбирского Спасского монастыря. М., 1855; Он же. О начале Алатырского Киево-Николаевского монастыря // Вестник Западной России. 1866. №8–9; Он же. Историческое описание бывших в городе Самаре мужского Спасо-Преображенского и женского Спасского монастырей // Классика Самарского краеведения: Антология / Под ред. П.С.Кабытова, Э.Л.Дубмана. Самара, 2002. С. 31–44; Классика Самарского краеведения: Антология / Под ред. П.С.Кабытова, Э.Л.Дубмана. Самара, 2002. С. 32; См. исследования К.И.Невоструева по археологии Поволжья: О городищах Волжско-Болгарского и Казанского царств. М., 1871; Ананьинский могильник Вятской губернии. М., 1871.

⁶¹ ОР РГБ. Ф. 78. К. 9. Ед. хр. 11. Л. 1–229.

⁶² Востоков А.Х. Описание...

⁶³ Срезневский И.И. Записка акад. И.И.Срезневского [О труде г.г. Горского и Невоструева «Описание славянских рукописей Патриаршей, ныне Синодальной библиотеки»]...

⁶⁴ Витошинский Е.М. Указатель именной и предметный к труду А.В.Горского и К.И.Невоструева «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки». Варшава, 1915.

⁶⁵ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. 2: Писания святых отцов. 2. Писания догматические и духовно-нравственные. М., 1859. С. 409.

⁶⁶ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. 1: Священное Писание. М., 1855.

⁶⁷ Эпизод из истории описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки // Богословский вестник. 1900. №11. С. 485–486.

⁶⁸ Рецензия на «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» // Богословский вестник. 1900. №11. С. 493, 495.

⁶⁹ Черновой вариант см.: ОР РГБ. Ф. 78. К. 9. Ед. хр. 2; Апология «Описания славянских рукописей Синодальной библиотеки» и Слово обличительное на отца Иоанна (ныне Казанской Духовной Академии ректора) // Богословский вестник. 1900. №11. С. 496–515.

⁷⁰ Там же. С. 511.

⁷¹ Там же. С. 511–512.

⁷² Цит. по: Эпизод из истории описания славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки. С. 490.

⁷³ Там же. С. 492.

- ⁷³ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. 2: Писания святых отцов. В 3-х т. М., 1857–1862.
- ⁷⁴ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. 3: Книги богослужебные. Ч. 1. М., 1869.
- ⁷⁵ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. 3: Книги богослужебные. Ч. 2. М., 1917.
- ⁷⁶ См.: Гиляров-Платонов Н.П. Из пережитого. СПб., 1882. С. 96.
- ⁷⁷ ОР РГБ. Ф. 78. К. 23. Ед. хр. 76. Л. 1–1 об. А.Ф.Бычков — А.В.Горскому от 2 декабря 1867 г.
- ⁷⁸ Срезневский И.И. Отчет о первом присуждении Ломоносовской премии. С. 196–197; Он же. Приложение к отчету о первом присуждении Ломоносовской премии // Записки Импер. Акад. наук. СПб., 1868. Т. 12. Кн. 2. С. 240.
- ⁷⁹ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. 1: Священное Писание. М., 1855. С. II.
- ⁸⁰ Там же. С. IV.
- ⁸¹ Невоструев К.И. О составе Библии в древней России и о других предметах, изложенных в Описании Синодальной библиотеки и оспариваемых в некоторых на оное рецензиях // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Импер. Академии наук. Т. VII. №6. СПб., 1870. С. 3–4.
- ⁸² Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. 1: Священное Писание. М., 1855. С. 2.
- ⁸³ Там же. С. 2–3, 130–132.
- ⁸⁴ Там же. С. 13–14.
- ⁸⁵ Там же. С. 14–16.
- ⁸⁶ Там же. С. 16–18.
- ⁸⁷ См.: Михайлов А.В. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Ч. I. Паримийный текст. Варшава, 1912. С. ССXXXVI–ССXLII.
- ⁸⁸ Камчатнов А.М. История и герменевтика славянской Библии. М., 1998. С. 9–10.
- ⁸⁹ Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 198.
- ⁹⁰ Цуркан Р.К. Славянский перевод Библии. Происхождение, история текста и важнейшие издания. СПб., 2000. С. 206.
- ⁹¹ Там же. С. V.
- ⁹² Там же. С. 62–63.
- ⁹³ Востоков А.Х. Описание... С. 469. Рукопись СССXXXI.
- ⁹⁴ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. 1: Священное Писание. М., 1855. С. 135.
- ⁹⁵ Там же. С. 59–60.
- ⁹⁶ Там же. С. 113.
- ⁹⁷ Там же. С. 88.
- ⁹⁸ Там же. С. 88–89.
- ⁹⁹ Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 2004. С. 209.

- ¹⁰⁰ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. 1: Священное Писание. М., 1855. С. 88–90.
- ¹⁰¹ Там же. С. 9.
- ¹⁰² Там же. С. 53.
- ¹⁰³ Там же. С. 54.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 55.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 56–57.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 44–46.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 47.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 48.
- ¹¹⁰ Там же. С. VII.
- ¹¹¹ Алексеев А.А. Указ. соч. С. 199–200.
- ¹¹² Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. 1: Священное Писание. М., 1855. С. 135–136.
- ¹¹³ Алексеев А.А. Указ соч. С. 198.
- ¹¹⁴ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. 1: Священное Писание. М., 1855. С. 129.
- ¹¹⁵ Там же. С. 165–180.
- ¹¹⁶ Срезневский И.И. Записка акад. И.И.Срезневского [О труде г.г. Горского и Невоструева «Описание славянских рукописей Патриаршей, ныне Синодальной библиотеки»]... С. 42.
- ¹¹⁷ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. 1: Священное Писание. М., 1855. С. 213–214.
- ¹¹⁸ Борковский В.И., Кузнецов П.С. Указ. соч. С. 90.
- ¹¹⁹ Там же. С. 208–209.
- ¹²⁰ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. 1: Священное Писание. М., 1855. С. 214–215.
- ¹²¹ Там же. С. 217.
- ¹²² Борковский В.И., Кузнецов П.С. Указ. соч. С. 297.
- ¹²³ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. 1: Священное Писание. М., 1855. С. 217.
- ¹²⁴ Там же. С. 219.
- ¹²⁵ Борковский В.И., Кузнецов П.С. Указ. соч. С. 127.
- ¹²⁶ Там же. С. 152–153.
- ¹²⁷ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. 1: Священное Писание. М., 1855. С. 219.
- ¹²⁸ Там же. С. X.
- ¹²⁹ Там же. С. 289.
- ¹³⁰ Там же. С. 290.
- ¹³¹ Там же. С. 226.
- ¹³² Там же. С. 291.
- ¹³³ Там же. С. 157.
- ¹³⁴ Алексеев А.А. Указ соч. С. 196.

- ¹³⁵ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. 2: Писания святых отцов. В 3 т. М., 1857–1862.
- ¹³⁶ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. 2: Писания святых отцов. 1. Толкование Священного Писания. М., 1857. С. 5–6.
- ¹³⁷ Там же. С. 69.
- ¹³⁸ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. 2: Писания святых отцов. 2. Писания догматические и духовно-нравственные. М., 1859. С. 33–34.
- ¹³⁹ Там же. С. 292–293.
- ¹⁴⁰ Там же. С. IX–X.
- ¹⁴¹ Там же. С. 59, 64.
- ¹⁴² Там же. С. 201.
- ¹⁴³ Там же. С. 145, 146.
- ¹⁴⁴ Востоков А.Х. Описание... С. 499–506. Рукопись CCCLVI.
- ¹⁴⁵ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. 2: Писания святых отцов. 2. Писания догматические и духовно-нравственные. М., 1859. С. 367.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 370–385.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 391.
- ¹⁴⁸ Там же.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 392.
- ¹⁵⁰ См.: Борковский В.И., Кузнецов П.С. Указ. соч. С. 299.
- ¹⁵¹ Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953. С. 133.
- ¹⁵² См.: Борковский В.И., Кузнецов П.С. Указ. соч. С. 299.
- ¹⁵³ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. 2: Писания святых отцов. 2. Писания догматические и духовно-нравственные. М., 1859. С. 393–394.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 395.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 396–404.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 404–405.
- ¹⁵⁷ Камчатнов А.М. Старославянский язык: Курс лекций. М., 2002. С. 29.
- ¹⁵⁸ См. Карацић В.С. Писменица сербскога језика по говору простога народа. Вена, 1814. Репринт: Краљево: ГИРО «Слово», 1984.
- ¹⁵⁹ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. 2: Писания святых отцов. 3. Разные богословские сочинения. М., 1862.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 81, 130.
- ¹⁶¹ Там же. С. 599.
- ¹⁶² Горский А.В. Памятники духовной литературы времен Великого Князя Ярослава I // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. 1844. Ч. 2.
- ¹⁶³ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Отд. 3: Книги богослужебные. Ч. 1. М., 1869.
- ¹⁶⁴ Там же. С. XXI.
- ¹⁶⁵ Ундольский В.М. Славяно-русские рукописи В.М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания. №1 по №579. М., 1870.

¹⁶⁶ *Леонид, архим.* Описание славяно-русских рукописей книгохранилища ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря и заметки о старопечатных церковнославянских книгах того же книгохранилища // Чтения в Обществе истории древностей российских. 1871. Кн. I. Отд. V. С. 1–71.

¹⁶⁷ *Леонид, архим.* Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой Лавры // Чтения в Обществе истории древностей российских. 1880. Кн. IV. С. 1–49.

¹⁶⁸ *Попов А.[Н.]* Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И.Хлудова. Сост. А.Попов. М., 1872; *Попов А.* Первое прибавление к «Описанию рукописей и каталогу книг церковной печати библиотеки А.И.Хлудова». М., 1875.

¹⁶⁹ *Ягич И.В.* Указ. соч. С. 645.

¹⁷⁰ *Попов А.[Н.]* Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И.Хлудова. / Сост. А.Попов. М., 1872. С. 2.

¹⁷¹ Там же. С. 3.

¹⁷² Там же. С. 22.

¹⁷³ *Амфилохий, архим.* Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки, с приложением снимков со всех пергаменных рукописей и некоторых писанных на бумаге. М., 1875.

¹⁷⁴ *Иларий, иеромонах, Арсений, иеромонах.* Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. В 3-х т. М., 1878–1879.

¹⁷⁵ *Викторов А.Е.* Собрание рукописей В.И.Григоровича. М., 1879.

¹⁷⁶ *Викторов А.Е.* Собрание рукописей П.И.Севастьянова. М., 1881.

¹⁷⁷ *Срезневский В.И., Покровский Ф.И.* Описание рукописного отделения библиотеки Императорской Академии Наук. Т. 1. СПб., 1910.

¹⁷⁸ Там же. С. V–VI.

¹⁷⁹ Там же. С. 2.

¹⁸⁰ Там же. С. 67.

¹⁸¹ *Георгиевский Г.П.* Собрание Н.С.Тихонравова. Рукописи. М., 1913.

¹⁸² Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдавлахийские, сербские / Сост. Е.Э.Гранстрем / под ред. Д.С.Лихачева. Л., 1953.

¹⁸³ Там же. С. 7.

¹⁸⁴ Там же. С. 6.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Там же. С. 22–23.

¹⁸⁸ Там же. С. 29.

¹⁸⁹ *Протасьева Т.Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В.Горского и К.И.Невоструева). Ч. I. №577–819. М., 1970; Ч. II. №820–1051. М., 1973.

¹⁹⁰ *Протасьева Т.Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В.Горского и К.И.Невоструева). Ч. I. №577–819. М., 1970. С. II.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же. С. III.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Там же. С. 95.

¹⁹⁵ Там же. С. 10.

¹⁹⁶ Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002. С. 50.

¹⁹⁷ Воскресенский Г.А. А.В.Горский // Славянское обозрение. 1892. Т. 3. Кн. 10. С. 178.

¹⁹⁸ Miklosich Fr. Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinum emendatum auctum. Vindobonae, 1862–1865; Словарь Церковнославянского языка, составленный Академиком А.Х.Востоковым. Издание Второго Отделения Императорской Академии Наук. 1858–1861. Т. 2.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Протоиерей Игорь Гагарин</i> ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	3
<i>Протоиерей Игорь Бычков</i> БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ОБ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ	10
<i>Протоиерей Петр Иванов</i> О ДВИЖЕНИИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ «АНАСТАСИИ»	26
<i>Протоиерей Михаил Щепетков</i> МОСКОВСКАЯ ЕПАРХИЯ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (1853–1856 гг.)	53
<i>Священник Александр Ионов</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕРКОВНЫХ АРХИВИСТОВ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ (1917 – начало 1920-х гг.)	60
<i>Протоиерей Николай Крячко</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ЮГО-ВОСТОКЕ РОССИИ В 1919 ГОДУ	79
<i>А.С. Мельков</i> ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ «ОПИСАНИЯ СЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ» А.В. ГОРСКОГО И К.И. НЕВОСТРУЕВА	91

**ТРУДЫ
КОЛОМЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ**

Выпуск 4

Подписано в печать 15.08.09. Формат 70 x 90 1/16.
Печ. л. 10. Тираж 500 экз. Заказ №1700.

Издательско-производственный центр «Русский раритет».
119002 Москва, Денежный пер., 22.

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»».
105005 Москва, ул. Фр. Энгельса, 46